Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

На правах рукописи

БИЧЕР Омер

Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Н.А. Максимчук

Смоленск – 2016

Оглавление

Введение……...4

ГЛАВА I. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ……16

1.1. Язык и культура в аспекте межкультурной коммуникации…….. ……16

1.2. Лингвокультурология: основные понятия…..……...20

1.2.1. Единицы лингвокультурологии и их классификация..….26

1.3. Фразеологизмы: определение, классификации, функции в языке и культуре……..……..31

1.3.1. Понятие фразеологизмов в турецком языке ……..35

1.4. Фразеологические единицы в лингвокультурологическом аспекте 38

1.4.1. Пословицы и поговорки в современных лингвокультурологических исследованиях……...43

Выводы……..……...52

ГЛАВА 2. ЗООМОРФИЗМЫ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ. …… ……

.....…55

2.1. Зоонимы и зооморфизмы……55

2.2.Метафора как способ формирования зооморфизмов……60

2.3. Особенности пословиц и поговорок о животных…….....…68

2.4. Образы животных в русской фразеологии на фоне турецкого языка……...…….70

2.4.1. Образ *верблюда*……..72

2.4.2. Образ *волка*…… 75

2.4.3. Образ *ворона* (*вороны*)……80

2.4.4. Образ *коня* (*лошади*) ……..……82

2.4.5. Образ *лисы* ……...87

2.4.6. Образ *осла*…….88

2.4.7. Образ *свиньи* ……91

2.4.8. Образ *собаки* (*пса*) ……..93

Выводы……...102

ГЛАВА 3. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ С ЗООМОРФНЫМИ ОБРАЗАМИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ…….……. ……... 105

3.1. Лексикография в системе средств обеспечения межкультурной коммуникации…….…….105

3.2. Пословицы и поговорки в современных фразеологических словарях……108

3.3. Современная учебная лексикография и проблемы межъязыковой коммуникации…….…….112

3.3.1. Лингвокультурологическое описание русских пословиц и поговорок как задача учебной лексикографии…… ……116

3.3.2. Проект учебного лингвокультурологического словаря пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом…….119

Выводы……...…127

Заключение…… ……129

Литература…….……..133

Список словарей…….…….....156

Источники языкового материала…….……158

Приложение 1. Тематические группы русских пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом……..... 159

Приложение 2. Тематические группы турецких пословиц и поговорок компонентом-зоонимом ……..…….165

ВВЕДЕНИЕ

Динамичность современного мирового сообщества создаёт многочисленные и разнообразные ситуации, которые реализуются (и вербализуются) в форме межкультурного (межъязыкового) взаимодействия. От характера и качества этого взаимодействия во многом зависит атмосфера, формирующаяся в обществе как на микро-, так и на макроуровне.

В свою очередь, адекватность межкультурного (межъязыкового) общения в значительной мере обусловливается наличием у коммуникантов необходимых знаний о культурных и других национальных особенностях личности коммуникативного партнёра. Усиление в последние десятилетия научно-исследовательского интереса к этим проблемам стимулировано развитием когнитивной лингвистики, сосредоточенной на проблемах языкового выражения знания и рассматривающей язык в неразрывной связи с его носителем (языковой личностью) и культурой народа.

Современная наука о языке убедительно доказывает теснейшую и многоканальную связь между языком и человеком, которому он принадлежит, между языком и культурой, которую он отражает. Традиционный интерес лингвистов к проблемам фразеологии сегодня значительно усиливается в связи с расширением методологических основ и направлений исследования языковых единиц, обладающих высокой культурной ценностью как на внутриязыковом, так и на межъязыковом уровнях.

Современный этап изучения и описания фразеологических единиц характеризуется активным взаимодействием целей и методов теории классической лингвистики и новых интегративных научных направлений – *лингвокультурологии* и *межкультурной коммуникации*, которые рассматривают языковой материал с позиций собственных исследовательских приоритетов.

Предметом лингвокультурологии, по мнению учёных, является описание и рассмотрение «синхронно действующих механизмов взаимодействия языка и культуры, которое должно осуществляться на основе разработки адекватных этим культурно-языковым механизмам методов» [Телия 1996, с. 50].

Главной *целью лингвокультурологии* считается исследование культурно-языковой компетенции членов этно-национальных сообществ на основе описания кода культуры в его различных проявлениях и культурных коннотаций, коррелирующих в сознании носителей языка с концептуальным содержанием языковых единиц и формирующих таким образом общность культурно-языкового самосознания (*картины мира*) данного народа.

Помимо общетеоретического значения, решение задач, стоящих перед лингвокультурологией, имеет существенную значимость для развития весьма актуального сегодня направления прикладной лингвистики, обращённого к проблемам описания языка с точки зрения потребностей *межкультурной коммуникации*.

Под *межкультурной коммуникацией* понимается речевое взаимодействие представителей разных культур, характеризующееся достижением коммуникативных целей и основывающееся на знании национально-культурной специфики страны собеседника. При этом построение системы описания (и далее – обучения) *межкультурной* (*межъязыковой*) *коммуникации*, базирующееся на положении о единстве языка и культуры, исходит из того, что культурная информация, носителями которой являются участники речевого взаимодействия, закреплена в средствах их родных языков, следовательно, адекватность межъязыкового общения достигается изучением языковых средств и форм выражения культуры данных народов.

В связи с расширяющимися потребностями общения представителей разных народов и культур всё большее значение в современных условиях приобретают описания русского языка, обращённые к носителям конкретных

национальных языков. Одним из важных принципов, на которых должны строиться такие описания в современной ситуации, мы, вслед за Н.А. Максимчук, считаем *принцип симметрии*, или «*зеркальности*» [Максимчук 2014]. Этот принцип предполагает необходимость обеспечения взаимного и, по возможности, равноценного представления участников общения об особенностях национальной культуры собеседника, поскольку именно «культурное равноправие» позволяет рассчитывать, в значительной степени, на успешность межкультурной коммуникации (подробнее об этом см. [Бичер 2014]). Для достижения этой цели, прежде всего, необходимо выявить значимые с позиций характеристики особенностей национальной картины мира языковые средства и установить оптимальные способы описания языковых единиц, обладающих весомой *лингвокультурной ценностью*, т.е. способностью выражать элементы системы культурных ценностей народа-носителя языка.

Одно из центральных мест в ряду подобных единиц, по мнению многих исследователей, принадлежит фразеологизмам. И.О. Черпакова, в частности, пишет: «Каждый, кто изучает русский язык, наверняка не раз слышал слова о его богатстве. Носителям русского языка эта мысль кажется привычной, не требующей доказательств. Иностранцы смогут понять, в чём заключается богатство русского языка, если будут обращать внимание на то, что делает речь русских людей яркой, образной, выразительной. Одним из самых ярких украшений нашей речи являются фразеологизмы» [Черпакова и др. 2012, с. 4].

Выдающийся русский литературный критик В.Г. Белинский считал, что фразеология есть не что иное, как «народная физиономия языка, его оригинальные средства и самородное богатство» [Белинский 1953, с. 407].

В основе настоящей работы лежит актуальный взгляд на фразеологические средства языка, в соответствии с которым рассмотрение фразеологии через призму культуры позволяет увидеть связи между фразеологическими

средствами того или иного языка и отражённой в них национальной картиной мира.

В современной лингвистике нет единого мнения по вопросу об объёме понятия «фразеологизм», «фразеологический оборот»: одни исследователи разделяют позицию В.В. Виноградова, включавшего в состав фразеологизмов три типа фразеологических единиц, другие соглашаются с Н.М. Шанским, расширившим границы фразеологии за счёт так называемых фразеологических выражений. Так сформировалось два подхода к определению объёма фразеологии, получившие соответственные названия *узкого* и *широкого*. В узком смысле к фразеологизмам относятся *фразеологические сращения*, *фразеологические единства* и *фразеологические сочетания***.** Фразеологизмы в широком смысле включают в свой состав и *фразеологические выражении*, в том числе которых входят пословицы, поговорки, крылатые слова и т.п. [Шанский 1985, с. 12]. Целям данной работы в большей степени отвечает широкое понимание фразеологических единиц, при котором пословицы и поговорки воспринимаются как разновидность фразеологических выражений.

Особое внимание к пословицам и поговоркам с позиций лингвокультурологии и межкультурной коммуникации объясняется тем, что именно в этих продуктах коллективного народного творчества в наиболее яркой, образной и в то же время компактной форме запечатлены традиционные, прошедшие испытание временем суждения, оценки, взгляды носителей языка, отражены способы их мировидения и мировосприятия.

Сочетание «пословицы и поговорки» нередко функционирует как единый терминологический оборот, не делимый на составные части. Это объясняется тем, что пословицы и поговорки имеют значительное сходство. Однако ещё В.И. Даль обращал внимание на различия в характеристиках этих народных речений.

Пословица – краткое изречение, поучение в виде притчи, иносказания или в виде житейского приговора [Даль 1989].

Поговорка – это тоже иносказание, но без притчи, без суждения, это первая половина пословицы [Там же].

В современной паремиологии эти понятия также разграничиваются, хотя разграничительные признаки в разных определениях могут различаться.

Пословица – «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного)» [Жуков 1990, с. 389].

Поговорка – «краткое изречение нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только *буквальный план* (курсив наш – О.Б.) и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение» [Жуков 1990, с. 379].

Различия пословиц и поговорок отмечаются и в словарях общего типа.

Поговорка – «краткое устойчивое выражение, *преимущественно образное* (курсив наш – О.Б.), не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [Ожегов 1997, с. 530].

В приведённых определениях важным с точки зрения целей нашей работы является характеристика содержательного плана поговорок. Как видим, одни исследователи усматривают в поговорках только буквальное (прямое) значение, другие считают, что и в поговорках преобладает образный план (переносное значение). Такие расхождения во мнениях можно объяснить переходным характером поговорок (так, О.Ю. Мансурова называет поговорки своеобразными «мостами», «переходами» от фразеологизма к пословице [Мансурова 2007, с. 4]; о том, что пословицы часто переходят в поговорки, пишет, в частности, В.И. Зимин [Зимин 1994, с. 7] и т.д.), чем объясняется существование поговорок и с прямым и с образным содержательными планами.

Таким образом, при существующих различиях, эти языковые единицы весьма близки с точки зрения сферы функционирования, охватываемых ком-

муникативных ситуаций, способа использования и т.д., что и проявляется в традиционном использовании этих терминов в форме сочинительного оборота: *пословицы и поговорки.*

Заметное место в русской фразеологической картине мира занимают единицы, в состав которых входят названия животных, формирующие в значительной степени «зоологический код» русской культуры и ментальности. Начало целенаправленного, последовательного изучения таких единиц относится лишь к семидесятым годам XX века, чем обусловлено существующее в научной литературе многообразие их терминологических обозначений, большинство из которых можно считать терминологическими синонимами: фразеологические единицы *с компонентом-зоонимом, с зоонимным компонентом, с зооморфными образами, с зооморфизмами, с анималистическим образом*, *зооморфные фразеологизмы, анималистические фразеологизмы* и др. Содержательной особенностью этих терминов является то, что они обозначают языковые единицы, в которых метафорически, через образы животных (*зооморфные образы*), народ даёт характеристики как внешним, так и внутренним свойствам человека, существенным в положительном или отрицательном планах для народного самосознания.

Зооморфные фразеологизмы активно используются в речи и обладают ярко выраженной национально-культурной семантикой, что определяет необходимость их усвоения при изучении русского языка как иностранного. В то же время, как и любые фразеологические единицы, они представляют большую трудность для иностранцев как при восприятии, понимании, так и при употреблении. Одним из способов преодоления этой трудности является целенаправленная работа по 1) выявлению важных зооморфных образов в составе пословиц и поговорок, 2) определению их национально-культурной специфики, 3) созданию учебных пособий и словарей, построенных на основе комплексного лингвокультурологического анализа данных языковых единиц и ориентированных на потребности межкультурного (межъязыкового)

общения. Факт, что описание русских зооморфных фразеологизмов является необходимым звеном в обеспечении условий адекватной межкультурной коммуникации для изучающих русский язык как иностранный, определяет выбор темы исследования и её **актуальность**.

Являясь важнейшей частью фразеологической системы как весьма значимого фрагмента русской картины мира, зооморфные фразеологизмы всё ещё недостаточно изучены в лингвокультурологическом аспекте – с точки зрения их национально-культурной специфики на фоне других языков. То, что описание русских пословиц и поговорок с зооморфными образами с позиций носителя неблизкородственной – турецкой – лингвокультуры до сих пор не нашло последовательного антропоориентированного отражения в научной литературе и в учебной лексикографии, обусловливает **новизну** исследования.

Объектом исследования являются фразеологизмы как носители национально-культурной семантики.

Предметом исследования являются лексико-семантические и лингвокультурные особенности зооморфных образов в русских пословицах и поговорках на фоне турецкого языка.

Цель настоящей работы – выявить характеристики анималистических образов в русских пословицах и поговорках, установить особенности их национально-культурной семантики на фоне турецкого языка и предложить способ лексикографирования паремий с зооморфными образами в учебном лингвокультурологическом словаре.

Достижение указанной цели требует решения следующих **задач**:

– охарактеризовать пословицы и поговорки как особый тип фразеологических выражений и лингвокультурологическую единицу;

– выделить пословицы и поговорки с зооморфным компонентом в русском и турецком фразеологических фондах;

– выявить и охарактеризовать в лингвокультурологическом аспекте зооморфные образы, общие для русских и турецких паремий;

– сравнить коннотации зооморфизмов в пословицах и в переносных значениях зоонимов, зафиксированных словарями двух языков;

– проанализировать особенности национально-культурной семантики выявленных русских пословиц и поговорок с образами животных на фоне турецкого языка;

– осуществить классификацию сопоставляемых паремий с точки зрения характера их формальных и смысловых отношений;

– предложить вариант лексикографического описания выявленного материала в учебном лингвокультурологическом словаре.

Гипотеза исследования. Если выявить и последовательно проанализировать русские пословицы и поговорки с зооморфными образами на фоне турецкого языка, то можно не только установить особенности их национально-культурной семантики, определить значение и место конкретных анималистических образов в картинах мира двух языков, но и предложить вариант лексикографического описания зооморфных фразеологизмов в учебном лингвокультурологическом словаре антропо-ориентированного типа.

Материалом исследования послужили 274 русских и турецких пословиц и поговорок с образами восьми животных (*верблюд, волк, ворон*(*а*)*, конь* (*лошадь*)*, лиса, осёл, свинья, собака* (*пёс*)), представленные в следующих источниках: В.И. Даль «Пословицы русского народа» [СПб, 1879], А.М. Жигулёв «Русские народные пословицы и поговорки» [М., 1958], Г.Л. Пермяков «От поговорки до сказки» [М., 1970], А.М. Жигулёв, Н.П. Кузнецов «Сборник пословиц и поговорок» [М., 1974], О.Ю. Мансурова «Турецко-русский словарь пословиц» [М., 2007]; энциклопедия турецкого языка и литературы «Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi» [İstanbul, 1986], толковый словарь турецкого языка «Turkce Sozluk» [Ankara, 2005].

На первом этапе отбора языкового материала была проведена сплошная выборка русских и турецких пословиц и поговорок с зооморфизмами из источников, включённых в список.

На втором этапе при выборе названий животных в качестве структурного компонента пословиц и поговорок были использованы два критерия.

Во-первых, учитывалось наличие данного зооморфизма в обоих паремиологических фондах как необходимое условие для проведения сопоставительного лингвокультурологического анализа. По этой причине единицы, обладающие большим лингвокультурным потенциалом в одном языке, но отсутствующие в составе паремий другого языка (например, *медведь, корова* и др. – в русских пословицах и поговорках, *шакал* и др. – в турецких) не вошли в число исследуемых языковых объектов.

Во-вторых, использовался статистический принцип: были выбраны зооморфизмы с наиболее высокими индексами частотности, обладающие большим потенциалом фразеобразования. При этом высоким индексом частотности могли характеризоваться и те и другие (например, *лошадь, собака*), или только русские (*лиса*), или только турецкие (*верблюд*) зооморфизмы.

Ограничение общего числа анализируемых зооморфизмов восемью единицами обусловлено двумя причинами. С одной стороны, эти зооморфизмы в наибольшей степени отвечают описанным выше критериям отбора, следовательно, их анализ позволяет получить адекватное представление о центральной, ядерной части данного фрагмента фразеологической картины мира. С другой стороны, выделенного материала достаточно для решения практической задачи исследования – построения модели учебного лингвокультурологического словаря, которая может быть использована для описания фразеологического материала любого объёма и характера.

Теоретическую базу исследования составляют классические труды по русской фразеологии и паремиологии Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, А.М. Бабкина, В.П. Жукова, Г.Л. Пермякова, Р.Н. Попова, Л.И.

Ройзензона, В.Н. Телия, В.И. Зимина, Ю.П. Солодуба, В.М. Мокиенко, Н.П. Алефиренко, Р.А. Аюповой, М.Л. Ковшовой; работы по турецкой фразеологии М.В. Порхомского, К. Эйюбоглу, О.А. Аксоя, Э.В. Мамулина, Р.А. Аганина, С.С. Майзеля, А.М. Гарифуллиной; по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации – Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, В.Н. Топорова, А. Вежбицкой, Г.Н. Скляревской, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.Н. Караулова, С.Г. Тер-Минасовой, В.А. Масловой, В.В. Воробьёва, В.И. Карасика, В.В. Красных, С.Г. Воркачёва, В.Н. Комиссарова, Н.А. Максимчук; по общей и учебной лексикографии – Ю.Д. Апресяна, Ю.Н. Караулова, В.В. Морковкина, В.П. Фелицыной, Ю.Е. Прохорова, Л.П. Крысина, А.М. Бабкина, В.П. Жукова, В.И. Зимина, В.М. Мокиенко, Н.А. Максимчук и др.

В ходе исследования использовались следующие **методы**: аналитический, описательный, классификационный, сравнительно-сопоставительный, семантический, лексикографический методы.

Теоретическое значение исследования заключается в том, что оно вносит вклад в лингвокультурологическое описание и систематизацию русских пословиц и поговорок с зооморфным компонентом на фоне турецкого языка. Данное исследование помогает установить национально-культурное своеобразие зооморфных фразеологизмов, выявить основные составляющие их культурной семантики, а также особенности восприятия этих единиц носителями неблизкородственных лингвокультур, что позволяет определить оптимальные способы их лексикографического представления в учебных целях.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его материалы могут найти применение в вузовских курсах лексикологии, фразеологии, лингвокультурологии, в спецкурсах по межкультурной коммуникации и учебной лексикографии, в практике преподавания русского языка как иностранного. Предложенная модель лексикографического описа-

ния фразеологизмов и приводимый паремиологический материал, объединённый в тематические группы, составляют готовую основу для создания русско-турецкого учебного лингвокультурологического словаря пословиц и поговорок. На основе данной модели может быть построена серия национально-ориентированных учебных словарей для иностранных учащихся.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В ядро зооморфного кода в пословицах и поговорках русского языка (на фоне турецкого) входят образы следующих животных: *верблюд, волк, ворон*(*а*)*, конь* (*лошадь*)*, лиса, осёл, свинья, собака* (*пёс*).
2. Наивысшим фразеобразовательным потенциалом для русских пословиц и поговорок обладают образы следующих животных: *лошадь* (*конь*), *лиса*, *волк*, *собака*, *свинья*; для турецких пословиц и поговорок: *собака, лошадь* (*конь*)*, осёл, волк, верблюд*.
3. Для полноты представления об анималистическом фрагменте русской языковой картины мира на фоне турецкого языка необходимо учитывать все смысловые эквиваленты и аналоги паремий, в том числе те, в которых зооморфизм вербально не представлен.
4. Задачам описания в учебных целях лингвокультурной специфики фразеологизмов в наибольшей степени соответствует тип антропоориентированного комплексного лингвокультурологического словаря.
5. Определяющим принципом отбора содержания учебного фразеологического словаря и организации этого содержания может стать принцип симметрии, или «зеркальности» представляемой информации.

Апробация работы. Основное содержание диссертационного сочинения было представлено в докладах и выступлениях на международных и всероссийских конференциях (III Международная научно–практическая конференция «Научные исследования: от теории к практике: (Чебоксары, апрель 2015 г.), Международная научно-практическая конференции «Современная

филология: теория и практика» (Москва, июнь 2015 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Модернизация современной науки: новые реалии и проблемы современных исследований в России и мире» (Ростов-на-Дону, май 2015 г.), Международная научно-практическая конференция «Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах» (Кострома, март 2016).

Основные результаты работы нашли отражение в 8 публикациях, 4 из которых вышли в рецензируемых журналах, входящих в Перечень изданий, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, Заключения, двух приложений, списка источников и использованной литературы, двух таблиц. Объём диссертации – 175 страницы, список литературы включает 206 наименований, список словарей – 25. 17 страниц занимают приложения.

ГЛАВА 1. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1. Язык и культура в аспекте межкультурной коммуникации

Научный интерес к изучению взаимоотношений языка и культуры, имеющий достаточно глубокие корни, сегодня переживает этап бурного развития, что связано, прежде всего, с расширением потребностей межкультурной коммуникации, т.е. с перемещением центра рассмотрения проблемы в прикладной аспект (см., например: Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров (1983), В.В. Богданов (1990), С.Г. Тер-Минасова (2000), Чинь Тхи Ким Нгок (2000), П. Кадырбекова (2014) и мн. др.), поскольку стало очевидно, что адекватность и эффективность коммуникации, осуществляемой представителями разных народов, возможна только при понимании участниками общения культурных особенностей друг друга.

Для понимания чужой культуры и – шире – цивилизации необходимо, прежде всего, изучить язык, на котором она говорит, пишет и думает. Из этого представления возникла дисциплина, известная как *межкультурная коммуникация*. Её основная цель определяется как «обучение иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур» на основе представления, «что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [Тер-Минасова 2000, с. 44].

Как новое научное направление межкультурная коммуникация начала складываться в США в связи с бурным экономическим развитием, что повлекло за собой глобализацию. Эта дисциплина с самого начала ставила перед собой прикладные цели и задачи и должна была изучать изменения в общественном сознании смежных по развитию культур. Поэтому в американ-

ской теории коммуникации до сих пор преобладают три взгляда на межкультурную коммуникацию:

1. Обществоведческий подход предполагает исследование психологических данных. Для него важно прогнозирование поведения вступающих в коммуникацию людей и наблюдение над ними.

2. Критический подход основан на восприятии культуры экономической и политической пирамиды, коммуниканты в ней всегда борются за власть, тем самым воздействуя на культуру и коммуникацию.

3. Интерпретативный подход исследует культуру в контексте деятельности, основываясь на том, что она поддерживается благодаря человеческой деятельности.

Эти аспекты не учитывают взаимодействие языка и культуры, а носят скорее политический и этимологический характер.

В России межкультурная коммуникация основывается на идее взаимосвязи и взаимодействии языка и культуры. В ней выделяется несколько направлений:

1. Этнолингвистика – научная область, изучающая язык как этническое проявление.

2. Лингвострановедение, изучающее язык и культуру в геополитической связи.

3. Лингвокультурология, описывающая связь языка и культуры в синхронии и диахронии.

Кроме этих значимых направлений, свой вклад в теорию межкультурной коммуникации вносят этнопсихология, сопоставительная лингвистика, этнография и т.д.

Важнейшим понятием межкультурной коммуникации является понятие *межкультурной компетенции*, основанной на формировании умений и навыков адекватного взаимодействия представителей разных лингвокультур.

Формирование *межкультурной компетенции* сегодня рассматривается как конечная цель обучения иностранным языкам.

Из этого положения вытекают актуальные задачи межкультурной коммуникации:

1. Функциональное изучение языков применительно к разным сферам жизнедеятельности общества;
2. Научное обоснование и теоретическая разработка методов обучения языкам как средству общения между профессионалами;
3. Обобщение практического опыта преподавания иностранных языков специалистами;
4. Изучение синхронного среза языков на фоне культурной, политической, социальной сфер жизни народов, говорящих на этих языках;
5. Разработка и внедрение модели подготовки преподавателей иностранных языков, специалистов по межкультурному общению [Яшина 2009, с. 60].

Таким образом, в центре внимания исследователей, занимающихся разработкой теории и практики адекватной межкультурной коммуникации, оказывается проблема соотношения и взаимодействия языка и культуры.

Как известно, исходные идеи теории тесной взаимосвязи языка и культуры впервые в науке нового времени сформулировал В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 1994].

Эти идеи с большей или меньшей интенсивностью развиваются уже на протяжении полутора сотен лет. В первой половине XX века исследование взаимоотношений языка и культуры связывается, прежде всего, с именем Л. Виттгенштейна, а также с именами А.А. Потебни, Л.С. Выготского, Е. Сепира, Б. Уорфа, Л.В. Щербы и мн. др. Так, Л.В. Щерба писал, что «язык и культура находятся в тесном взаимодействии и взаимовлиянии, и каждый язык отражает культуру того народа, который на нём говорит» [Щерба 1974, с. 57].

Проблема взаимодействия языка и культуры привлекает серьёзное внимание зарубежных и российских учёных на протяжении последних десятилетий XX века (Ю.Д. Апресян Н.Д. Арутюнова, Г.А. Брутян, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А. Вежбицкая, В.В. Воробьёв, Н.И. Жинкин, В.И. Карасик, В.В. Красных, Ю.М. Лотман, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, Н.В. Уфимцева и др.), и можно сказать, что новый импульс в развитии этого научного направления был получен именно со стороны практических потребностей в улучшении качества межкультурной коммуникации.

Рассматривая наличие тесной связи между языком и культурой как отправную точку дальнейших исследований, необходимо подчеркнуть сложность и многоплановость взаимоотношений языка и культуры.

Так, С.Г. Тер-Минасова отмечает: «Язык – зеркало культуры, в нём отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова 2000, с. 14].

Другую сторону взаимоотношений языка и культуры подчёркивает В.А. Маслова, которая рассматривает язык как продукт культуры, её важную часть, условие её существования, «фактор формирования культурных кодов» [Маслова 2001, с. 7].

По мнению В.И. Карасика, для детального исследования взаимосвязи языка и культуры необходимо обращение к таким категориям, как картина мира, концепт, языковая личность, языковое сознание, этнокультурное коммуникативное поведение, этнокультурные стереотипы, национально-специфическая и универсальная части словаря, прецедентные тексты и целый ряд других параметров, отражающих эту связь [Карасик 2004, с. 87].

Изучение языкового отражения культуры стало предметом специальной научной дисциплины – *лингвокультурологии*.

1.2. Лингвокультурология: основные понятия

Лингвокультурология как новая область междисциплинарных гуманитарных исследований, в основе которой лежит внимание к взаимодействию языка и культуры, сформировалась в последней четверти XX века.

Возникновение данного термина в российской науке обычно связывают с деятельностью фразеологической школы В.Н. Телия [Телия 1996], а также с работами В.В. Воробьёва, В.А. Масловой, В.В. Красных и др. Приоритет фразеологии в разработке рассматриваемого направления понятен, ведь именно фразеология считается наиболее ярким отражением культуры народа, его мировидения и мировосприятия.

Особый интерес с позиций лингвокультурологии представляет исследование фразеологических единиц разных языков в их сопоставлении. Прежде всего, это важно в практическом аспекте, поскольку процесс обучения межкультурной коммуникации предполагает формирование у обучаемых представления о взаимосвязи изучаемого языка и культуры его носителей на фоне взаимоотношений родного языка и культуры. Это чрезвычайно важно для достижения условий адекватной коммуникации, поскольку, как указывал В. фон Гумбольдт, «человек преимущественно живёт с предметами так, как их преподносит ему язык: Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 2000, с. 122].

Сегодня сопоставление культур особенно актуально, поскольку современный человек активно стремится овладеть другими языками. Перед лингвистикой встала задача не только обучить языку, но и научить распознавать языковые знаки, которые приведут к пониманию культурно обусловленного общего смысла. Так появился метод «паритетного описания культуры через факты её отражения в языке и интерпретации самих языковых фактов через глубинный, внеязыковой, культурный компонент» [Воробьёв 1997, с. 12].

За последние десятилетия лингвокультурология укрепилась как научная и учебная дисциплина: сложился понятийный и терминологический аппарат этой отрасли лингвистики, появились авторитетные исследования и научные школы (В.В. Воробьёв (1997), О.Г. Дубровская (2000), А.С. Мамонтов (2000), И.Г. Ольшанский (2000), В.А. Маслова (2001), С.Г. Воркачёв (2001), М.Г. Букулова (2006), и др.).

Существует несколько основных определений лингвокультурологии. Одно из первых принадлежит В.В. Воробьёву, который определяет её как «комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающую этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьёв 1997, с. 37].

Авторитетным в филологической науке считается дефиниция В.А. Масловой, которая характеризует лингвокультурологию с трёх сторон: как «отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии», «гуманитарную дисциплину, изучающую воплощённую в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру», и как «интегративную область знаний, вбирающую в себя результаты исследований в культурологии, языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [Маслова 2001, с. 32].

С позиций когнитивного подхода, лингвокультурология определяется как «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанная с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 202, с. 12].

В работе «Лингвокультурология: теория и практика» Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков характеризуют лингвокультурологию как филологическую науку

«которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка. При этом важно учитывать информацию энциклопедического характера, коррелирующую с собственно языковым значением, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии» [Зиновьева, Юрков 2009, с. 13].

Можно выделить несколько точек соприкосновения данных дефиниций. Во-первых, все учёные подчёркивают тот факт, что лингвокультурология рассматривает язык как неотъемлемую часть культуры. Во-вторых, изучение языка в этом ракурсе позволяет получить исчерпывающее представление о языковой личности. В-третьих, язык как феномен культуры отражает её на всех своих уровнях.

В.В. Красных выделяет ряд понятий, которые ставят лингвокультурологию в ряд дисциплин, изучающих триаду – «язык, культура, личность». Данные представления, так или иначе, рассматриваются в данной работе.

Важным понятием лингвокультурологии является понятие «культурного кода». По мнению В.В. Красных, в языке с помощью метафор формируется «культурный код» – «сеть», которую «культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных 2002, с. 297]. Так в разных языках появляются гастрономический, телесный, зооморфный код (рассмотрению которого в определённой степени и посвящена данная работа) и другие коды.

Предметом лингвокультурологии принято считать, прежде всего, особенности культурной семантики языковых единиц, закодированной в рамках национальных картин мира.

Объектом изучения лингвокультурологии являются языковые (лексические) единицы, в первую очередь, имеющие два уровня кодов, – культурный и языковой: фразеологизмы, онимы, библеизмы и т.д.

В центре нашего исследования находится часть зооморфного кода, складывавшегося в языке на протяжении многих веков под влиянием *культурных установок*. Последнее – также немаловажное понятие для лингвокультурологии. Культурные установки – это социальные идеалы, «ментальные образцы, играющие роль определённых предписаний для поведения, в том числе и коммуникативного, членов этносоциума» [Ольшанский 2000, с. 37].

С культурными установками тесно связаны культурные коннотации, выявление и вербальная фиксация которых является необходимой частью анализа взаимодействия языка и культуры.

Анализ семантики языковых единиц в связи с (этно)культурным кодом ставит перед лингвокультурололгией ряд задач:

- исследовать влияние культуры на языковые концепты;

- изучить «культурные смыслы» языковых единиц, их приращение и корреляцию;

- проследить восприятие носителем одного языка речевых стратегий другого языка;

- изучить и расширить языковые компетенции носителей языков;

- изучить основные особенности и концепты культуры в связи с языком;

- систематизировать понятийный аппарат данной науки.

Разумеется, это далеко не полный перечень задач лингвокультурологии. На сегодняшнем этапе развития данного научного направления возникают новые задачи, что, в первую очередь, связано с тем, что «культурная информация языковых знаков имеет по преимуществу имплицитный характер, она как бы скрывается за языковыми значениями» [Воробьёв 1997, с. 15].

Это свойство создаёт дополнительные трудности для исследователей и ставит перед ними множество задач, одной из которых является разработка методики извлечения культурной информации, носителями которой являются языковые единицы.

Кроме того, перед лингвокультурологами стоят цели, которые актуальны для других областей гуманитарного знания. Это свидетельствует о комплексном характере этой научной дисциплины, о её многоаспектности и многокомпонентности. Для исследователей важно, что «в конечном итоге слияние проблем лингвистического знания в одной междисциплинарной области может привести к тому, что о лингвокультурологии можно будет говорить не только как о синтезирующей, но и как о систематизирующей науке» [Маслова 2001, с. 31].

Базовыми понятиями для лингвокультурологии, помимо «культурного кода», являются понятия *языковая картина мира* и *языковая личность*.

Эти понятия, пришедшие в лингвокультурологию из когнитивной лингвистики, находятся в центре пристального внимания многих учёных со второй половины XX века (Г.А. Брутян, Б.А. Серебренников, Т.В. Булыгина, Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, А.Д. Шмелев, Н.И. Толстой, В.Г. Гак и др.), чем обусловлено существование немалого количества их определений.

Родовым по отношению к первому из них является понятие *картина мира*. В самом общем плане картину мира определяют «как сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Топоров 1988, с. 161].

Под *языковой картиной мира* понимается «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [Яковлева 1996, с. 34]. В качестве единиц языковой картины мира выступают различные языковые средства (лексические,

фразеологические, словообразовательные, грамматические), тексты, а также вербализованные стереотипные представления носителей лингвокультуры.

Языковая картина мира характеризуется тем, что «способ концептуализации действительности включает как универсальные, так и национально специфичные для каждого языка компоненты» [Апресян 1995а, с. 350-351].

Выявление универсального и национально специфичного в картинах мира разных народов и является основной задачей лингвокультурологии.

Зооморфный код характеризуется тем, что во всех языках он основан на сопоставлении людей и животных. Схожесть ассоциативного ряда лежит и в основе кратких и образных характеристик человека через зоонимы. Зооморфизмы обычно служат в качестве оценочного определения человека, которые в разных языках могут иметь как сходства, так и различия.

Для межкультурной коммуникации более существенным считается выявление национально специфических характеристик картин мира, понимание различий в восприятии одноимённых объектов представителями разных культур. Как пишет С.Г. Тер-Минасова, эти различия объясняются тем, что «у каждого слова своя лексико-фразеологическая сочетаемость, или валентность. Она национальна (а не универсальна) в том смысле, что присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке. Специфика эта становится очевидной только при сопоставлении языков, подобно тому, как родная культура выявляется при столкновении с чужой. Поэтому носители языка не видят этих главных для изучающего иностранный язык трудностей: им и в голову не приходит, что в каком-то языке чай может быть сильным, а комплименты платят» [Тер-Минасова 2000, с. 46].

Однако нельзя недооценивать и тот факт, что успешности межкультурной коммуникации, безусловно, способствует осознание сходства в отношении к тем или иным объектам действительности носителями разных лингвокультур.

С понятием языковой картины мира неразрывно связано понятие *языковая личность*.

По определению Ю.Н. Караулова, языковая личность – это «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью» [Караулов 2002, с. 22]. Структуру языковой личности организуют три уровня: *лексикон* (вербально-семантический уровень); *тезаурус*, представляющий «образ мира» данной личности; прагматикон (система личностных целей, мотивов, установок и т.п.) [Там же, с. 23].

1.2.1. Единицы лингвокультурологии и их классификация

Формирование лингвокультурологии как самостоятельной отрасли гуманитарного знания поставило перед учёными задачу терминологического обозначения центральной единицы новой науки. Особенностью этой единицы является её *лингвокультурная ценность,* т.е. одновременная принадлежность и языку, и культуре.

Для обозначения языковых единиц, имеющих лингвокультурную ценность, в лингвокультурологии предлагаются различные термины: *концепт* (Ю.С. Степанов, В.Н. Телия), *логоэпистема* (Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров), *национальный социокультурный стереотип* (Ю.Е. Прохоров), (*лингво*)*культурема* (В.В. Воробьёв) и др. Последний термин представляется нам наиболее продуктивным с точки зрения нашего исследования.

По мнению В.В. Воробьёва, лингвокультурема отличается от слова как собственно языковой единицы тем, что «включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком» [Воробьёв 1997, с. 48]. Структурное отличие лингвокультуремы заключается в её сложности. В

систему «знак – значение» попадает культурный компонент. Поэтому высоким лингвокультурологическим потенциалом обладают единицы, которые отражают существенную часть менталитета нации: фразеологизмы, образные и устойчивые выражения и др. Именно эти единицы, как уже подчёркивалось, имеют важное значение при обучении межкультурной коммуникации.

Начало активного этапа изучения национально-специфичного в русском языке на фоне потребностей преподавания русского языка как иностранного связывается с выходом в 1976 году ставшего классическим труда Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура». В этой работе учёные вводят понятие *культурно маркированной лексики*, под которой «понимаются слова, не имеющие аналогов в иной культуре и ином языке, не переводимые на другой язык с помощью постоянного соответствия, а также лексические единицы вполне эквивалентные, в том числе интернационализмы, имеющие, однако, национально-специфичную, социально своеобразную семантику» [Верещагин, Костомаров 1980, с. 21]. Для обозначения лексики такого характера возникают различные термины: «лексические единицы с культурным компонентом», «национально-окрашенные лексические единицы», «культурно-специфические лексические единицы», «слова с культурным компонентом значения» и др. Исследователи пытаются определить границы культурно маркированной лексики для её представления в двуязычных словарях и при обучении неродному языку.

Разработанная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым классификация лексики с культурным компонентом значения включает безэквивалентные, фоновые и коннотативные слова. Безэквивалентными называются «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [Верещагин, Костомаров 1980, с. 56], под фоновой лексикой исследователи подразумевает обозначения предметов и явлений, которые имеют аналоги в сопоставляемых языках, но различаются

какими-то национальными особенностями функционирования (страноведческим фоном»).

Ппервая классификация слов с культурным компонентом значения, предложенная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, включает следующие типы единиц:

1. Советизмы, т.е. слова, выражающие те понятия, которые появились в результате коренной перестройки общественной жизни в нашей стране после Октябрьской революции (*Верховный совет, райсовет, исполком, дом отдыха, передовик, коллективизация* и т.д.).

2. Слова нового быта тесно примыкают к советизмам. Разделение этих двух групп слов несколько условно – всегда есть такие слова, которые с равным успехом можно было бы отнести к обеим группам сразу (*рабфак, третий семестр, многотиражка, пятилетка, а также электричка, общественник, товарищ, хозрасчёт, редколлегия* и т.д.)

3. Наименование предметов и явлений традиционного быта: (*косоворотка, городки, каравай, гусли, сноп*).

4. Историзмы, т.е. слова, обозначающие предметы и явления предшествующих исторических периодов: (*кафтан, губерния, стрелец, вече*).

5. Лексика фразеологических единиц: (*не ко двору, с три короба, лыка не вяжет, глас вопиющего в пустыне, ни на грош*).

6. Слова из фольклора: (*красна девица, домовой, кудесник, леший*).

7. Слова нерусского происхождения, так называемые тюркизмы, монголизмы, украинизмы и т.д. (*инжир, чайхана, чадра, гетман*).

Слова, совпадающие в двух языках своими денотатами, но не совпадающие своими коннотатами, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров называют коннотативными [Верещагин, Костомаров 1980, с. 56].

Определяя понятие коннотации, О.С. Ахманова пишет, что в структуре лексического значения слова, помимо концептуального ядра, могут содержаться так называемые коннотации (от лат. con – вместе и notio – обозначе-

ние): «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринуждённость, фамильярность и т.п.» [Ахманова 1967, с. 203 – 204]. Подчеркнём, что описание коннотативного элемента содержания лексических и фразеологических единиц в учебных целях составляет отдельную сложную задачу (см., например, Н.И. Пирменова (2008), И.А. Илюхина (2010) и др.).

Проблема классификации культурно маркированных языковых единиц продолжает оставаться в поле внимания исследователей, прежде всего, − с точки зрения потребностей преподавания русского языка как иностранного и учебной лексикографии. Так, М.Г. Яшина выделяет следующие культурные реалии, которые требуют особого внимания при представлении в словарях:

− названия еды;

− названия напитков;

− наименования одежды, жилища, мебели, предметов обихода;

− названия общественных заведений;

− транспорт;

− лексика из сферы культуры и искусства;

− единицы измерения и валюта;

– устойчивые словосочетания;

– фразеологизмы [Яшина 2009, с. 59].

При всём разнообразии существующих классификаций видим, что фразеологические единицы (их лексический состав) являются обязательным компонентом любой из них в силу высокой лингвокультурной значимости.

В основе лингвокультурологического подхода, являющегося сегодня ведущим в обучении русскому языку как иностранному, лежит отражение в языке фрагментов национальной культуры, которое предъявляется обучае-

мым, как правило, в текстовой форме в тесной связи с изучаемым материалом.

Обучающие тексты, как правило, заключают в себе социокультурную информацию, которую исследователи классифицируют с точки зрения сфер общения, где «человек осмысливает через сознание и язык реально существующие в мире отношения и, соответственно, четыре макросферы использования языка, в числе которых:

- сфера производственной деятельности – специальная речь;
- сфера быта – разговорная (обиходная) речь;
- сфера культурологии – художественная и научная речь;
- сфера социальной деятельности – публицистическая речь (включая газетную, публичную, телевизионную речь, а также речь других средств массовой коммуникации)» [Халеева 1989, с. 39.].

Наибольшие трудности, по наблюдениям учёных, возникают в восприятии тех текстов, которые могут принадлежать к нескольким макросферам общения. К такого рода текстам относятся пословицы и поговорки, функционирующие в сферах быта, культуры и социальной деятельности, чем, помимо прочего, обосновывается неизменное внимание к этим языковым феноменам со стороны методики преподавания русского языка как иностранного.

1.3. Фразеологизмы: определение, классификации, функции в языке и культуре

Предпосылки изучения фразеологизмов как сочетаний особого типа в системе словосочетаний русского языка намечаются уже со второй половины XIX века в трудах И.И. Срезневского, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова.

Фразеология как особый раздел лингвистики, изучающий устойчивые сочетания слов, сформировалась в русском языкознании в середине XX в. Впервые мысль о необходимости выделения фразеологии как самостоятельной науки о фразеологической системе языка была высказана выдающимся

лингвистом XX века Е.Д. Поливановым в 1928 году и получила развитие в трудах Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина и других учёных, ставивших задачу всестороннего научного осмысления специфики фразеологизма.

Несмотря на большой исследовательский интерес к фразеологизмам на всем протяжении истории их изучения и огромное количество посвящённых им работ (В.В. Виноградов (1977), Н.М. Шанский (1985), В.М. Мокиенко (1973, 1980), Р.Н. Попов (1973, 1991), В.Н. Телия (1973), Ю.А. Гвоздарев (1974), В.П. Жуков, А.В. Жуков (2006), И.В. Войцехович (2007), А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко (2011) и др.) до сих пор многие из основных понятий фразеологии формулируются по-разному, не установлены общепринятые критерии определения фразеологических единиц, существуют различные взгляды на фразеологизм, на состав этих единиц в языке, на границы фразеологической системы.

При определении общего перечня признаков фразеологизма мнения учёных в целом сходятся, однако в вопросе выделения основного признака существуют разные мнения. Так, к основным критериям определения фразеологизма в русском языке относят: семантическую целостность (В.В. Виноградов), устойчивость (В.П. Жуков), раздельнооформленность (А.И. Молотков), эквивалентность слову (А.А. Реформатский), непереводимость (Л.А. Булаховский), воспроизводимость (Н.М. Шанский). В числе признаков, присущих фразеологизму называют также метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональную окрашенность (Б.А. Ларин, А.М. Бабкин) и т.д.

Первая научная классификация фразеологических единиц была осуществлена В.В. Виноградовым, который рассмотрел фразеологические обороты с точки зрения их семантической слитности и выделил три типа таких оборотов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [Виноградов 1977, с. 140 – 161].

Опираясь на классификацию В.В. Виноградова, Н.М. Шанский разработал классификацию, широко распространенную в современной лингвистике. Эта классификация включает следующие типы фразеологических единиц:

1) фразеологическиое сращение – «семантически неделимый фразеологический оборот, в котором его целостное значение совершенно несоотносительно со значениями его компонентов» [Шанский 1985, с. 65];

2) фразеологическое единство – «семантически неделимый и целостный фразеологический оборот, значение которого мотивировано значениями составляющих его слов» [Там же, с. 70];

3) фразеологическое сочетание – «фразеологический оборот, в котором есть слова, как со свободным значением, так и с фразеологически связанным» [Там же, с. 74];

4) фразеологическое выражение – «устойчивый в своём составе и употреблении фразеологический оборот, который не только является семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободным значением» [Там же, с. 79]. К ним относятся пословицы, поговорки, крылатые фразы и т.п.

В классификации Н.М. Шанского дискуссии вызывает включение в состав фразеологических единиц группы фразеологических выражений, прежде всего, объекта нашего исследования – пословиц и поговорок. Мнения о том, к какому типу единиц их следует относить: к речевым (текстовым, дискурсивным, синтаксическим) или к языковым (фразеологизмам, устойчивым фразам и др.), – до сих пор расходятся.

В лингвистическом обиходе в соответствии с этими расхождениями обозначились два подхода к определению состава фразеологизмов: «узкий» и «широкий».

Представители «узкого» подхода (Н.Н. Амосова, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, А.М. Бабкин, В.П. Жуков, А.И. Молотков, В.Н. Телия и др.) не относят такого рода выражения к фразеологизмам [Бабкин 1970, Молотков 1977, Телия 1996].

Так, В.Н. Телия объясняет фразеологичность паремий их воспроизводимостью, а их «двуплановость» характеризует как идиоматичность относительно того «прямого» значения, которое выражено в буквальном смысле таких выражений. Воспроизводятся паремии, по мнению исследователя, не как единицы языка, поскольку их значение формируется именно в фольклорно-оценочной сфере [Телия 1996].

Как замечает О.П. Альдингер, последователи «узкого» подхода, трактуют двуплановость пословиц и поговорок «как характеристику жанрового своеобразия, объясняя данное явление притчевым характером этих жанров» [Альдингер 2005, с. 30].

Таким образом, представители «узкого» подхода считают, что признаки идиоматичности и воспроизводимости сами по себе и даже в комбинации не могут являться основанием для отнесения выражений к единицам номинативного инвентаря языка. Предметом же фразеологии должны быть такие единицы языка, которые входят в его номинативный инвентарь [Телия 1996].

Сторонники противоположной точки зрения (В.Л. Архангельский, С.Г. Гаврин, Л.И. Ройзензон, Н.М. Шанский, Р.Н. Попов, Г.Л. Пермяков, Л.П. Савенкова и др.) признаками, определяющими отнесенность пословиц к единицам языка, считают обобщённость семантики, идиоматическую устойчивость в языке и воспроизводимость в речи [Савенкова 2002].

Причисляя пословицы и поговорки к единицам языка, исследователи не отрицают, что языковая природа паремий обусловливает их отличие от других устойчивых единиц как на семантическом, так и на функциональном уровнях.

Для нас представляется важным, что к языковым единицам относят паремии Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров – основоположники лингвострановедческого подхода к описанию языковых единиц в советской лингвистике: «Пословицы и поговорки надо рассматривать как единицы, свойственные языку вообще, а не только языку художественной литературы. И по условиям

своего бытования пословицы и поговорки не похожи на фольклор, они никогда не «исполняются», а существуют в языке и функционируют в нем так же, как и другие фразеологические обороты. Думается, что изучение пословиц и поговорок должно входить составной частью в изучение лексики и фразеологии языка в целом» [Верещагин, Костомаров 1980, с. 73].

Однако, с другой стороны, исследователи подчёркивают, что паремии нельзя рассматривать в рамках фразеологии, поскольку пословицы и поговорки являются не эквивалентом слова, а эквивалентом целого рассказа, и представляют собой законченную фразу с прямым значением. Фразеологизм же, как и слово, означает отдельный предмет или отдельное явление. В этом и заключается отличие семантики фразеологизмов от семантики пословиц, поговорок, крылатых выражений: «если первые называют отдельные предметы и явления, то вторые – отношения между предметами и явлениями, то есть комплексные ситуации…» [Верещагин, Костомаров 1990, с. 65].

Таким образом, Е.М. Верещагин и В.Г.Костомаров, а также В.М. Мокиенко и другие исследователи рассматривают пословицы и поговорки как предмет отдельной науки – паремиологии.

Однако и иная точка зрения имеет сегодня большое количество сторонников. По мнению многих современных исследователей, в рамках фразеологических выражений находим «составные наименования, глагольно-именные сочетания, *пословицы, поговорки* (курсив наш – О.Б.)» [Черпакова, Мартыненко и др. 2012, с. 9].

В данной работе, придерживаясь теории Н.М. Шанского, мы называем фразеологическим оборотом «воспроизводимую в готовом виде языковую единицу, состоящую из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированную (т.е. постоянную) по своему значению, составу и структуре» [Шанский 1985, с. 20]; основным критерием, позволяющим причислить пословицы и поговорки к разряду фразеологических единиц, является именно воспроизводимость, то, что «фразеологизмы не создаются в про-

цессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы» [Там же, с. 20].

Таким образом, мы рассматриваем пословицы и поговорки как языковые единицы в рамках фразеологической системы русского языка.

1.3.1. Понятие фразеологизмов в турецком языке

В турецкой лингвистике понятие «фразеологизм» обозначается термином *deyimler* и имеет несколько значений: «выражение», «идиома», «фраза» [Aksoy 1984, с. 12]. Этим же термином обозначаются образные обороты речи и поговорки.

Традиционное определение фразеологического оборота в турецкой лингвистике принадлежит О.А. Аксою: «Фразеологизм – устойчивый оборот, в большинстве случаев имеющий значение, отличное от буквального, и обладающий притягательной формой объяснения» [Aksoy 1984, с. 15].

Современные турецкие исследователи дают такое определение фразеологизма: «Фразеологизм – группа слов, состоящая из двух или более элементов, обладающая, в большинстве своем, значением, выходящим за рамки буквального, и служащая для украшения письменной или устной речи» [Abdulbaki 1979, с. 31].

Начало последовательного изучения фразеологических единиц в турецкой лингвистике, как отмечает исследователь турецкого языка А.М. Гарифуллина, относится ко второй половине XX века и связано с работами известного турецкого фразеолога Омера Асыма Аксоя – создателя основ теории фразеологии турецкого языка и автора двухтомного словаря турецких пословиц и идиом [Гарифуллина 2005].

Выделяя фразеологию в самостоятельную лингвистическую дисциплину и включая пословицы и поговорки в объект фразеологии, О.А. Аксой мотивирует это следующим образом: «Подобно радуге, где каждый цвет находится в тесном взаимодействии с другими, между пословицами, поговорками

и словосочетаниями нет непереходимой границы. Одно слово может обладать свойством двусмысленности. И хотя жёлтый, зелёный и голубой цвета находятся рядом, каждый из них представляет собой свой особый цвет. То же самое происходит и с пословицами, поговорками и простыми словосочетаниями, которые имеют свои различия и свои характерные особенности» [Aksoy 1984, c. 14].

Как пишет А.М Гарифуллина, «во фразеологии он (Аксой) видит народную мудрость, которая сохраняется столетиями и стойко переносит изменения времени; фразеология – это средство, с помощью которого народ может высказать свою позицию» [Гарифуллина 2005, с. 39].

Наиболее полно концепция О.А. Аксоя изложена в одной из его последних работ – «Atasozleri ve Deyimler Sozlugu» («Словарь пословиц и идиом») [Аксой 1984].

Дальнейшее развитие фразеологическая теория получила в работах Шюкрю Элчина, который предложил первую в турецкой лингвистике классификацию фразеологизмов. В основу классификации была положена грамматическая форма фразеологических единиц:

Эта классификация включает одиннадцать групп фразеологизмов, например:

1) фразеологизмы инфинитивной группы: «*haber uçurmak»* (досл. *запустить в воздух известие*) – «быстро или втайне отправлять известия».

2) фразеологизмы с глаголом в какой-либо форме: *кає yaparken göz çıkardı* (досл. *выколол глаз, выщипывая бровь*) – «медвежья услуга»;

3) фразеологизмы с отглагольными формами и существительными в косвенных падежах: *anasından emdiği süt burnundan gelmek* (досл. *молоку, которое взял у матери, прийти к носу*) – «испытывать трудности»;

4) фразеологизмы, в которых глагол употребляется в строго фиксированной форме: «*vur patlasın çal oynasın*» (досл. *ударь – пусть вспыхнет, играй – пусть танцует*) – «жить, наслаждаясь и развлекаясь»;

5) фразеологизмы безглагольного типа: *«kel başa demir tarak*» (досл. *лысой голове расчёска*) – «совершенно бесполезная вещь»;

6) фразеологизмы – словосочетания с подчинительной связью: «*dansı başına»* (досл. *танец голове*) – «Молодец!»;

7) фразеологизмы, включающие существительные с аффиксами принадлежности: «*eli boş*» (досл. *его руки пусты*) – «с пустыми руками»;

8) фразеологизмы-повторы: «*çoluk çocuk*» – «*дети, детвора*» и т.д. [Elçin 1986, с. 76].

Данная классификация подтверждает наличие грамматического и структурного разнообразия турецких фразеологизмов, что «является одной из причин возникновения ряда трудностей при их переводе» [Толымбекқызы 2013, с. 180] и, безусловно, при усвоении таких единиц носителями других языков.

Вопросы турецкой паремиологии рассматриваются в работах известного турецкого языковеда Кемаля Эйюбоглу «Пословицы и идиомы в стихах и разговорной речи», изданной в Стамбуле в 1975 году [Eyuboglu 1975]. К. Эйюбоглу обращает внимание на сходство большинства определений пословиц и идиом, что приводит к терминологической неясности, и указывает на необходимость разграничения этих понятий.

В свою очередь, учёный придерживается точки зрения известного языковеда Тахира Нежата Генджана (Tahir Nejat Gencan), который делит пословицы и идиомы на две группы и формулирует их определения. Для идиом (deyimler), по мнению Генджана, характерно следующее: «Прямой смысл слов отличается от того, который подразумевался при образовании, буквальный смысл не связан с определёнными правилами, разъяснение смысла требует основательных исследований, невозможен перевод на другие языки с сохранением основной структуры» [Tahir 1979, с. 23]. Под пословицами (atasozleri) автор понимает такие языковые единицы, «которые отражают взгляды и веру народа, а по своему смыслу сходны с афоризмами, но разница

заключается в том, что авторы высказываний известны, а авторы пословиц – нет» [цит. по: Гарифуллина 2005].

1.4. Фразеологические единицы в лингвокультурном аспекте

При обсуждении проблем взаимосвязи языка и культуры, прежде всего, как правило, речь заходит о фразеологии. И это не случайно. Фразеологизмам принадлежат первые позиции в системе языковых единиц с точки зрения способности последних отражать национальное сознание, мировидение и мировосприятие, систему ценностей народа-носителя языка. В особой степени это справедливо для пословиц и поговорок.

В этой связи на фоне расширения потребностей межкультурной коммуникации в последние десятилетия растёт интерес к описанию фразеологических единиц с позиций лингвокультурологии (см., например: Ю.П. Солодуб (1990), Сунь И. (1998), О.Г. Дубровская, (2000), Чинь Тхи Ким Нгок (2000), Тянь Цзюнь (2001), Е.В. Иванова (2003), Недосугова (2003), Го Синь-И. (2004), С.С. Тотышева (2004), В.Ф. Останкова (2006). О.П. Альдингер (2006), Е.Н. Демешева (2007), О.А. Мордвина-Щодро (2007), Чой Кён Нам (2008), Г. Диасамидзе (2009), А.В. Егоров (2011), Нгуен Хуи Кыонг (2011), Н.А. Максимчук (2012), Аль-Бдер Аднан Хабиб Лафта (2012), А. Мусап. (2012). А. Рахмат (2013), М.Л. Лаптева (2013). У Вэй (2013), Чжэн Гуанцзе (2013), П. Кадырбекова (2014) и др.).

В то же время, как указывает О.П. Альдингер, тенденция исследования пословиц и поговорок как способа отражения сведений о народной жизни, истории, верованиях, обычаях, обрядах русского народа намечается уже в работах учёных и собирателей фольклора XIX века (И.М. Снегирёва, А. Леопольдова, П. Рыбникова, Ф.И. Буслаева, П.С. Иващенко) [Альдингер 2006].

О пословицах и поговорках как части народной культуры, их роли и месте в духовной жизни народа писали многие выдающиеся деятели русской культуры и науки задолго до возникновения самого понятия *лингвокультуро-*

логия. Для иллюстрации приведём некоторые широко известные высказывания, в которых легко просматриваются истоки многих актуальных положений современных исследований по проблемам взаимоотношений языка и культуры.

Так, собиратель и знаток русского фольклора А.Н. Афанасьев писал, что пословицы «являются памятником издавна сложившихся воззрений. Пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [Афанасьев 1996, с. 15].

Ф.И. Буслаев, одним из первых указавший в своих трудах на значение родного языка для духовного воспитания человека, называл фразеологизмы своеобразными микромирами, которые содержат «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев 1059, с. 37].

Б.А. Ларин подчёркивал: «Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражаются – как свет утра отражается в капле росы» [Ларин 1977, с. 125].

Эта мысль развивается В.П. Аникиным: «Пословица не просто изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей, такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век» [Аникин 1966, с. 3].

По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «…пословица и крылатое слово, выражающее общее мнение, не оспариваются никогда, и, следовательно, они максимально авторитетны» [Верещагин, Костомаров 1983, с. 98].

В.Н. Телия, считая фразеологию одним из ярких отражений национальной культуры, указывает на её значимость «не только в плане системно-регулярной аномальности, но и в плане выражения фразеологизмами нацио-

нальной самобытности народа – носителя языка…» [Телия 1996, с. 214 – 215].

Известный исследователь народных речений Г.Л. Пермяков, раскрывая понятие народной культуры, писал, что в пословицах и поговорках находит своё отражение всё, чем живёт народ на протяжении своей истории: это предметы быта, орудия труда, пища и одежда; это и вся окружающая природа с её растениями и животными; это и запомнившиеся события, люди и мн. др. [Пермяков 2001, с. 9].

Лингвокультурологический (лингвострановедческий) подход к изучению и описанию фразеологизмов начинает развиваться как научное самостоятельное направление с 70-х гг. XX века на фоне теоретических и практических потребностей описания и преподавания русского языка как иностранного.

Важнейшим вопросом любой области науки является классификация её основных единиц. Первая лингвострановедческая классификация русских фразеологизмов с этих позиций (как и классификация культурно маркированной лексики) была разработана Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [Верещагин, Костомаров 1976]. В основе этой классификации лежит указание на ту сферу народной жизни, фрагмент русской картины мира, сведения о которых можно найти, заглянув вглубь фразеологических оборотов. Как показывают исследователи, это могут быть сведения о русской природе, её растительном и животном мире, о земледелии, о традиционных ремёслах, о предпочтениях русской кухни и народных способах врачевания, о русской грамоте, обычаях, привычках, верованиях русского народа и т.д.

В лингвокультурологии сегодня широко используется предложенная В.Н. Телия классификация фразеологизмов с точки зрения источника происхождения, учитывающая экспрессивно-стилистические свойства фразеологических оборотов [Телия 1996]. Данная классификация включает следующие группы:

1. Фразеологизмы, исторически образованные как побочный продукт ритуальной формы народной жизни (поминки, мифы, заговоры и т.д.).

2. *Фразеологизмы паремиологического фонда* (курсив наш – О.Б.). В эту же группу относят разнообразные словесные формулы и клише.

3. Фразеологизмы-эталоны, закреплённые в устойчивых сравнениях.

4. Фразеологизмы, произошедшие от слов-символов. Это всегда слово-значение, выполняющее функцию символа: языковая единица имеет устойчиво ассоциируемый с ней смысл.

5. Фразеологизмы, пришедшие из религии (теософия и ритуалы христианства): различные виды цитат из духовных книг (*кровь и плоть, отдать Богу душу*).

6. Фразеологизмы, пришедшие из философии, истории и т.п.

7. Фразеологизмы-реалии типа *гол как сокол, задавать баню*, *медный грош (гроша медного не стоит)*. В эту группу входят крылатые выражения – цитаты из русской классики (типа *дым отечества*), а также так называемые советизмы.

Данная классификация, характеризующаяся высокой степенью детализации и углублённости, позволяет исследователям приспосабливать её к конкретным потребностям, диктуемым характером описываемого материала (см., например: [Чжэн Гуанцзе 2013, с. 46-47]). Мы приводим её в нашей работе, чтобы подчеркнуть включение в эту универсальную классификацию «фразеологизмов паремиологического фонда».

Важной особенностью фразеологизмов является наличие в каждом из них ключевого слова. С. Георгиева замечает, что стержневые слова фразеологических единиц при формировании фразеологического образа обычно являются смыслообразующими и реализуют культурный элемент значения. Именно они являются носителями национально-культурной информации. Такие слова и могут служить своего рода ключом к пониманию разных особенностей культуры народа-носителя языка [Георгиева 2003]. Подобные сло-

ва употребляются традиционно в разных языках при создании метафорических сочетаний слов. Они оказывают огромную роль при формировании фразеологического образа. В свою очередь, словосочетания, в которых они употребляются, строятся именно на символических либо метафорических значениях подобных слов.

Образная основа фразеологических выражений играет решающую роль при определении его культурного компонента. Новейшие психолингвистические исследования по построению идиоматических тезаурусов языковой личности показали, что ассоциации-реакции на стимул чаще всего порождаются на уровне компонентов фразеологизма и крайне редко на уровне целостного фразеологического значения. Это подтверждает, что ключевые слова закодировали в себе емкую информацию и не десемантизировались полностью, что и позволяет условно расчленять выражения и выяснять механизмы его образования и функционирования [Георгиева 2003].

Образы, закреплённые во фразеологических единицах языка, служат своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связаны с материальной или духовной культурой определённого языкового коллектива, а потому могут свидетельствовать о его культурно-национальном опыте и традициях [Альдингер 2006].

Сказанное в полной мере справедливо для зооморфизмов, выполняющих роль ключевых слов в составе пословиц и поговорок.

1.4.1. Пословицы и поговорки в современных лингвокультурологических исследованиях

Первоначально, как известно, изучением пословиц и поговорок занимались фольклористы, рассматривая эти единицы как малые формы устного народного творчества. Такой подход не предполагал обращения к языковой природе такого рода оборотов, следовательно, за пределами внимания ученых оставались многие важные стороны изучения паремий.

Формирование лингвокультурологии как междисциплинарной сферы гуманитарного знания, опирающейся, в свою очередь, на достижения когнитивной лингвистики в рамках антропоцентрического подхода к описанию языка, позволило посмотреть на фразеологию с позиций взаимоотношений языка и культуры.

В центре многих современных исследований лежит подход к пословицам и поговоркам как прецедентным текстам, «обладающим культурным авторитетом и способным выполнять различные функции, как имплицитным текстам, скрывающим неявную информацию на разных языковых уровнях» [Селиверстова 2003, с. 561].

С этих позиций пословицы и поговорки остаются актуальным материалом для лингвистических исследований, что обусловлено несколькими причинами.

Исследователи данных единиц отмечают срединное положение пословиц и поговорок между текстом (речью) и языком, поскольку они: «проявляя минимальную степень коммуникативной автономии, могут выступать уже как тексты (высказывания), однако их воспроизводимый характер и неупотребительность в отрыве от контекста (в силу малоинформативности) сближают их с единицами языка» [Зимин 1994, с. 45].

Учёные, изучающие данные фразеологические единицы под прагматическим углом, утверждают, что их «стандартизированная форма» обусловлена соединением в них прагматического и семантического аспектов: «Их воспроизводимый характер обусловлен, прежде всего, тем, что они являются специализированными формами выражения определенных прагматических установок и поведенческих регулятивов (типа предостережения, подбадривания, успокаивания и т.п.). В этом качестве они выступают классической формой мнемонической модели языкового существования (наряду с афоризмами, цитатами, сказками и т.д.)» [Сидоркова 1999, с. 11].

Во фразеологическом фонде многих языков важное место занимают фразеологизмы с образами животных, через которые в иносказательной форме описывается человек, его внешность и характер, что характеризует особенности национального менталитета. Например: *Волка ноги кормят*. *Вороне соколом не бывать*. Köpeğin iyisi leş başında, insanın iyisi iş başında (*Хорошая собака подле падали, хороший человек возле работы*). Deve büyüktür, amma başını bir eşek çeker (*Верблюд большой, да ведёт его ишак*).

Это обусловливает актуальность исследования русских анималистических фразеологизмов на фоне других языков и их лексикографирования в учебных целях.

Фразеологизмы, включающие в свой состав зооморфизмы, привлекают внимание многих исследователей на протяжении многих лет. Особый всплеск интереса к этой проблеме связан с расширением применения антропоцентрического подхода к описанию языкового материала и задачами лингвокультурологии.

Существующие работы рассматривают русские фразеологизмы на фоне самых разных языков, в том числе – тюркских: А.М. Щербак (1961), К.И. Григас (1987), Г.Д. Григорьева (1985), Е.Р. Малафеева (1989), К.Л. Салпагарова (1991), Д.М. Марданова (1997), Ю.Г. Завалишина, (1998), Сон Гу Пак (2000), Т.В. Фёдорова (2001), Чжэн Инкуй (2002). А.Б. Недосугова (2003), П.Г. Мусаева (2008), Д.Ф. Санлыер (2008), Хуаймин Хао (2009), Л.А. Креймер (2009), Р.А. Майтиева (2011), П.А Абдулкаримова (2012), С.А. Абдюшева (2012), Е.М. Маклакова (2012), Аль-Бдер Аднан Хабиб Лафта (2012), Н.С. Ширшова (2014), М.В. Соколова (2015), а также с позиций практики преподавания русского языка как иностранного: С.О. Кочнова (2005), В.В. Дронов (2010), Е.Н. Демешева (2007), О.В. Лаврова (2009) и др,

Пословицы и поговорки как художественные мини-тексты традиционно исследовались фольклористикой. В 1960 – 1970-х годах XX века послови-

цы и поговорки стали рассматриваться в рамках особого подраздела фразеологии – паремиологии [Фролова 2007, с. 33].

В советском языкознании изучение турецкой фразеологии началось ещё в середине XX века и связано с именами таких учёных, как Э.В. Мамулин, Р.А. Аганин, С.С. Майзель. Исследователи занимались изучением специфики турецкого языка и фразеологии, в частности, в переводоведческом аспекте.

Первые сопоставительные работы по фразеологии турецкого языка с языками тюркской группы, а также другими генетически не родственными языками появились в конце 80-х годов XX века.

В.В. Павлов рассматривает родство паремиологического фонда двух тюркских языков (турецкого и чувашского) и устанавливает структурные и семантические связи между ними. Пословицы обоих языков имеют сходную структуру: «Одни из них построены по схемам предложений с одним предикативным центром, другие (их большинство) – по схемам предложений с двумя (редко – тремя) предикативными центрами. Исходя из этого выделяются пословицы-простые предложения и пословицы-сложные предложения» [Павлов 2004, с. 157]. Обобщая сопоставление семантики пословиц чувашского и турецкого языков, Павлов не делает существенных выводов об их различиях, поскольку пословицы выделенных тематических групп похожи.

В диссертационном исследовании Л.В. Базаровой «Концепт “Бог” во фразеологических единицах английского, русского, татарского и турецкого языков» осуществлён комплексный сопоставительный анализ пословиц, репрезентирующих концепт «Бог», в четырёх разноструктурных языках – английском, русском, татарском и турецком.

Благодаря сопоставлению фразеологии разноструктурных языков исследователь делает важные выводы для выявления её лингвокультурных особенностей: «Между рассматриваемыми языковыми картинами мира сущест-

вуют черты сходства и различия, общие ценностные установки, связанные с ключевыми для лингвокультур концептами. Доминирующим в сопоставляемых языках является фразеосемантическое поле «состояние», которое содержит одиннадцать микрополей и превалирует над фразеосемантическими полями «деятельность» (10 микрополей), «характеристика» (2 микрополя) и «отношение» (2 микрополя), что связано с выражением духовного, эмоционального состояния человека, погружённого в себя и анализирующего состояние своей души» [Базарова 2011, с. 143]. Для нашего исследования представляют интерес выявленные Л.В. Базаровой структурные отличия и схождения в пословицах турецкого и русского языков: продуктивные модели («в турецком – 3-е лицо ед. ч. глаголов в повелительном наклонении, форма условного наклонения в форме 3-го лица ед. ч. и служебные части речи, в русском – обороты, содержащие модальные частицы, «сущ.+гл.+(сущ./мест.)»)» [Там же, с. 125], характерные типы предложений и для турецкого и для русского – с придаточным местоименно-определительным.

Близким нашей работе по теме и методике является исследование Н.Д. Пименовой, посвященное анализу английских и турецких фразеологизмов, включающих орнитоним. Данная работа посвящена сопоставлению пословиц и поговорок с образом птиц в неродственных языках. Результатом такого сопоставления являются не только лингвистические выводы, но и страноведческие: «Происхождение многих фразеологических эквивалентов связано с особенностями внешнего облика и поведения домашних и диких птиц, одинаково подмеченных разноязычными народами. Общие или близкие исторические реалии, религиозные и суеверные представления порождают ФЕ, сходные в семантико-понятийном отношении. В таких одинаковых или близких логико-образных и логико-фразеологических идеях и проявляется интернационализм английских и турецких ФЕ с компонентом-орнитонимом» [Пименова 2002, с. 34].

Исследовательский интерес для нас представляет диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук Ильяса Устуньера «Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках». В работе выявлены наиболее продуктивные «модели зооморфных номинаций» [Устуньер 2004, с.13] и проведён анализ переносных значений слов, характеризующих человека через образ животного в турецком языке: «Одно и то же свойство животного, птицы и т. п. может использоваться для характеристики в одном языке внешних, в другом – внутренних качеств (например, ворон у русских ‘зловещий’, но ‘мудрый’, у турок – характеристика внешности очень худого человека)» [Там же, с. 123]. Данный анализ позволил сделать выводы о некоторых особенностях языковой картины мира турецкого народа и об экстралингвистических характеристиках образов животных в турецком языке.

К подобным выводам пришли и другие исследователи [см. работы Н.М. Гарифуллиной, Н.О. Самаркиной, З.А. Биктагировой и др.], занимающиеся сопоставлением турецкой фразеологии с фразеологическими единицами других языков.

Турецким пословицам посвящено исследование М.В. Порхомского «Язык турецких пословиц», в котором исследуется грамматический, семантический и лексический аспекты этих единиц турецкого языка. Учёный провёл большую исследовательскую работу по анализу источниковедческой базы, рассмотрел все существующие словари турецких пословиц. Изучая фольклорную традицию Турции, автор работы пришёл к выводу, что устные традиции продолжают играть существенную роль в турецком языке. Этот факт интересен и для переводоведения, и для методики преподавания русского языка как иностранного. Для нас важным аспектом этого исследования стало выявление семантических классов пословиц и их ядра, в котором группа с названиями животных занимает ведущее место: «В турецких паремиях широко представлены семантические классы «Анатомия и физиология чело-

века и животных», «Животные, птицы, насекомые»» [Порхомский 2009, с. 154].

Традиционный вопрос классификации решается для пословиц и поговорок неоднозначно, что объясняется многоаспектностью самих языковых единиц и различными подходами исследователей к этому вопросу [см. подробнее: Мамонтов 2002, с. 88 – 97].

В основу классификаций могут быть положены различные признаки пословиц и поговорок, что в обобщённом виде позволяет выделить следующие основания классификаций:

1) алфавитный (по начальным буквам первых слов),

2) по ключевым словам,

3) монографический (по месту, времени собирания, имени собирателя),

4) генетический (по источнику, происхождению),

5) тематический.

Тематический (смысловой, идеографический) принцип классификации является одним из наиболее распространённых. Этот принцип применил в своём собрании «Пословицы русского народа» В.И. Даль, выделив 179 тематических групп и расположив их в такой последовательности, которая создаёт более крупные тематические объединения, всесторонне характеризующие сферу народной жизни, обозначенную в названии группы. Этот же принцип находим в расположении пословиц «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского, который выделил уже 202 смысловых группы, хотя по объёму его сборник значительно уступает собранию В.И, Даля. Таким образом, тематическая классификация может иметь разные степени детализации, что также приводит к многообразию классификаций. В качестве тематических групп высокого уровня обобщения в собраниях В.И. Даля и В.Н. Добровольского выделены следующие: Человек; Отношения между людьми; Семья, родственники; Дом, быт, досуг; *Природа* (здесь и далее курсив наш –

О.Б.); Земледелие; Обычаи, поверья, суеверия; Религия; *Домашние животные*; Отношения человека с государством и др.

Примером современного подхода к проблеме может быть классификация, приводимая О.Ю. Мансуровой. В основе этой классификации отношения человека к окружающему его миру, в том числе: 1) *к природе*, 2) к пище, 3) к своему времяпрепровождению, 4) к быту, 5) к жизненным ценностям, 6) *к животному миру* и др. [Мансурова 2007, с. 3].

Таким образом, при тематическом подходе к классификации пословиц неизменно присутствует группа, характеризующая отношения человека и животных.

Фразеологический фонд любого языка имеет тесную связь с культурой носителей данного языка. Паремиология в современной науке рассматривается как одна из областей лингвокультурологии. Изучение пословиц и поговорок фольклористикой раскрывает их жанровый потенциал. Для лингвокультурологии важно, что пословицы и поговорки отражают стереотипность народного сознания. Эти единицы являются точкой самого тесного взаимопроникновения культуры и языка. Их рассмотрение с этих позиций в лингвистической науке только начинается. Взгляд на пословицы и поговорки с точки зрения прагматики подтверждает, что они представляют богатый материал для исследования: одно и то же выражение может нести разные смыслы. Познание культуры нации приближает к интерпретации пословичных выражений.

В.И. Даль в предисловии к «Пословицам русского народа» отмечал: «За пословицами и поговорками надо идти в народ, о том никто спорить не станет» [Даль 1957, с. 8]. Об этом же свидетельствуют многочисленные словари пословиц и поговорок, существующие во всех языках мира и содержащие богатейший материал. Пословицы и поговорки – результат коллективного сознания, несущие в себе архетипические особенности. Они

появляются как продукт коллективного народного творчества, поэтому имеют особые черты, характеризующие их в лингвокультурном плане:

1. Благозвучность: пословицы и поговорки должны иметь приемлемую для любого носителя языка фонетическую форму («Бог дал, Бог взял», «Вся семья вместе – и душа на месте»).

2. Конкретизация и олицетворение отвлечённых понятий: коллективный опыт постижения добра и зла, хорошего и плохого находит выражение через конкретные бытовые образы или через наделение сознанием животных, природных объектов («Два медведя в одной берлоге не живут»).

3. Краткость и односложность выражения: пословицы и поговорки резюмируют всю мудрость и многовековой опыт народа в доступной для быстрого понимания форме и не терпят увеличения словесного объема («Дело мастера боится», «Запретный плод сладок»).

4. Выражение общего на примере частного: пословичное изречение должно иметь философскую глубину, но при этом быть близко каждому человеку («Какова Аксинья, такова и ботвинья», «Кузькина мать»).

Выявление данных черт подтверждает мнения исследователей (Ю.А. Сорокина, И.Р. Гальперина) о том, что в лингвокультурном плане пословицы и поговорки имеют в своём составе «культурно-маркированные лексические единицы», которые по своей природе должны вызывать в сознании народа определённый смысл, видение ситуации или представление. Этот фактор определяет логику поведения человека в будущем и обусловливает границы контекста данного выражения, его связь с жизненными ситуациями. Благодаря этому подключается культурно-исторический фон употребления пословиц и поговорок.

Таким образом, культурно-языковые особенности данных фразеологических единиц отражают картину восприятия мира, следовательно, их изучение в межъязыковом сопоставлении является эффективным способом выявления национально-культурной специфики сопоставимых единиц разных

языков. В то же время, как отмечает Г.Л. Пермяков, интересно, что при национально-культурном своеобразии пословицы и поговорки разных народов имеют много общего. Если открыть любой сборник, то неизбежно встретится знакомое выражение [Пермяков 2001, с. 9].

Как писал ещё в позапрошлом веке И.Е. Тимошенко, при определённых и неизбежных различиях во фразеологии разных народов «сходство и тождество мысли или понятий не удивительно, так как основные понятия нравственности, идеи добра и зла, предписания здравого смысла и выводы эмпирических наблюдений природы и навыков животных более или менее одинаковы у всех народов» [Тимошенко 1897, с. 17].

Подобную мысль на материале сопоставления таких далёких языков, как русский и китайский, формулирует современный китайский исследователь Чжэн Гуанцзе: «Национальная специфика фразеологизма способна отражать историю, обычаи и традиции народа, создавшего его. С другой стороны, мы не можем преувеличивать роль фразеологизмов в культуре и межкультурной коммуникации, так как во фразеологической системе любого народа основная масса единиц общечеловеческая и содержит общеизвестные знания об окружающем нас мире. Различия же в этих системах обусловлены не только и не столько культурным разнообразием, сколько несовпадением техники адекватного восприятия действительности». (Чжэн Гуанцзе 2013 с. 20-30)

Данные заключения, как представляется, в ещё большей степени подтверждает важность изучения способов языкового выражения тех смыслов, которые заключены в сопоставляемых фразеологических оборотах.

Выводы

В первой, теоретической, главе настоящего исследования нами рассмотрены основные вопросы, необходимые для объективного анализа пословиц и поговорок с компонентом-зооморфизмом в русском и турецком языках. Определяющей особенностью проводимого исследования является то, что

оно строится в рамках проблемного поля «язык и культура», последовательным описанием взаимоотношений которых сегодня занимается выделившееся в конце XX века направление лингвистики, получившее название лингвокультурологии.

Проблемы описания лингвокультурного потенциала языковых единиц рассматриваются, в свою очередь, с позиций потребностей межкультурной коммуникации как формы взаимодействия представителей разных языков и культур. В своём исследовании мы исходим из того, что, во-первых, необходимым условием осуществления адекватной межкультурной коммуникации является равноценное (хотя бы в определённых пределах) знание участниками коммуникации национально-культурных особенностей, менталитета коммуникативного партнёра, и что, во-вторых, овладение этими знаниями осуществляется в процессе изучения языка, поскольку именно язык, в первую очередь, является хранителем и транслятором культуры народа. Взаимодействие языка и культуры происходит на уровне разных языковых единиц, в том числе – фразеологических.

В главе даётся характеристика фразеологизмов как ярких носителей национально-культурной семантики, обосновывается необходимость их описания с позиций межъязыковых соответствий.

Далее рассматривается лингвистический статус пословиц и поговорок, которые в целях данной работы квалифицируются (вслед за Н.М. Шанским) как особый тип фразеологических выражений. Приводятся основные характеристики пословиц и поговорок в сопоставлении с другими типами фразеологических единиц.

Главным отличительным признаком пословицы по сравнению с поговоркой является то, что она характеризуется законченностью высказывания. При этом и в пословицах, и в поговорках заключён большой объём сведений, связанных с особенностями истории и культуры народа – носителя языка. Эти сведения закономерно разные, как различны сами народы, но, в

то же время, фразеологизмы разных языков во многом схожи, поскольку едины общечеловеческие ценности, выражаемые ими.

Даётся характеристика состояния изучения фразеологии в турецкой лингвистике.

Важным вопросом современной науки об устойчивых единицах языка является их классификация. Существует множество подходов к классификации пословиц и поговорок. Нас интересует, в первую очередь, тематический (идеографический) подход, в рамках которого мы выделяем группу *Человек и животные*, являющуюся материалом исследования в диссертационной работе.

ГЛАВА 2. ЗООМОРФИЗМЫ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Глава посвящена лингвокультурологическому аспекту анализа зооморфизмов в русских пословицах и поговорках. Поскольку лингвокультурная специфика языковых единиц может быть выявлена в сравнении с другими лингвокультурами, то в данном случае мы рассматриваем особенности языковых единиц с зооморфными образами на фоне турецкого языка.

Работа содержит описание образов восьми наиболее значимых для культуры России и Турции животных, отобранных нами на основе критериев, описанных во Введении. В их число вошли: *верблюд, волк, ворон*(*а*)*, конь* (*лошадь*)*, лиса, осёл, свинья и собака* (*пёс*). В ходе анализа представлены сопоставления: какие качества того или иного животного отражены в пословицах и какие из них зафиксированы в словарях. Глава также содержит материал, характеризующий образ того или иного животного в общекультурном плане. Этот материал предназначен для сопоставления содержания ассоциативно-культурного фона одноимённых анималистических образов в разных языках.

2.1. Зоонимы и зооморфизмы

Во фразеологическом фонде почти всех языков значительную часть составляют устойчивые словосочетания, содержащие в своём составе наименования животных, или зоонимы. В русском языке такие фразеологи-

ческие единицы являются одной из наиболее продуктивных групп. Исследование данной группы является актуальным для теоретической науки, поскольку зоонимы выражают языковую универсалию и имеются в языках всех народов.

Зоонимы привлекали внимание учёных во все времена. Об их языковом выражении писал В. фон Гумбольдт: «Когда, например, в санскрите слона иногда называют дважды пьющим, иногда двузубым, а иногда ещё и снабженным рукою, разные понятия получают разное языковое обозначение, притом что каждый раз имеется в виду один и тот же объект» [цитата по: Вежбицкая 1996, с. 12].

В разных языках по-разному выглядит классификация животных и само представление о «живом»: «В одном из языков аборигенов Австралии слово, обозначающее `птицу`, включает в себя летучих мышей и некоторых способных летать насекомых, таких, как кузнечики. В другом языке – языке вальпири – нет слова, передающего идею `животного`. В нём различаются животные, годные в пищу, и животные, не годные для таковой, поскольку одно и то же слово обозначает и `съедобных животных` и `мясо`» [Там же, с. 34]. Продолжая развивать эту мысль, А. Вежбицкая связывает такие разные представления о «животном» с «лингвоспецифичностью»: «Названия видов животных тоже в известной мере лингвоспецифичны. В японском языке лексически не различаются мыши и крысы: и те и другие обозначаются одним словом nezumi, которое, очевидно, не имеет смыслового эквивалента в английском» [Там же, с. 35]. Можно сделать вывод, что в лингвистическом фонде каждого языка имеется своё понятие «животного», их классификация, что придаёт этому понятию культурную специфичность. То есть в каждом языке есть *зоонимы*.

Для обозначения именований животных в современной лингвистике используются различные лексические единицы: *названия животных, зоолексика, зоонимы, анимализмы* и некот. др. Наибольшей употребительностью в

настоящее время отмечен термин *зооним,* который в научной литературе существует в двух толкованиях: узком и широком. В узком смысле *зоонимами* называются собственные имена (клички) животных (*Мурзик, Бурёнка, Шарик* и т.п.) [Архипов 1976, Мокиенко и Фонякова 1976, Суперанская 1973, Урасин 1976 и др.].

Зоонимы в широком смысле – это нарицательные существительные, являющиеся названиями животных (*кошка, корова, собака* и т.п.) [Гудавичюс 1989, Гутман и М.И. Черемисина 1972, Литвин 1974, Росинене 1978, Рыжкина 1978 и др.].

При всей распространённости функционирования термина *зооним* в указанных значениях некоторые исследователи видят в многозначности термина один из его недостатков. Второй недостаток термина *зооним*, как отмечает автор первого монографического исследования русских зоонимов на фоне китайского языка Чжэн Инкуй, состоит «в излишне категоричном указании на то, что соответствующее слово является названием определённого животного. Между тем, … интересующие нас лексические единицы, помимо собственно анимальных значений, могут соотноситься и с денотатами, которые животными и не являются. Кроме того, зооним может выступать в качестве исходного лексико-семантического варианта многозначного слова, а может быть одним из производных лексико-семантических вариантов такого слова» [Чжэн Инкуй 2002, с. 34-35]. Поиски термина, отражающего разный статус имени животного в рамках одной лексемы, привели исследователя к выделению понятий *зоолексема* и *зоонимосодержащая лексема*: «Зоолексемой будем называть лексическую единицу, которая в исходном значении выступает в качестве названия определённого животного (ср. *слон*). Если в имеющихся объяснительных словарях зоолексема приводится как однозначное слово, она одновременно является и зоонимом (ср. *снегирь*). Если же зоонимом является не исходный, а один из производных лексико-семантических вариантов слова, то такую единицу предлагается называть

зоонимосодержащей лексемой (*мухоловка* – «небольшая птица»)» [Чжэн Инкуй 2002, с. 35] .

В данной работе для обозначения названий животных мы используем термины *зооним* и *зоолексема*; для обозначения переносного, образного значения зоолексемы в оценочно-характеризующей функции, в том числе – в составе фразеологических единиц – термин *зооморфизм*, *зооморфный образ*, *анималистический образ*.

Несмотря на все различия в восприятии животных носителями разных языков было отмечено, что животные во многом похожи на людей, и наоборот. Это давало возможность кратко и образно характеризовать человека через название животного.

Так, фразеологические единицы с компонентом-зоонимом могут отражать различные характеристики, среди которых:

– физические свойства субъекта (*сильный как лошадь, зоркий как рысь, нюх как у собаки, ловкий как обезьяна* и др.);

– внешний облик (*толстый как боров, с козлиной бородкой* и др.);

– психические свойства субъекта (*злой как собака, упрямый как бык, упёрся как бык* и др.);

– наличие интеллекта или его отсутствие (*глуп как сивый мерин, уставился как баран на новые ворота* и др.);

– повадки, умения, навыки субъекта (*повторяет как попугай, хитрый как лиса, галдят как сороки* и др.) и т.п.

Слова и словосочетания с *зооморфными образами,* или *зооморфизмами,* прочно вошли в нашу речь, добавляя ей образности, выразительности, оценочности.

При этом, как указывают многие исследователи, «зооморфизмы, ориентированные на одно и то же реально существующее животное, могут представлять его (и реально представляют) эталоном разных качеств и свойств.

Содержание зооморфизмов в каждом языке может отличаться от содержания аналогичных зооморфизмов в любом другом языке, что даёт основание усматривать в них отражение национальной специфики культуры народа» [Е.А. Гутман, Ф.А. Литвин, М.И. Черемисина 1977, с. 148].

В русском языке (как и в турецком) любой зооним может выступать в качестве оценочного определения человека – зооморфизма (*осёл, тюлень, медведь, лань* и т.д.). Таким образом, зооморфизмы могут функционировать в виде отдельных лексем. Однако чаще всего зооморфизмы выступают в составе фразеологических единиц (что также свойственно и русскому и турецкому языкам): *Вороне соколом не бывать*, *Tavuk horoz, kadın erkek olamaz* (*Курице не быть петухом, а бабе мужиком*).

Ф.А. Литвин в работе «Многозначность слова в языке и речи» пишет: «Язык регистрирует, закрепляет эти качества как свойственные денотату (объекту, как он отражён в языке), что позволяет регулярно использовать название объекта как эталон определённых качеств» [Литвин 1983, с. 27 – 28]. Отталкиваясь от этого утверждения, можно сделать вывод: зооморфизмы выражают отношения, чувства человека, формируя картину мира через «оценку предметов по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива (хороший – плохой, красивый – некрасивый и т.п.). Предикативно-характеризующий семантический вариант включает в себя в качестве основы номинативный, к которому добавляется ещё значение (сема) характеристики, что усложняет структуру варианта и вносит в неё качественное изменение» [Дронов 2010, с. 126]. С другой стороны, важно осознавать, что специфика подобных выражений заключается в механизме передачи значения. Содержание характеристики зооморфизмов обусловлено не столько качествами реального животного, сколько характеристиками, приписываемыми животным коллективным языковым сознанием.

На основе этого критерия (сходства – различия в языковом сознании) можно разделить фразеологические единицы с зооморфизмами на три группы:

1. Единицы, передающие универсальный для всех языков смысл через повторяющиеся зооморфические образы (библеизмы, заимствования из латинского языка и т.д.).

2. «Единицы, представляющие сходные сюжеты при помощи неодинаковых зооморфических образов. Среди них выделяются такие смысловые пласты, как отношение к труду, к проблеме жизненных предпочтений, а также представление таких понятий, как лень – безделье, ложь – фантазия и т.д» [Дронов 2010, с.130].

3. Единицы, представляющие уникальный, национально-специфический смысл.

Данная классификация подтверждает мнение М.Л. Ковшовой – автора работы «Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: когнитивные аспекты»: «Особая родовидовая сверхобщность зоосемия, включающая в свой состав зооморфизмы, единицы фразеологии с зооморфическим компонентом, может быть рассмотрена в качестве экспонента культурного знания, через который осуществляется взаимодействие языковой и культурной семантики» [Ковшова 1996, с. 37].

Ообенностью фразеологических единиц, содержащих зоонимы, является то, что их символическое значение построено на основе переносного значения структурных компонентов.

Несомненная образность фразеологических единиц с зооморфизмами, как и их собственные переносные значения, подтверждает необходимость рассмотрения метафоры как способа образования данных единиц.

2.2. Метафора как способ формирования зооморфизмов

Под зооморфизмами, или зооморфными образами, понимаются названия животных (зоонимы), выступающие в качестве характеристики человека. Такие значения зоонимы приобретают в результате определённых семантических процессов, которые объективируются посредством переноса наименований в рамках так называемой семантической деривации, приводящей к развитию многозначности.

Значения, формирующие семантическую структуру многозначного слова неоднородны по способу отношения с предметом действительности: одно из значений является основным, прямым, другие – производными, переносными.

В современной науке выделяются два основных типа переноса при наименовании: 1) перенос по сходству – метафора; 2) перенос по смежности – метонимия.

В основе формирования образного плана многих пословиц и поговорок, в данном случае зооморфных образов, лежит понятие метафоры, основу образования которой составляет сходство между предметами. Виды этого сходства весьма разнообразны, как различны и способы выделения оснований переноса наименований.

Существует множество классификаций разновидностей метафорического переноса, разработанных различными исследователями.

Так, Л.А. Новиков называет следующие основания метафоры: 1. *сходство формы, внешнего вида, производимого впечатления*: *круг 1* (начертить круг) ⇄ *круг 2* (спасательный круг); *сладкий 1* (сладкий виноград) ⇄ *сладкий 2* (сладкий сон); 2. *сходство в структуре оценок*: *лёгкий 1* (лёгкий чемодан) ⇄ *лёгкий 2* (лёгкий текст); *перерасти 1* (сын стал очень высоким, перерос отца) ⇄ *перерасти 2* (перерасти своего учителя); 3. *сходство функций*: *дворник 1* (работать дворником) ⇄ *дворник 2* (*включить* дворник, стрелка дворника – у смотрового стекла автомобиля); *барометр 1* (ртутный барометр) ⇄ *барометр 2* (показатель каких-нибудь изменений, состояния чего-нибудь; барометр общественного мнения); 4. *сходство местоположения*: *подошва 1* (ко-

жаная подошва) ⇄ *подошва 2* (подошва горы); *потолок 1* (белить потолок) ⇄ *потолок 2* (потолок полёта самолёта) ⇄ *потолок 3* (четвёрка по физике – его потолок); 5. *сходство в способе представления действия*: *поддерживать 1* (сваи поддерживают мост; ср., поддерживать под руку) ⇄ *поддерживать 2* (поддерживать чьё-нибудь предложение, чью-нибудь кандидатуру); *охватывать 1* (охватывать руками ствол дерева) ⇄ *охватывать 2* (Её охватила радость) ⇄ *охватывать 3* (охватить кого-либо общественной работой) [Новиков 1997, с. 229-230].

Г.Н. Скляревская в качестве общих направлений метафорических переносов рассматривает следующие: предмет – предмет, предмет – человек, предмет – физический мир, предмет – психический мир, предмет – абстракция, животное – человек, человек – человек, физический мир – психический мир [Скляревская 1993, с. 80].

В рамках этих направлений распространённая классификация метафорических переносов выделяет следующие типы сходства:

1) внешнее:

а) по форме: *лента дороги, пузатый чайник* и др.;

б) по цвету: *медные волосы, серый человек* и др.;

в) по расположению: *горло залива, цепь гор* и др.;

г) по размеру, количеству: *море слёз, гора вещей* и др.;

д) по степени плотности: *стена дождя, кисель дорог* и др.;

е) по степени подвижности: *быстрый ум, машина ползёт* и др.;

2) по функции: *дворник* (*машины*)*, брачные оковы* и др.;

3) по восприятию человеком: *холодный взгляд*, *кислое лицо* и др. [Литневская 2006, с. 13].

При метафорическим переносе, как указывает А.Х. Бирих, архисема производящего ЛСВ превращается в потенциальную сему в значении производного ЛСВ. При этом «потенциальные семы обнаруживаются лишь при сопоставлении первичного значения и вторичного» [Бирих 1978, с. 22].

В лингвистике существуют разные взгляды на метафору. Для того чтобы систематизировать имеющиеся подходы, приведём разные классификации данного явления. Во-первых, обозначим традиционное разграничение языковой и художественной метафоры. По мнению исследователей, языковая метафора «представляет собой готовый элемент лексики, такую метафору не нужно каждый раз создавать, «делать» – её берут готовой и употребляют в речи» [Скляревская 2004, с. 34]. Художественная метафора «не имеет такой лексической самостоятельности – она не может свободно вступать в семантические связи и реализоваться в разнообразных лексических окружениях. Художественная метафора всегда связана с контекстом. Без последнего не может быть определена ее семантическая сущность [Там же, с. 38].

Зооморфная метафора является разновидностью языковых метафор, что дополнительно обосновывает необходимость её изучения в целях межкультурной коммуникации.

Приведём уже ставшую классической типологию языковой метафоры Н.Д. Арутюновой. В зависимости от функции выделяются следующие виды метафоры:

1) номинативная – когда одно дескриптивное значение заменяется другим (*глазное яблоко, нос лодки*);

2) образная – переход идентифицирующего (дескриптного) значения в предикатное (*мартышка* ‘о некрасивом человеке’, *пуганая ворона* ‘о крайне боязливом, трусливом человеке’);

3) когнитивная – возникающая в результате сдвига в сочетаемости предикатных (признаковых) слов (любовь *потухла/угасла/смолкла/умерла* – об утрате чувства любви);

4) генерализирующая – стирающая в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующая возникновение

логической полисемии; конечный результат когнитивной метафоры (*яркие* чувства, *блестящие* результаты) [Арутюнова 1998, с. 366].

При этом автор классификации отмечает, что «во всех случаях рано или поздно метафора исчезает. Наименее устойчивы номинативная и генерализирующая метафоры, несколько большую стойкость проявляет метафора когнитивная, наиболее устойчива образная метафора. Переход метафоры к осуществлению вторичной для неё функции номинализации исключает семантическую двуплановость, т.е. ведёт в конечном счёте к гибели метафоры» [Там же, с. 367]. Можно сделать вывод, что зооморфизмы относятся к типу образной метафоры, что делает их устойчивыми, а перенос значения – очевидным.

Следующая классификация языковой метафоры, которая заслуживает внимания в контексте данного исследования, предложена Г.Н. Скляревской в работе «Метафора в системе языка» [Скляревская 2004]. В классификации Г.Н. Скляревской выделяются такие типы метафоры:

1) мотивированная: такой метафоре присуща прозрачность, логическая очевидность, эксплицитно существующая сема, связывающая метафорическое значение с исходным. Механизм образования такой метафоры очевиден: ср. *калейдоскоп* – быстрая смена мелькающих образов, лиц, событий;

2) синкретическая: образуется в результате смешения чувственных восприятий: ср. сладкий чай – *сладкая* мелодия (акустическое ощущение подменяется вкусовым);

3) ассоциативная: базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности.

Нужно отметить, что не всегда можно отграничить один тип метафоры от другого. Однако данная классификация подтверждает, что при метафорическом переносе человек руководствуется собственными ассоциациями, отражающимися на денотате.

Мы используем термина «метафора» в соответствии с определением Н.Д. Арутюновой: «Метафора – троп или фигура речи, употребление слова, обозначающего некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для характеризации или номинации другого, сходного с данным класса объектов или индивида, напр., Собакевич – настоящий медведь. Расширительно метафора – любой вид использования слов в переносном значении» [Арутюнова 1998, с. 233].

Проблема метафоры с позиций фразеологии на протяжении длительного времени рассматривалась многими исследователями, в числе которых А.В. Кунин (1971), Ю.А. Гвоздарев (1973), Н.Д. Арутюнова (1997), Е.М. Вольф (1988), В.Н. Телия (1988а, 1988б), Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых (2000), А.В. Медведева (2000), И. Устуньер (2004), Н.О. Самаркина (2006), В.И. Зимин (2012) и др.

В лингвокультурологии метафора рассматривается двояко: как лингвистический феномен, отражающий взаимодействие языка и культуры; как средство реализации лингвокультурологического потенциала базовых понятий лингвокультурологии: «картина мира», «концепт», «культурная коннотация» «языковая личность» и др.

Метафора – сфера взаимодействия мышления, языка и речи, «средство мировосприятия и миропонимания» (Алефиренко 2009). Именно поэтому исследования национально-культурной специфики языковых картин мира не может обойтись без обращения к исследованию метафорического поля рассматриваемых фрагментов.

В.А. Маслова указывает, что объяснение метафор без потери смысла невозможно, их интерпретация в сознании носителей языка осуществляется только благодаря культурной компетенции членов языкового коллектива, что делает метафору безусловным предметом исследования лингвокультурологического направления языкознания [Маслова 2001, 95]. Сказанное ещё раз подчёркивает важность и необходимость описания метафорических единиц

языка (в данном случае – зооморфизмов) с позиций потребностей межкультурной коммуникации.

По замечанию Р. Пейбонен, «метафора действует там, где возможно образное отождествление двух различных объектов. Таким образом, метафора может включать человека или предмет в категорию, к которой они не могут быть отнесены на рациональном основании. Она отражает специфику национального восприятия действительности и является универсальным языковым механизмом, позволяющим обозначить незнакомое через уже освоенное, т.е. выполняет задачу номинации» [Пейбонен 2013, с. 10].

В основе данного механизма лежит отнесённость образа к предмету. В метафоре в широком понимании этого понятия эта отнесённость такова: образ несёт в себе лишь то содержание, которое характерно для предмета и его роли в жизни общества. При этом образ полностью изоморфен, т. е. имеет сходство с обозначаемым им предметом. По этому сходству происходит сопоставление. Необходимо понимать, что в основе языковой образности лежит отражение надъязыковой и лингвистической действительности. Зачастую переносный смысл слова является отражением надъязыковой (отвлечённой, художественной) действительности. Лексема *осёл,* чаще всего, обозначает не само непарнокопытное животное, а статус или характеристики, приписываемые данному животному в нашем сознании. Таким образом, «зооморфизм – это результат метафорического переноса, при котором свойства животного приписываются человеку или неодушевлённому предмету» [Пейбонен 2013, с. 9].

Т. Троянова в своём исследовании «Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках» отмечает особенность зооморфных метафор: «сопоставление человека с представителем животного мира, т.е. с другим одушевлённым существом, кажется носителю языка естественным и

логичным» [Троянова 2003, с. 70]. Благодаря этому данный метафорический процесс проявляется в языках так частотно.

Исследователи выделяют ещё одну особенность в образовании зооморфизмов: процесс метафоризации может основываться на одном каком-то качестве или признаке, который «лежит на поверхности, легко вычленяется и эксплицитно привязывает метафорическое значение к исходному» [Скляревская 2004, с. 50]. Например, в зооморфизме «Ах, ты – *лиса*!» основным признаком для переноса значения будет сема ‘хитрый’. Таким образом, в большинстве зооморфных метафор признак переноса значения лежит на поверхности, особенно в тех случаях, когда это знакомые всем носителям языка признаки животных.

Необходимо отметить, что такой тип ассоциаций (признаковый) не всегда служит основой метафорического переноса с участием зоонима. Существует ещё психологический тип переноса, при котором «признак не только не является существенным для исходного понятия, но нередко вообще не входит в его смысловую характеристику» [Там же, с. 61]. Рассмотрим пример образования зооморфизма *волк* в турецком языке: 1) «некто хорошо знающий какое-либо место или хорошо сведущий в чём-либо»; 2) «знаток, *спец.*» и 3) *разг*. «хитрец, бестия, проныра». Данный зооморфизм является образной метафорой по психологическому типу переноса, в семантику которого входят оценочное положительное (1и 2) и/или пренебрежительное (3) отношение говорящего к объекту.

Можно сделать вывод, что зооморфизмы относятся к оценочно-экспрессивной метафоре. Особенно ярко это проявляется при переносе признака животного на человека, что формирует в языках мира «качественно-оценочную характеристику человека» [Ковшова 1996, с. 36]. Изучение данных единиц, по мнению исследователей, «позволяет рассмотреть не просто поверхностно-формальную сторону лексико-фразеологической системности, но и более глубоко осмыслить семантическую сторону межуровневых

отношений, в которые вступают зооморфизмы и зооморфные фразеологизмы» [Тон Куан Кыонг 1997, с. 119].

2.3. Особенности пословиц и поговорок о животных

Общепризнано, что фразеологизмы в языке представляют, по выражению Л.И. Ройзензона, «наиболее самобытное его явление» [Ройзензон 1977, с. 116], и не только в плане системно-регулярной аномальности, но и в выражении национально-культурной самобытности народа-носителя языка [Телия 1996, с. 215].

Пословицы и поговорки о животных составляют обширный пласт во фразеологическом фонде разных народов и отличаются большим тематическим разнообразием. В анималистических пословицах и поговорках высмеивается лень, неумение вести хозяйство, незнание природы и повадок животных, небрежное отношение к живности и т.п. Многие пословицы и поговорки направлены против праздности, безделья, лени, неумения трудиться. Отсутствие чувства ответственности трактуется в пословицах как корень зла и источник всевозможных бедствий [Салпагарова 1991, с. 134]. Вся структура паремий преследует одну основную задачу – представить народную мысль завершённо, ёмко и ярко. Пословицы и поговорки о животных являются образцом архикраткости и образности.

Особую важность, подчёркивает Пак Сон Гу, представляют исследования фразеологических единиц двух разноструктурных языков, «с целью описания системы ассоциаций, коннотаций, связанных у носителей двух сопоставляемых языков с представлениями о том или другом животном в проекции на человека» [Пак Сон Гу 2000, с. 115].

Другой исследователь обращает внимание на то, что «долговременное и широкое общение с животными естественно привело к тому, что люди

начали понимать их повадки, поведение и способы приспособления к жизни и использовать представления об особенностях и характерах некоторых животных для того, чтобы образно описывать человеческие взаимоотношения, характеры, обозначать некоторые общественные явления, указывать на сходство с животными некоторых людей. Таким образом в языке возникло много фразеологизмов, пословиц, поговорок и образных выражений, в которых фигурируют названия животных. Но у каждой нации – своя природная среда, свой культурный фон, свой национальный менталитет, свои традиции и обычаи. Это значит, что у разных национальностей возникают неодинаковые психологические переживания, разные ассоциации по отношению к одним и тем же животным, что и привело к появлению в каждом языке особенных ассоциативных образов животных, символические значения которых очень богаты, различны и даже противоречивы» [Цуй Чжэнлин 2012, с. 55].

Н.И. Сукаленко считает, что «подобные существенные расхождения конкретных языковых образов, как правило, результат несопоставимо глубоких различий целостного национально-культурного мировосприятия, только частично зафиксированного с помощью языка [Сукаленко 1992, с. 98].

Образы животных представлены во фразеологии многих языков и широко исследуются в современной лингвистике. Можно выделить два основных направления таких исследований:

1) исследования фразеологизмов с зоонимической лексикой в одном языке: [Зайченко 1983], [Григорьева 1985], [Малафеева 1989], [Гура 1997], [Сулаева 2011] и др.;

2) исследования фразеологизмов с зоонимами в сопоставительном аспекте: [Григас 1987], [Пак Сон Гу 2000], [Иванова 2003], [Костина 2006], [Созинова 2006], [Маркова 2010, 2011], [Цуй Чжэнлин 2012], [Маклакова 2012] и др.

Настоящая работа посвящена анализу образов животных в русской фразеологии на фоне турецкого языка (следует отметить, что ранее выполнена работа, содержащая сопоставительный анализ фразеологизмов с зоонимами в английском и турецком языках, и её выводы весьма интересны [см. подробнее: Марданова 1997]).

2.4. Образы животных в русских пословицах и поговорках на фоне турецкого языка

Данный параграф содержит характеристику образов *верблюда, волка, ворона, коня* (*лошади*)*, лисы, осла, свиньи и собаки* (*пса*) в русской и турецкой фразеологии. При написании данного параграфа мы использовали следующие источники: В.И. Даль «Пословицы русского народа» [СПб, 1879], А.М. Жигулёв «Русские народные пословицы и поговорки» [М., 1958], Г.Л. Пермяков «От поговорки до сказки» [М., 1970], А.М. Жигулёв, Н.П. Кузнецов «Сборник пословиц и поговорок» [М., 1974], О.Ю. Мансурова «Турецко-русский словарь пословиц» [М., 2007]; энциклопедия турецкого языка и литературы «Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi» [İstanbul, 1986], толковый словарь турецкого языка «Turuncu Sцzlьk» [Ankara, 2005]. Общее число выявленных паремий составило 274 русских и турецких пословиц с образами животных (с учётом вариантов).

Весь выявленный нами в указанных источниках исследовательский материал, распределённый по тематическим группам (по названию соответствующего животного), представлен в приложениях № 1 и № 2.

Таблица 1

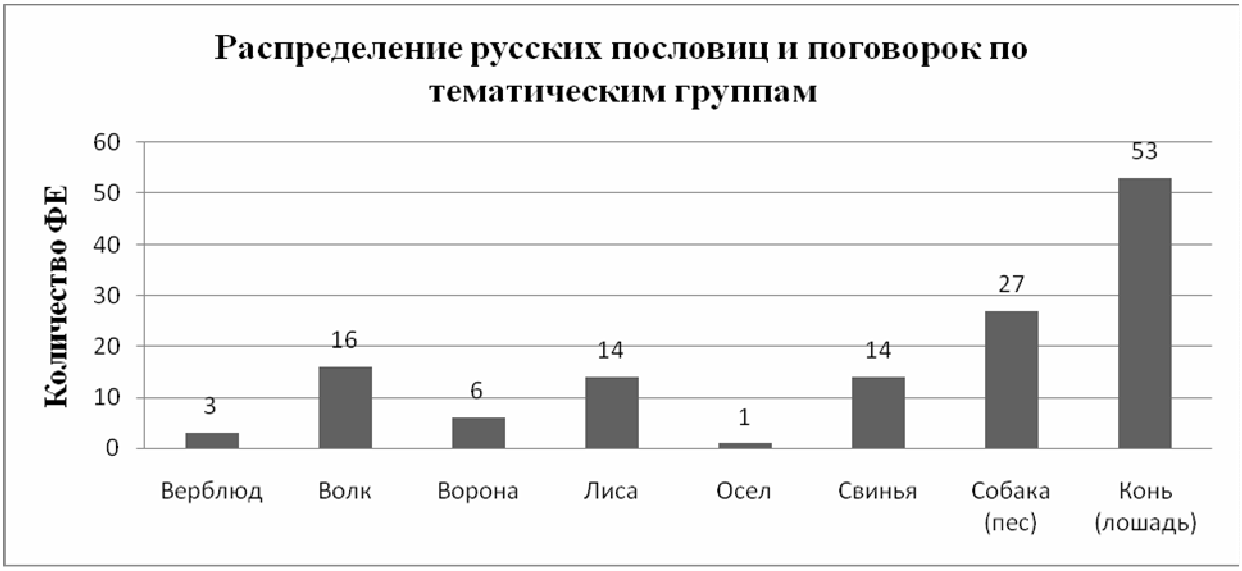

Таблица 2

Как следует из таблиц, наиболее многочисленной в русском языке является группа с ключевым словом *конь* (55), в турецком языке – со словом *собака* (46). При этом надо отметить, что одноимённая группа в русском языке вдвое меньше по количественным показателям (27) . Одновременно в турецком языке на второй позиции находится группа с ключевым словом *конь,* однако при этом она количественно (24 единицы) в несколько раз уступает одноимённой русской группе. На третьем месте находятся группы с зоонимом *волк* (16 и 22). Совпадают в количественном плане (6 и 6) группы с

зоолексемой *ворон*(*а*). Остальные зоонимы характеризуются разной фразеологической активностью в русском и турецком языках. Так, третье место по фразеологической ёмкости в русском языке делят группы с зоонимами *лиса* и *свинья* (по 14). В турецком языке третье место занимают *осёл* и *верблюд* (по 16). В русской фразеологии этим животным принадлежат последние места (*верблюд* – 3), *осёл* – 1), что понятно. Наименее активны в турецкой фразеологии зоонимы *лиса* и *свинья* (6 и 4 единицы).

Обратимся к содержательной характеристике перечисленных единиц.

Проблема лингвокультурологического анализа языковых единиц при всей своей актуальности и пристальном внимании к её решению со стороны исследователей на протяжении последних десятилетий (достаточно обратиться хотя бы к работам, посвящённым описанию концептуальной сферы русской картины мира и т.д.) продолжает оставаться предметом научного поиска и дискуссий. Нам близка позиция В.В. Колесова, реализованная в Словаре русской ментальности: «Мы подходили к характеристике концепта с самых разных сторон, используя различные средства, но не прибегая к «анализу» – дроблению семантики на «составляющие», тонкость выделения которых граничит с субъективизмом, зависимостью от контекстов и определённой вкусовщиной» [Колесов 2014а, с. 3].

Задачей предпринятого в работе комплексного лингвокультурологического анализа выделенных зооморфных образов было выявление их наиболее значимых характеристик, позволяющих сделать заключение о сходстве и различии этих образов в их восприятии представителями разных (русской и турецкой) лингвокультур.

В общую схему анализа входят следующие элементы: 1) общекультурологическая характеристика образа животного в мировой культуре, 2) сопоставление словарных значений одноимённых зоонимов в русском и турецком языках, 3) характеристика коннотативных значений зоонимов, отражённых в толковых словарях, 4) характеристика данного зооморфного образа в

русских пословицах и поговорках, 5) характеристика данного зооморфного образа в турецких пословицах и поговорках, 6) сопоставление полученных результатов, 7) формулирование выводов.

Схемы анализа конкретных зооморфизмов могут отличаться как наличием / отсутствием отдельных элементов, так и объёмом приводимых сведений.

2.4.1. Образ *верблюда*

Верблюд – животное, которое своей неприхотливостью обеспечило людям возможность передвигаться по пустыням Азии и Северной Африки. Неудивительно, что верблюд воспринимался как олицетворение умеренности и трезвости и что святой Августин провозгласил его символом христиан, смиренно несущих свои тяготы. С другой стороны, верблюда часто считали символом надменности и упрямства. В азиатской символике верблюд не играет большой роли. (Книга символов:[сайт] URL: http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=163#1).

Согласно Словарю Ожегова, Шведовой, верблюд – это «жвачное парнокопытное млекопитающее с одним или двумя жировыми горбами» [Ожегов 1997, с. 74]. Словарная статья содержит также иллюстративные примеры и фразеологизмы, включающие заголовочное слово: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие (по библейскому изречению). ♦ Докажи, что ты не верблюд (*разг*., *шутл*.) – о невозможности доказать очевидную необоснованность какого-н. обвинения. Откуда? – От верблюда (*прост*.) – выражение насмешки по поводу неосведомлённости спрашивающего» [Там же, с. 74]. В других изученных нами лексикографических источниках не представлено переносное значение лексемы *верблюд*.

В русской фразеологии нами было выявлено небольшое количество пословиц и поговорок с зоолексемой *верблюд*:

И верблюда на обороти водят. Мал сокол, да на руке носить; велик верблюд, да воду возить. Лёг верблюд, так приехали [Жигулёв, Кузнецов 1974].

Таким образом, в русской фразеологии в основе характеристики образа верблюда лежит, прежде всего, выполняемая им для человека функция транспортировки; в переносном же значении образ верблюда используется для характеристики чьей-либо неосведомлённости или необоснованности чего-либо.

В турецком языке в переносном значении *верблюд* – это некто «высокого роста; громоздкий, неуклюжий» (перевод наш – О.Б.) [Türkçe Sözlük / Türk Dili Kurumu 2005, s.123]; «нескладный (о крупном человеке)» (перевод наш – О. Б.) [Ясюкевич 2003, с. 4]. В отличие от русской культуры, образ верблюда нередко можно встретить в турецких пословицах и поговорках, где он вовсе не обладает характеристиками, отмеченными словарями в переносном значении. Нами было выявлено 16 фразеологических единиц, в состав которых входит данный зооним:

1. *Deveyi yardan uçuran bir tutam ottur* [*И пучок травы может ввергнуть верблюда в пропасть*] (т.е. из-за любой мелочи может произойти крупная оплошность или большая беда) ≈ [Мала причина, да грех велик], [От спички Москва сгорела].
2. *Deve büyüktür, amma başını bir eşek çeker* [*Верблюд большой, да ведёт его ишак*] ≈ [Саночки-самокаточки, а без коня нельзя], [И верблюда на оброти водят].
3. *Deve ölürse derisi eşeğe yük kalır* [*Если верблюд умрёт, его шкура ослу будет грузом*] (т.е. ценная вещь может утратить свою ценность, положительное качество может перейти в отрицательное) ≈ [Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт].
4. *Deveye hörgücü ağır gelmez* [*Верблюду горб не в тягость*] ≈ [*Своя ноша не тянет*].

5. *Deve var bir akçeye deve var bin akçeye* [*Есть верблюд за одну монету, есть верблюд за тысячу монет*] (т.е. не всё, что внешне схоже, имеет одинаковую ценность) ≈ [*Не все то золото, что блестит*].
6. *Deve Kabe'ye gitmekle hacı olmaz* [*Сходив в Киблу, верблюд хаджи не станет*] ≈ [Лягушке волком не быть, сколько воды не пить].
7. *Deveyi halının altına saklayamazsın* [*Верблюда под ковром не спрячешь*] ≈ [Шила в мешке не утаишь] [Türkçe Sözlük/ Türk Dili Kurumu 2005, s. 121].
8. Deveden bьуьk fil var [И больше верблюда зверь есть].
9. Köpek ne kadar havlasada deve onu duymaz [Сколько бы собака ни лаяла на верблюда, он не услышит].
10. Köpek deveye havlasada deve onu tanımaz [Собака на верблюда лаяла, а верблюд и не знал].
11. Silah sesine alışık deve davul sesinden korkmaz [Верблюд, привыкший к пушкам, не испугается барабана].
12. Deve sinek avlamaz [Верблюд не ловит мух].
13. Çok karınca deveyide öldürür [Много муравьев убивают и верблюда].
14. Deve var bir akçeye, deve var bin akçeye [Верблюд есть за один коейк, верблюд есть за тысячу коейк].
15. Talihsiz hacıyı deve üstünde bile yılan sokar [В несчастье, будь ты и на верблюде, змея укусит].
16. Deve yerine deve çöker [На место верблюда падает верблюд] [Türkçe Sözlük/ Türk Dili Kurumu 2005, s.121].

Приведённые примеры показывают, что *верблюду* в турецких пословицах присуща наивность и глупость. По мнению турок, по интеллекту *верблюд* ничем не отличается от осла; более того, он даже глупее, несмотря на свои крупные размеры. При этом, в отличие от осла, верблюду не присуще упрямство, а скорее податливость и простота, которая, как гласит народная мудрость, «хуже воровства». Однако в некоторых пословицах отчётливо просле-

живается, что верблюд полезен в хозяйстве и по достоинству оценён турецким народом. 6 из 16 пословиц имеют смысловые аналогии в русском языке, при этом лишь 3 из них имеют прямые смысловые соответствия в русском языке, но с другой символикой (№ 4, 6, 7).

2.4.2. Образ *волка*

В культуре восточных славян *волк* – одно из наиболее мифологизированных животных.

Приведём характеристику волка, данную в Словаре русской ментальности [Колесов 2014].

ВОЛК – хищный безжалостный дикий зверь, предпочитающий жить в стае.

Волка боятся, но не до ужаса («волка бояться, и в лес не ходить»), и по возможности жестоко наказывают за дело («не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел»). В отличие от лисы, В. не наделён хитростью (*волк в овечьей шкуре* не способен никого ввести в заблуждение), обычно стремится овладеть жертвой с наглой прямотой хищника («ты виноват уж тем, что хочется мне кушать, – сказал и в тёмный лес ягнёнка поволок» – Крылов). Ночной образ жизни Волка рождает подозрение, что он может быть посредником между мирами света и тьмы (*оборотень*). Вместе с тем сила, энергия («волка ноги кормят»), стремление к свободе («как волка ни корми, а он всё в лес глядит») заставляют видеть в Волке не только разбойника, но и воина; сходство с собакой позволяет надеяться на его помощь (*серый волк* сказок) [Колесов 2014, с. 121-122].

В восточнославянских поверьях прослеживается связь волка с вороном. Так, по представлениям русских, на волка обязательно наткнётся тот, кто поёт в лесу и увидит ворона. У белорусов карканье ворона над стадом предвещает нападение хищного зверя [Мадлевская 2007, с. 44].

Словарь В.И. Даля даёт такое толкование переносного значения лексемы *волк* – «человек угрюмый, нелюдим» [Даль 1999, т. 1, с. 37]. Современные словари фиксируют следующее переносное значение: «*разг*. О человеке, искушённом в каком-либо деле, много испытавшем, опытном, привыкшем к невзгодам, опасностям» [Кузнецов 2003, с. 58]. СРМ приводит такие значения: *Совр*. «о человеке, искушённом в каком-л. деле, много испытавшем и привыкшем к невзгодам»; *диал*. «дружка на свадьбе», «игра в горелки», «род капкана», «жернов», «крюк», «рычаг» и др. приспособления в хозяйстве; *жарг*. «железный крюк для поворота брёвен»; *арго* «лошадь», «профессиональный преступник», «рэкетир», «водитель такси», «работник ГАИ», «главарь карманников», «лично независимый, физически крепкий заключённый», *волк позорный* «ругательство в адрес представителей милиции» [Колесов 2014, с. 121-122].

Как видим, развитие семантической структуры лексемы *волк* происходит активно и в современном русском языке, что подтверждает значение образа волка для русской ментальности.

В пословицах с компонентом *волк* отмечается хитрость, стайное поведение, хищная природа этого животного:

Волка ноги кормят. С волками жить – по-волчьи выть. Не первая волку зима [Пермяков 1970, с. 113].

Стань ты овцой, а волки готовы. И то бывает, что овца волка съедает. Не суйся в волки с собачьим хвостом. Крадёт волк и считанную овцу. Таскал волк – потащили и волка [Жигулёв, Кузнецов 1974, с. 234].

Худо овцам, где волк воевода. Волк и с больной овцой управится. Волк режет скотину, медведь дерёт [Даль 1879, т. 1, с. 323].

Таким образом, можно говорить о некотором расхождении между переносными значениями лексемы *волк* (нелюдимый и опытный) и образом волка в русской фразеологии.

В турецком фольклоре волк символизирует свирепость и жестокость. Благодаря этим качествам долгое время у тюркских племён образ волка соотносился с храбростью и победой над врагами. Кроме того, волк часто служил образом поклонения в качестве родового тотема, защищающего от вмешательства в дела семьи. Это представление берёт свое начало в турецкой мифологии, содержащей миф об истоках происхождении первых тюркских племён от волчицы Асены.

В турецком языке лексема *волк* имеет три переносных значения: 1) «некто хорошо знающий какое-либо место или хорошо сведущий в чем-либо» [Türkçe Sözlük/ Türk Dili Kurumu 2005, c. 145]; 2) «знаток», *спец*» и 3) «хитрец, бестия, проныра» [15].

С лексемой *волк* мы выявили 22 пословицы в турецком языке.

В них складывается следующий образ:

1. *Kurt dumanlı havayı sever* [*Волк любит туманную погоду*] ≈ [Ловить рыбу в мутной воде].
2. *Kurdun oğlu akıbet kurt olur* [*Сын волка в конце концов становится волком*] ≈ [Каковы дядьки, таковы и дитятки. Яблоко от яблони недалеко падает].
3. *Kurdun oğlu kuzu olmaz* [*Сын волка ягнёнком не станет*] ≈ [Яблоко от яблони недалеко падает], [Осина не родит апельсина].
4. *Kurt kapana düşmeyince faka bastığını bilemez* [*Пока волк не попадёт в капкан, не поймёт, что попал в ловушку*] ≈ [Пока гром не грянет, мужик не перекрестится].
5. *Kurt köyünü değiştirir, huyunu değiştirmez* ≈[*Волк каждый год линяет, а всё сер бывает*] = [Волк и каждый год линяет, а все сер бывает].
6. *Kurt kuzuyu haber vererek yemez* [*Волк не ест ягнёнка, оповестив того заранее*].

7. *Kurt dumanlı havayı sever* [*Волк любит туманную погоду*] ≈ [Ночь темней – вору прибыльней].
8. *Kurdu ne kadar beslersen besle, o hep dağa (ormana bakar)*. [*Сколько волка ни корми, а он всё в лес смотрит*].
9. *Üzüm üzüme baka baka kararır* [*С волками жить – по-вольчи выть*] = [С волками жить – по-волчьи выть].
10. *Kurt köpekten korkmaz ama havlamasını da sevmez* [*Волк собаки не боится, но не любит, когда она лает*] ≈ [Не боится волк собаки, а боится звяги].
11. *Kurt tüyünü değiştirir ama dişlerini asla* [*Волк шерсть меняет, а зубы никогда*] = [Волк шерсть меняет, а зубы никогда], [Волк каждый год линяет, а обычая не меняет].
12. *Kurtların arasında sonuncu olmak, çakalların arasında birinci olmaktan iyidir* [*Лучше быть последним среди волков, чем первым среди шакалов*] (т.е. лучше быть последним среди хороших людей, чем первым среди плохих)
13. *Kurt kurtu yemez* [*Волк волка не ест*] ≈ [Волк волком не травится, поп попом не судится], [Ворон ворону глаза не выклюнет], [Блоха блоху не ест].
14. *Kurttan korkan köpeğini hazırlar* [*Кто опасается волков, тот готовит собак*]. Yanlız buzağı kurt çabuk yer [Одинокого телёнка волк быстро съедает].
15. Kurt kocayınca kцpeklerin maskarası olur [Когда волк состарится, он становится посмешищем для собак].
16. Sürüden ayrılan koyunu kurt kapar [Ягненка, отбившегося от стада, хватает волк].
17. Kurt Çoban'dan iyilik beklemez [Волк в пастухи не годится].
18. Kurt ile koyun, kılıç ile şaka birlikte olmaz [Волк и баран, сабля и шутка вместе не бывают].

19. Kurt doğan tilki olmaz [Кто волком родился, тому лисой не бывать].
20. Aç kurt aslana saldırır [Голодный волк нападает на льва].
21. Aç kurt yavrusunu yer [Голодный волк ест своего детёныша] [Türkçe Sözlük/ Türk Dili Kurumu 2005].

В приведённых выше пословицах волк представлен как коварное, хитрое, нечестное животное, что также отражено и в переносных значениях данной лексемы в проанализированных нами словарных статьях. При этом есть пословицы, где зоолексема *волк* выступает в значениях, не зафиксированных словарями. Аналоги этих пословиц есть и в русском языке. Например: Kurdu ne kadar beslersen besle, o hep dağa (ormana bakar) = [Сколько волка ни корми, а он всё в лес смотрит].

2.4.3. Образ ворона (вороны)

В Словаре русской ментальности ВОРОН – хищная лесная птица, зловещий, но мудрый пророк.

Ворон живёт долго и одиноко, почитается мудрым (и потому является символом отшельничества), за сизо-чёрный цвет признается предвестником смерти, как пожиратель трупов вызывает страх и отвращение.

Как трупная птица чёрного цвета с зловещим криком ворон хтоничен, демоничен, связан с царством мёртвых и со смертью… Ворон считается посредником между небом и замлёй, летом и зимой, водой и сушей… долголетие способствовало возникновению представлений о вороне как о мудрой вещей птице (МНМ) [Колесов 2014, с. 130].

Переносное значение имени существительного *ворона* устойчиво и отмечается словарями с конца XVIII века. Ворона – это «нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля, зевака» [Даль 1999, т. 1, с. 42]. Ворона – «зевака, ротозей (разг.)» [Ожегов 1997, с. 97]. В СРМ отмечаются следующие переносные значения: *совр*. *диал*. «ястреб», «жадный, злой человек»; *арго* воро ок

(*чёрный ворон*), «закрытый автомобиль для перевозки заключённых» [Колесов 2014, с. 130].

В пословицах этой птице приписано иное качество: вороне свойственна трусость – *Пуганая ворона куста боится.* Хотя в процитированном фразеологизме эта характеристика отражена в имени прилагательном, она же «поддерживается» и другими пословицами: *Эта ворона нам не оборона. Вороне соколом не бывать. Как ни бодрись ворона, а ей до сокола далеко* [Ушаков 2005, с. 112].

Рассмотрение зоолексем *ворон* и *ворона* в составе общего фразеосемантического гнезда не отрицает наличия не только сходства, но и некоторых особенностей образов этой птицы в зависимости от родовой характеристики. Так, признаки пугливости, рассеянности и нерасторопности, обнаруживаемые в синтаксически обусловленном значении зоонима *ворона*, отсутствуют в значении зоолексемы *ворон.*

В пословице *Всякому б ворону на свою голову каркать* [Даль 1879, с. 78] указывается на излишнюю болтливость, бестактность этой птицы, свойственная всем птицам этого вида; а в пословице *Старый ворон мимо не каркнет* [Там же. С. 78], напротив, показана мудрость, приобретённая с опытом и возрастом, хотя, следует отметить, что такой эффект создаётся именем прилагательным *старый.*

Ворона в переносном значении *в турецком языке* – это «некто очень худой и тёмный» (перевод наш – О.Б.) [Türkçe Sözlük/ Türk Dili Kurumu 2005, s. 86]; *karga gibi* – «весь высохший, почерневший, худющий» [Ясюкевич 2003,с. 7][1].

В пословицах с образом данной птицы вышеприведённые коннотации не прослеживаются:

1. *Karga karganın gözünü oymaz* = [*Ворон ворону глаз не выклюет*].

[1] Для сравнения отметим, что образ *вороны* особо значим и в корейской культуре, при этом для носителей корейского языка он связан с крайне забывчивым человеком: **камагуи гоги моготна** (букв. (ты) съел мясо вороны?), а также с очень грязным человеком: **камагуи сон** (букв. рука вороны) [Пак Сон Гу 2000, с. 117].

2. *Karga gül dalına konmakla bülbül olmaz* [*Ворона, севшая на ветку розового куста, не становится соловьём*].

3. *Karga yavrusuna bakmış, «benim ak pak evladım» demiş* [*Ворона посмотрела на своего птенца и сказала: «Мой беленький и чистенький детёныш»*] (т.е. каждой матери её ребёнок кажется самым хорошим).

4. *Kargalar ötmeye başlayınca bülbüller susar* [*Когда начинают петь вороны, соловьи замолкают*].

5. *Yaban ellerde kartal bile karga gibidir* = [*На чужой сторонке и орёл – воронка*].

6. *Kuzguna yavrusu şahin görünü*r [*Свой птенец и ворону кажется соколом*].

Как видно из примеров, восприятие образа вороны(а) в русских и турецких пословицах имеют мало общего.

2.4.4. Образ *коня (лошади)*

Конь – одно из самых почитаемых у славян животных. В пословицах и поговорках русского народа нашли отражение терпение и выносливость лошадей, их способность много есть. Кони сравниваются с быстрокрылыми птицами. Природная мощь коня трудно укротима, поддаётся только сильному и уверенному седоку (Славянский мир:[сайт] URL: slavs.org.ua).

Данное животное имеет несколько наименований «конь», «лошадь», «жеребёнок». Следует отметить, что основное наименование особей семейства лошадиных – «лошадь». Лексемы «лошадь» и «конь» в рассмотренных нами источниках различаются только по половым признакам. В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля «конь., м., то же самое, что и *лошадь*» [Даль 1999, т. 1, с. 234], с пометкой «особ.» даётся понятие «верховая лошадь». В Толковых словарях Ожегова, Шведовой и Кузнецова лексема «конь» даётся с пометой «преимущественно о самце» («обычно о самце») [Ожегов 1997, Кузнецов 2003]. В нашем исследовании мы не делаем су-

щественного различия между этими номинациями и рассматриваем поговорки и половицы с ними как одну группу. Кроме того, мы относим в эту группу фразеологизмы с лексемой «жеребёнок», поскольку во всех толковых словарях она имеет значение «детёныш лошади».

В Словаре русской ментальности отдельная словарная статья озаглавлена зоонимом *лошадь*.

ЛОШАДЬ – спокойное, терпеливое, незлобивое домашнее животное как символ усердия вплоть до отсутствия чувства меры в работе, но также загнанности и безропотности.

Безотказность Лошади сочетается с неприхотливостью и физической выносливостью, но работа для неё уныла, однообразна, не приносит ни радости, ни удовлетворения. Облик Лошадей может быть различен: от изящества и благородства (*конь*) до грубоватой силы (*кобыла*) и далее, вплоть до изнурённости, невзрачности и дряхлости (*кляча*); поведение – от необузданности и строптивости (*жеребец*) до покорности и смирения, но все Лошади не знают меры в том, что делают (*лошадиный смех*, *жрёт как лошадь*) » [Колесов 2014, с. 418].

В словарях представлено два переносных значения лексемы «лошадь». Это слово употребляют при разговоре 1) «о неповоротливом, неуклюжем человеке или неумном человеке (*прост*.)» [Даль 1999, т. 3, с. 22] и 2) о том, «кто трудится много и напряжённо, часто выполняя работу за других» [Ожегов 1997, с. 333]. В СРМ приводятся следующие значения: *совр*. «о неповоротливой, неуклюжей или глуповатой женщине»; «о сильном и работоспособном человеке»; *диал*. «четырёхлетний конь», «жеребёнок-сосунок», «святочная игра», «мера груза шести пудов»; *арго* «заключённый, проносящий в зону запрещённые предметы», «героин», *серая лошадь* «рабочий, крестьянин», *старая боевая лошадь* «старая подруга», *лошади* «сапоги»; *жарг*. «о рослой некрасивой девушке» [Колесов 2014, с. 418].

Как видим, развитие семантической структуры данной лексемы происходит в направлении разных функциональных сфер, что также свидетельствует о её актуальности для языкового сознания современного носителя русского языка. Слово *конь* в СРМ не представлено в самостоятельной словарной статье. Однако слово *кобыла* выделено как отдельная номинация в группе наименований семейства лошадиных: *кобыла* – лошадь как символ молодой сильной женщиныв пору формирующейся зрелости и потому непредсказуемой в своих поступках.

Кобыла встаёт в ряд гиппологических терминов, которые все как один обладают ярким оценочным символизмом: *жеребец* (символ необузданности и похотливости), *мерин* (символ безразличия и спокойствия), *лошадь* (символ работоспособности при отсутствии меры в работе, внешности и поведении), *конь* (символ огненной страстности, преодолевающей все препятствия), *кляча* (символ старческого бессилия и ненужности для окружающих). Ум кобылы не поспевает за её телом, поэтому к её поступкам и суждениям относятся скептически [Колесов 2014, с. 369-370].

В проанализированных нами источниках образ *лошади* очень распространён и представлен многочисленными пословицами и поговорками, включенными в собрание В.И. Даля: *Лошадь человеку крылья. Возит воду, возит и воеводу. Сытая лошадь меньше ест. Конь тощой – хозяин скупой. Не потчуй лошади ездом, а корми тестом: не гладь рукой, посыпай мукой. Лошадь холь, корми, как сына, а берегись как ворога. Конь копытом сдачи даёт. Добр конь, да копыта отряхивает. Ты боишься лошади, а она тебя боится. На потную лошадь овод валится. Конь не выдаст, и враг не съест. На лошадь не плеть покупают, а овёс. Погоняй коня не кнутом, а овсецом. Казак сам не ест, а лошадь кормит. Большая лошадь хозяину не ко двору: травы недостаёт. Деньгами коня не купишь. Бурого коня за рекой примечают. Лошадь молодую покупай, а за старую денег не теряй* и др. [Даль 1879, т. 1, с. 345].

У всякого жеребёнка своя попрыжка. Кобыла за делом, а жеребёнок так и бежит. И слепая лошадь везёт, коли зрячий на возу сидит. У хорошего хозяина нет плохой лошади [Жигулёв 1958, с.189].

Как видно из приведённых пословиц, переносные значения слова *лошадь* в них прослеживаются не ярко, но и не расходятся с данными словарей. Лошадь в пословицах выступает как образ трудолюбивый, податливый (очень сильна связь лошади с её хозяином), бесхитростный, но порой норовистый.

В турецкой культуре лексему *лошадь* в значении «кобыла» используют при характеристике крупной женщины [Ясюкевич 2003, с. 13][2]. В пословичной же мудрости нам не удалось выявить таких значений:

1. *Atlar nallanırken kurbağalar ayak uzatmaz* [*Когда куют коня, лягушки лапы не протягивают*] = [Коня куют, а жаба лапы подставляет].

2. *At almadan ahır dikme (yapıyor)* [*Не купив коня, не строй конюшню*] = [Не говори гоп, пока не перепрыгнешь] ≈ [Не дели шкуру не убитого медведя], ≈ [Сначала думай, а под конец делай!].

3. *At ölürse yerine tay geçer* [*Конь умрёт, на его место придёт жеребёнок*] (т.е. на смену старому всегда придёт что-то новое).

4. *Ata binersen Allahı, attan inersen atı unutma* [*Сев на коня, не забудь про Бога, а когда слезешь, не забудь про коня*].

5. *At elin, it elin, bize ne* [*Лошадь чужая, собака чужая, нам-то что*] ≈ [Коли конь, да не мой – так волк его ешь], [Не наш конь, не наш и воз].

6. *Hediye edilen atın ağzına bakılmaz* [*Дарёному коню в зубы не смотрят*] = [Дарёному коню в зубы не смотрят].

[2] Вновь для сравнения отметим, что образ *коня* (*лошади*) также значим в корейской фразеологии; при этом для корейцев *лошадь* отождествляется со свободой, волей, необузданностью: **нохамоги маль** (букв. лошадь, выросшая на воле; необузданный человек, дикарь), **гуллэ босын маль** (букв. лошадь со снятой уздой) [Пак Сон Гу 2000, с. 117].

7. Papazdan at, duldan kız alma [*Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери*] = [Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери].

8. Atın sağlıklı ise yoldan korkma [*Не бойся дороги, были б кони здоровы*] = [Не бойся дороги, были б кони здоровы].

9. Köpeğe arkadan ata önden yanaş [*К собаке подходи сзади, а к лошади – спереди*] = [К собаке подходи сзади, а к лошади – спереди].

10. Eğer koca bir kurt yardım ederse, sivrisinekte ata hükmeder [*И комар лошадь одолеет, коли большой волк ему поможет*] = [И комар лошадь свалит, коли волк пособит].

11. El atıyla uzağa gidemezsin [*На чужом коне далеко не уедешь*] ≈ [На чужом жиру (т.е. добре) недалеко уедешь] ≈ [На чужом несчастье счастья не построишь].

12. Yavaş atın tekmesi pek olur [*Смирная лошадь больно лягается*] ≈ [В тихом омуте черти водятся].

13. Yorgun eşek attan hızlı koşar [*Битый ишак бежит быстрее лошади*] ≈ [За одного битого двух небитых дают].

14. *Irmaktan geçerken at değiştirilmez* [*На переправе коней не меняют*] ≈ [Взялся за гуж, не говори, что не дюж].

15. Bir (Kere) Sьrзen Atın Başı Kesilmez [Лошади голову не отрубят за то, что один раз споткнулась].

16. At bir, itlere bayram olur [Смерть коня – праздник для собаки].

17. Onmadık (talihsiz) hacıyı at üstünde (Arafat'ta) yılan sokar [В несчастье, будь ты и на коне, змея укусит].

18. At çalındıktan sonra ahırı kitlesen ne olur [Незачем запирать конюшню, когда лошадь украдена].

19. Eğreti ata binen tez iner [Кто в спешке садится на лошадь, долго на ней не усидит].

20. Dokuz at bir köke bağlanmaz [Девять лошадей не привязывают к одному колу].

21. Mollaya sormuşlar baban kim molla anam attır demiş [У мула спросили: «Кто твой отец?» Он ответил: «Моя мать – лошадь»].

22. At binicisini tanır [Лошадь признаёт своего всадника].

23. Atta, avratta uğur vardır [В Лошади и в женщине есть удача] [Türkçe Sözlük/ Türk Dili Kurumu 2005].

Проанализировав образ *лошади* в турецкой фразеологии, можно сказать, что *лошадь* является символом силы и власти. Есть и такие фразеологизмы, где проследить символичность образа представляется сложным, например: *At elin, it elin, bize ne* [*Лошадь чужая, собака чужая, нам-то что?* ≈ [*Моя хата с краю*].

2.4.5. Образ *лисы*

Лиса – это яркий женский образ в животном мире. Славяне почитали лису за хитрость, изворотливость и смекалку, называли ласково кумой и сестрицей. За рыжий цвет лисицу сравнивали с огнём, из-за бурого оттенка шубы – с грозовой тучей. (Славянская культура:[сайт] URL: http://www.slavyanskaya-kultura.ru/slavic/folk/obraz-sobaki-v-ruskom-folklore.html).

В переносном значении *лиса* – это «хитрый, льстивый человек» [Ожегов 1997, с. 328], «лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра; корыстный льстец» [Даль 1999, т. 1, с. 89]. В пословицах зооним *лиса* представлен следующим образом: *Лиса всё хвостом прикроет. Кто в чин вошёл лисой, тот в чине будет волком. Лиса и во сне кур считает. Лиса придёт, и куры раскудахчутся. Всякая лиса свой хвост хвалит. У лисицы хвост долог, а на свой не сядет. Близ норы лиса на промыслы не ходит. Нанималась лиса на птичий двор, беречь от коршуна, от ястреба. Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела. У лисы Патрикеевны ушки на макушке. Лиса семерых волков проведёт. Когда ищешь лису впереди, то она назади. Назначили лису*

воеводой в лесу: пера много, а птицы нет [Даль 1879, т. 1, с. 240]. Приведённые примеры показывают, что образ лисы и в переносном значении, и в пословицах имеет одинаковую смысловую доминанту – *хитрость*.

Лексема *лиса* в *турецком* (равно как и в русском) языке имеет переносное значение «очень хитрый» (перевод наш – О.Б.) [Türkçe Sözlük / Türk Dili Kurumu 2005, p. 279], «хитрец» [Ясюкевич 2003, с. 14][3].

Посмотрим, как данный зооним представлен в пословицах:

1. *Tilki tilkinliği anlatıncaya kadar post elden gider* [*Пока лис рассказывает о своей хитрости, шкура исчезает*], (т.е. восхваляя себя слишком громко, можно не заметить, как тебя обманывают).

2. *Tilkin yüz masalı varmış doksan dokuzu tavuk üstüne* [Было у лисы сто сказок, девяносто девять из них о курице] (о тех, кто говорит только о том, что ему интересно) (перевод наш – О.Б.).

3. Yaşli tilki tuzağa düşmez [Старая лисица не попадёт в капкан] = [Старого волка на мякине не проведёшь].

4. Tilki aynı tuzağa iki sefer düşmez [Лиса в капкан дважды не попадает].

5. Yürük tazıyı tilki sevmez [Лисе не нравится бег гончих].

6. Tilki uykusuna yatmak uyuyormuє gibi yaparak fırsat kollamak [Залечь в лисий сон] (перевод наш – О.Б.) [Türkçe Sözlük / Türk Dili Kurumu 2005].

Приведённые примеры показывают, что и в пословицах образ лисы символизирует хитрость и коварство. В целом можно отметить, что данная зоолексема имеет наименьшее расхождение между переносным значением и характеристиками в пословицах, как и в русской культуре.

[3] Образ лисы является прецедентным и для китайской культуры. В сознании китайцев лиса – это также символ хитрости, что передано в пословицах: Лиса во сне кур считает (狐狸梦中也在数鸡), Лисица всегда сытей волка бывает, сытей волка живёт (狐狸总比狼吃得饱，日子比狼过得好), Лиса семерых волков проведёт (一只狐狸能骗七只狼) и др. [Цуй Чжэнлин 2012, с. 57].

2.4.6. Образ *осла*

С одной стороны, *осёл* – священное животное, одна из ипостасей божества, объект культа; с другой стороны, – символ глупости, невежества, упрямства, похоти. Божественность осла в разных её аспектах, в том числе таких, как мудрость и знание судьбы, наиболее отчётливо проявляется в древнейших памятниках, но чем дальше тот или иной литературный сюжет от архаики, тем более глупым предстает осёл. Интересно, что в некоторых традициях ослиные уши являются символом мудрости, но в русской культуре – это скорее символ глупости: Осёл останется ослом, / Хотя осыпь его звездами: / Где должно действовать умом, / Он только хлопает ушами (Г.Р. Державинъ, «Вельможа»).

Прямые указания на божественность осла достаточно редки, чаще – завуалированы, «записаны», требуют реконструкции (что блестяще проделано в работе О.М. Фрейденберг «Въезд в Иерусалим на осле»). На слуху, напротив, глупость осла, зафиксированная в многочисленных литературных сюжетах, баснях, пословицах и поговорках (лат. asinus ad lyram, т.е. «осёл у лиры» – так говорят о тупом, бездарном человеке, занимающем не своё место). Во многих традициях заметно стремление всячески принизить осла, дискредитировать его, представить в смешном виде (лат. asinus in tegulis, т.е. «осёл на крыше» – о диковинном явлении) [Фрейденберг 1998, с. 624].

В переносном значении слово *осёл* употребляют при разговоре «о тупом упрямце, глупце» [Ожегов 1997, с. 462], о «глупом, ленивом человек» [Даль 1999, т. 1, с. 175].

В русских пословицах образ осла встречается редко. В анализируемых источниках нам с трудом удалось отыскать пример: *Здесь прежде жили царские послы, а ныне мы, ослы* [Даль 1879, т. 1, с. 175]. Приведённые примеры показывают, что коннотация лексемы *осёл* в переносных значениях совпадает с коннотацией данного образа в пословице.

В *турецком языке осёл* в переносном значении – это «некто грубый, бездарный, упрямый»; кроме того, «так говорят о том, кто неспособен оценить прекрасное» (перевод наш – О.Б.) [Türkçe Sözlük/ Türk Dili Kurumu 2005, p. 310][4]. В турецких пословицах и поговорках образ *осла* встречается довольно часто, приведём наиболее колоритные из них:

1. *Eşek hoşaftan ne anlar (suyunu içer, tanesini bırakır)* [*Что осёл понимает в компоте?*] ≈ [Метать бисер перед свиньями], [Как свинья в апельсинах].

2. *Eşeği düğüne çağırmışlar, «ya su lazımdır ya odun» demiş* [*Пригласили осла на свадьбу, а он говорит*: *«Либо вода нужна, либо дрова»*] ≈ [Кто про что, а вшивый – про баню].

3. *Eşeğin hatırı yoksa, sahibin hatırı var* [*Если осёл не пользуется уважением, то владелец пользуется им*] (т.е. опасно каким-либо образом задевать слугу высокопоставленного человека, ибо за слугу может вступиться хозяин).

4. *Eşek at olmaz, ciğer et olmaz* [*Осёл не станет конём, а печёнка мясом*] ≈ [Вороне соколом не бывать], ≈ [Сколько воды ни пить, а пьяну не быть].

5. *Eşek eşeği ödünç kaşır* [*Осёл чешет осла в долг*] ≈ [Осёл на осле, дурак на дураке], ≈ [Дурак дурака хвалит].

6. *Eşeğe altın semer vurulsa eşek yine eşektir* [*Даже если на осла накинуть золотое седло, он всё равно останется ослом*] ≈ [Хоть под небеса летай, а сове соколом не быть].

7. *Alçak eşek binmeye kolay öksüz çocuk dövmeye kolay* [*Легко сесть на низенького осла, легко обидеть сироту*] ≈ [Кто сильнее, тот и правее (Чья сильнее, та и правее)].

[4] Для проведения лингвокультурологических параллелей отметим, что в китайской культуре образ осла имеет такие же символические значения, т.е. глупый, упрямый, что отражено в пословицах, например: Осёл и в Киеве конём не будет (驴在基辅也不会变成马) [Цуй Чжэнлин 2012, с. 57].

8. Eşek sudan gelinceye kadar [*Пока осёл не придёт из воды*] ≈ [Когда рак на горе свистнет] (перевод наш – О.Б.) [Sözlük/ Türk Dili Kurumu 2005].

Как видим, во всех приведённых пословицах *осёл* предстаёт как упрямое животное, не пользующееся уважением, что в целом соответствует переносному значению данной лексемы.

2.4.7. Образ *свиньи*

Представление о *свинье* в христианской традиции формировалось, с одной стороны, под воздействием тех образов и символов, которые возникли в дохристианской период (связь свиньи с культом плодородия), а с другой стороны, на этот образ повлияла авраамическая традиция, рассматривающая свинью двояко: свинья как нечистое животное, которое может быть вместилищем демонических созданий, и в то же время свинья – это создание Божье, в котором нет зла. В средневековье это животное являлось атрибутом святого Антония Великого, который в католической традиции постепенно начинает восприниматься как покровитель не только свиней, но и других домашних животных. В православной традиции покровителем свиней является святой Василий Великий [Чумакова 2012, с. 33].

Славяне подмечали таинственную древнюю связь между поведением свиней и приближеним ненастья, ураганного ветра. Склонность этих животных к грязи, неразборчивость в еде, упрямство и жадность принесли им дурную славу (Славянская культура:[сайт] URL: http://www.slavyanskaya-kultura.ru/slavic/folk/obraz-sobaki-v-ruskom-folklore.html).

В Словаре русской ментальности слово *свинья* отсутствует, однако важные характеристики этого зооморфного образа косвенно выражаются через лексему *свинство*: СВИНСТВО – низость поведения как отражение грязи внутренней и внешней жизни человека.

Субъект соотносится со *свиньёй*, которая известна своим пристрастием к грязи («свинья грязь всегда найдёт»); этим отличается от грубости, скотства. Как вопиющее проявление торжества плоти над духом, вызывает отвращение. Обычно присуще пребывающему в невежестве, даже в варварстве; у человека, занимающего высокое положение в обществе, является следствием чванства и проявляется в скотском обращении и способности совершить подлость [Колесов 2014а, с. 217].

Словарь В.И. Даля не фиксирует переносных значений у имени существительного *свинья.* В других же толковых словарях такие значения представлены: «грязный, неопрятный человек, неряха (*разг*. *презрит*.) [Ушаков 2005, с. 912]; «о том, кто поступает низко, подло, а также (*грубо*) о грязном человеке, неряхе» [Ожегов 1997, с. 703].

В пословицах зооним *свинья* функционирует следующим образом:

Посади свинью за стол – она и ноги на стол. Сыта свинья, а все жрёт; богат мужик, а все копит [Ушаков 2005].

Свинья грязь (везде, всегда) найдёт [Пермяков 1970].

Знает толк, как свинья в апельсинах. Не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами. Наряди свинью в серьги, а она в навоз. Свинье только рыло просунуть, и вся пролезет. Была у свинки золотая щетинка, да в грязи завалялась, отняли. Не забыть свинье полена: помнит, где поела. [Даль 1879, т. 2, с.126].

Свинья – это крестьянская копилка. Была бы свинка, будут и поросята [Жигулёв 1958, с. 200].

Представленные примеры показывают, что пословицы, кроме неряшливости и неблагодарности, отмечают приземлённость и обжорливость данного животного.

Лексема *свинья* в турецком языке имеет переносное значение «некто вероломный, несносный, норовистый, упрямый» (перевод наш – О.Б.) [Türkçe Sözlük / Türk Dili Kurumu 2005, p. 519][5].

В пословицах, насколько нам удалось заметить, свинье не приписываются характеристики, приводимые словарями (они в полной мере отражены во фразеологизмах, которыми так богат турецкий язык). Это животное здесь, скорее, представлено как невежда, «тёмное» существо без шанса что-либо изменить в своём существовании:

1. *Domuz ne bilir cevherin kıymetini* [*Разбираться как свинья в апельсинах*].
2. *Domuzun burnunu kulağını kesmişler yine domuz yine domuz* [*Свинье нос и уши отрезали, а она всё свинья*] ≈ [Отсеки собаке хвост – не будет овца].
3. Eski düşmandan dost domuzdan post olmaz [Из свиной кожи не сделаешь шкуры, а из старого врага – друга].
4. Domuzdan toklu çıkmaz (doğmaz) kцtь huylu kimsenin зocuğu melek huylu olmaz [Из свиньи ягнёнок не выйдет (не родится)].

2.4.8. Образ *собаки* (*пса*)

В мифологических представлениях наших предков *собака* играла далеко не последнюю роль, поскольку всегда являлась помощником человека, сопровождала его на охоту, охраняла жилище и т.д. В народном представлении собака отождествлялась с грозовыми тучами из-за серого окраса шерсти животного. Поэтому с собаками часто ассоциировался этот цвет. Собака – древнейший домашний питомец человека; за верность она нередко рассматривается либо как сторож (Цербер, трёхголовый пёс), либо приносит-

[5] Для сравнения отметим, что в корейском языке лексема *свинья* может иметь как положительную коннотацию: **доэджи кумыль куда** (букв. видеть сон свиньи), так и отрицательную коннотацию: **доэджи-гатхын** (букв. как свинья, т.е. толстый, жадный, прожорливый) [Пак Сон Гу 2000, с. 117].

ся в жертву усопшим, чтобы служить им даже на том свете в качестве проводника. Особо высокое охранное значение придаётся собаке у славянских народных племён; ещё примерно в 1560 году самаитский епископ упрекал прихожан за «почитание собак» (Книга символов: [сайт] URL: http://www.symbolsbook.ru/Article.aspx?id=447#1).

В Словаре русской ментальности даётся такая характеристика данного животного: СОБАКА – служебное домашнее животное, годное для охраны, охоты и развлечений, как символ верного друга и одновременно нечистого изгоя.

Собака олицетворяет такие добродетели человека, как верность, бдительность, привязанность, искренность и послушание; в то же время может обернуться псом и проявить злость (*собачиться*), жёсткость, мстительность, похоть – т.е. дикие, звериные качества своего предка, волка [Колесов 2014а, с. 279].

Лексема *собака* имеет два переносных значения: 1) «о злом, грубом человеке (*разг.*)» и 2) «знаток, ловкий в каком-нибудь деле человек (*прост.*)» [Ожегов 1997, с. 739]. В.В. Колесов приводит следующие значения: *совр*. «о грубом и злом человеке»; *диал*. «о бранчливом человеке», «курок ружья»; *жарг*. «бутерброд с сосиской»; *арго* «пальто», «милиционер», «большой висячий замок», «обручальное кольцо», «сторублевка» [Колесов 2014а, с. 279].

В русских пословицах образ собаки очень распространён:

Собака есть, да камня нет. Собака есть, так палки нет; палка есть – собаки нет. Не дразни собаку, так не укусит. Собака лает, ветер носит. Не поваляв куска, собака не съест. И собака помнит, кто её кормит [Ушаков 2005].

Вольно собаке и на владыку брехать. Сколько собаке ни хватать, а сытой не бывать. Любишь меня, так люби и собачку мою. Собака обжора, а кошка сластёна. Собака человеку неизменный друг. Собака и на владыку

лает. Вольно псу и на владыку брехать. Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждёт [Даль 1879].

Собаке – собачья и честь. Молодая собака от старых лаять учится [Жигулёв 1958].

Как видим, в пословицах отражены более разнообразные свойства данного животного: *собака* – кусающееся, лающее, прожорливое неряшливое и преданное человеку существо, терпящее несправедливые притеснения от своего хозяина. В пословицах обнаруживаются также парные характеристики, например пара *собака – волк*: *Хвастлива собака была, да волки съели* [Ушаков 2005].

Переносное значение имени существительного *пёс* в русском языке также имеет отрицательные коннотации: «о человеке, готовом на любые низкие поступки, дела (презр. бран.)» [Ожегов 1997, с. 516]. Сравним, как представлен образ пса в пословицах:

Пёс космат – ему тепло; мужик богат – ему добро [Ушаков 2005].*Чёрная собака, белая собака – а всё один пёс. Жил собакой, околел псом. Битому псу только плеть покажи* [Даль 1879].

Приведённые примеры показывают, что вновь пословичное употребление выявляет другие качества денотата, закрепляемые клишированостью жанра, – кусачесть, бедность, лохматость. По замечанию О.Е. Фроловой, пословица выражается на разных уровнях, прежде всего в лексической семантике, в данном жанре денотаты имён раскрываются по-новому. Подобные клишированные речения отражают коннотации существительных, отсутствующие в их переносных значениях [Фролова 2007, с. 37].

В турецком языке лексема *собака* в переносном значении – это «бранное слово, используемое с намерением унизить того, кто подхалимничает или ведёт себя не подобающим образом» (перевод наш) [Türkçe Sözlük/ Türk Dili Kurumu 2005, p. 535]. Ещё более эмоционально негативную окраску имеет

переносное значение лексемы *пёс*: «пёс паршивый, негодяй, подлец» [Ясюкевич 2003, с. 19].

В пословицах образ *собаки* также в целом имеет негативную коннотацию:

1. Köpeğin duası kabul olsaydı gökten kemik yağardı [*Если бы молитвы собаки были услышаны, то с неба сыпались бы кости*] ≈ [Если бы да кабы …].

2. Köpeğin iyisi leş başında, insanın iyisi iş başında [*Хорошая собака подле падали, хороший человек возле работы*] ≈ [Каждый сверчок знай свой шесток].

3. *Köpek havlamakla hava bulanmaz* [*От собачьего лая погода не испортится*] = [*Собака лает – ветер носит*].

4. İt iti ısırmaz [*Собака собаку не кусает*] = [Собака собаку знает (или: не ест)] ≈ [Рыбак рыбака видит издалека], [Рука руку моет].

5. «İt ısırmaz, at tepmez», deme [*Не говори, что лошадь не лягнёт, а собака не укусит*] = [От сумы и тюрьмы не зарекайся] ≈ [Не говори гоп, пока не перепрыгнешь].

6. İt izi at izine karıştı [*Собачьи следы смешались со следами коней*] (так говорят о ситуации, в которой хорошее сложно отличить от плохого).

7. İti an, çomağı hazırla (taşı eline al) [*Упомяни собаку и готовь дубину (возьми в руку камень)*] ≈ [Лёгок на помине] ≈ [О волке речь, а он навстречь].

8. İtten çok pabuç aşıran olmaz, yine yalınarak gezer [*Сколько собака ни крадёт обувь, а всё босой ходит*] ≈ [Сколько волка ни корми, а он всё равно в лес смотрит].

9. İti yol kocatır [*Собаку старит дорога*] ≈ [Не годы, а горе старит].

10. Kıpeksiz kıye kurt iner [*Туда, где нет собаки, приходит волк*] ≈ [Свято место пусто не бывает].

11. Köpek kadından akıllıdır: sahibine havlamaz [*Собака умней бабы: на хозяина не лает*] = [Собака умней бабы: на хозяина не лает].

12. Köpeğe arkadan ata önden yanaş [*К собаке подходи сзади, а к лошади - спереди*] = [К собаке сзади подходи, к лошади спереди].

13. Kızgın köpek sopadan korkmaz [*Сердитая собака не боится палки*] = [Сердитая собака волку корысть].

14. Kendi bahçelerinde bütün köpekler güçlüdür [*Все собаки сильны у себя во дворе*] ≈ [Храбр, как тетерев на току].

15. Cebimde köpekler havlıyor [*Собаки лают в кармане*] ≈ [В кармане вошь на аркане].

16. Kudurmuş köpek sahibinide ısırır [*Бешеная собака и хозяина кусает*] = [Бешеная собака и хозяина кусает].

17. İt ürür, kervan yürür [*Собака лает, караван идёт*] = [Собака лает, караван идёт].

18. Evin küçüğü olacağında el kapısında it ol [*Чем быть младшим в семье, лучше у чужих людей собакой быть*] (младшим детям в турецких семьях не достается ничего по наследству, при этом они выполняют всю работу по дому).

19. Kim çobanı seviyorsa küpeğini de sevmek zorunda [*Кто любит чабана, должен любить и его собаку*] ≈ [Будешь меня любить, так и собаку мою не бей (люби)].

20. Köpeksiz tavşan yakalıyamassın [*Без собаки зайца не поймаешь*] = [Без собаки зайца не поймаешь].

21. Fakiri deve üstünde bile köpek ısırır [*Бедняка даже на верблюде собака кусает*] ≈ [На бедняка и кадило чадит] ≈ [Бедному жениться – ночь коротка].

22. Bir Köpeğin Dostluğu, Bir Dostun Köpekliğinden iyidir [*Дружба собаки, дороже друга-собаки*] (т.е. преданность животного лучше, чем дружба с человеком, способным на предательство).

23. Erkek köpek değilki kemik sevsin [*Мужчина не собака, костей не любит*] (т.е. собака неприхотлива, может довольствоваться малым).

24. Köpek dahi tatlı dilden anlar [*И собака ласковое слово знает*] = [Доброе слово и кошке приятно].

25. İti tepesine çıkarmak [*Взвыла собака на свою голову*] = [Взвой собака на свою голову].

26. Kedi köpek gibi yaşıyor [*Живут как кошка с собакой*] = [Дружны как кошка с собакой].

27. Kurttan korkan köpeğini hazırlar [*Кто опасается волков, тот готовит собак*] ≈ [Хочешь мира – готовься к войне].

28. Ölü iti kimse deynekle dövmez [*Мёртвую собаку никто палкой не бьёт*] ≈ [После драки кулаками не машут] ≈ [Как мёртвому припарки].

29. İtin tüyü nasılsa namıusuda öyledır [*Какая на собаке шерсть, такая ей и честь*] ≈ [Как аукнется, так и откликнется].

30. İtin önünden yiyenin boğazı şişer [*Кто от собаки поест, у того горло распухнет*] (возможны два толкования: 1) собаку нельзя обижать, отнимать у неё еду; 2) собака – нечистое животное, нельзя есть с ней из одной посуды).

31. İt gibi sinirlenmek [*Злой как собака*] (об агрессивном и напряжённом человеке).

32. Bütün köpekler birinin üstüne üşüşmüşler [*Всех собак вешать на кого-то*] = [виновен во всех грехах].

33. Köpeğin kemiği sevdiği gibi [*Любит как собака палку*] (не испытывает никакой симпатии).

34. Çocuklar köpeğin evde olmasını yavrulayana kadar severler [Дети любят, когда в доме есть собака до тех пор, пока у собаки не

появятся дети] ≈ [Не спеши волчонка хвалить, дай зубам у серого вырасти].

35. Al it, kara it, hepsi bir it [Белая собака, чёрная собака – всё равно собака].

36. Kuduz köpek sahibinide ısırır [Бешеная собака и хозяина кусает].

37. Köpek sahibini ısırmaz: İnsan ne denli kötü olursa olsun, kendini koruyana kötülük etmez [Собака хозяина не кусает].

38. Kuduz köpek kırk gün yaşar [Бешеной собаке сорок дней жить].

39. Aç kurt tok köpekten güçlüdür [Голодный волк сильнее сытой собаки].

40. Eğer köpek gibi yasayip insan gibi ölmek istiyorsan – evlen, eger insan gibi yaşayıp köpek gibi ölmek istiyorsan-evlenme [Если хочешь жить как собака, а умереть как человек, – женись, если хочешь жить как человек, а умереть как собака, – не женись].

41. Кцpek, ekmek yediği kapıyı tanır [И собака помнит, кто её кормит].

42. Кцpek bile yal yediği kaba pislemez [И собака старое добро помнит].

43. Köpek gibi herşeyi anlıyorum ama konuşmuyorum [Как собака – всё понимаю, а сказать не могу].

44. Зok havlayan köpek ısırmaz [Брехливая собака не кусается (= собака, которая много лает – не кусается)].

45. Ak köpeğe koyun diye sarılma [Не обнимай белую собаку, называя её овцой].

46. Bir kemiği iki köpek aralarında paylaşmaz [Две собаки не разделят между собой одной кости].

47. Köpek kuyruğunun şeklini değiştirmez [Собачий хвост своей формы не меняет]

48. Köpek fakirlikten korkar ,fakirlik köpekten [Собака боится нищего, а нищий – собаки] (перевод наш – О.Б.) [Türkçe Sözlük / Türk Dili Kurumu 2005].

Как видно из приведённых выше примеров, переносное значение, зафиксированное в словарях, вполне отражается и в пословицах, где *собака* (*нёс*) действительно символизирует невежество, невоспитанность, некую незначительность своего существования, а также агрессивность. При этом следует отметить, что есть и другой тип пословиц[6], где *собаке* приписывается мудрость житейская, как, например, в пословице *İti yol kocatır* [*Собаку старит дорога*]. В данном случае *собака* – это олицетворение видавшего виды человека, набравшегося опыта на своём нелёгком жизненном пути. Близок по значению образ *собаки* и в пословице *Köpeksiz köye kurt iner* [*Туда, где нет собаки, приходит волк*] (перевод наш – О.Б.). Здесь собака – это суровый хранитель порядка, и, хоть его считают злым, без него бывает ещё хуже. Нам думается, что эта народная мудрость говорит о том, как важно наличие серьёзного хозяина, ответственного во всяком деле.

В целом при анализе образов животных нами было замечено, что их коннотации в русских пословицах и поговорках шире и разнообразнее по сравнению с переносными значениями имён существительных, называющих данных животных; хотя есть случаи, когда они совпадают (иногда даже на 100%, как, например, в образе *лисы*).

[6] В китайском языке символический образ *собаки* имеет двойственный характер. С одной стороны, люди хвалят собаку за её преданность, верность, например: 儿不嫌母丑,狗不嫌家贫（Мать ребёнку никогда не кажется некрасивой, собака никогда не досадует на бедную семью и её бережёт каждую минуту). С другой стороны, некоторые повадки собаки вызывают негативное отношение, например: 狗东西, 狗娘养的，狗日的，狗汉奸，狗腿子, 狗崽子, 头军师，狗嘴吐不出象牙，狗眼看人低，狗仗人势，狗胆包天，猪狗不如 и т.д. Все эти бранные слова и выражения указывают на неприязнь, ненависть и отвращение человека по отношению к собаке [Цуй Чжэнлин 2012, с. 59].

Таким образом, в ходе исследования нами зафиксировано четыре типа семантических отношений между русскими и турецкими пословицами и поговорками с зооморфизмами:

1) русские паремии, имеющие полные эквиваленты в турецком языке, например: *Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит = Kurdu ne kadar beslersen besle, o hep dağa;*

2) паремии, сходные по смыслу, но этот смысл передаётся через образы разных животных, например: *At almadan ahır dikme* [*Не купив коня, не строй конюшню*] = *Не дели шкуру не убитого медведя*;

3) русские паремии, не имеющие турецких соответствий: *Кабы лиса не подоспела, то овца бы волка съела, Лиса и во сне кур считает*;

4) турецкие паремии, не имеющие русских соответствий: *Kurt kuzuyu haber vererek yemez* [*Волк не ест ягнёнка, оповестив того заранее*].

Причину совпадения значений многих пословиц и поговорок у разных народов мира учёные объясняют неоднозначно. Одни считают сходство пословиц и поговорок следствием этнического и языкового родства народов; другие – заимствованиями, обусловленными хозяйственными и культурными контактами; третьи – сходством исторического опыта и «однородностью идеологии» на одинаковых ступенях общественного развития. И, действительно, у народов, находящихся в близком родстве, больше пословиц, имеющих буквальное сходство, чем у народов из разных языковых семей; а у соседних народов, связанных многовековыми контактами, больше буквально совпадающих изречений, чем у народов, не имевших непосредственного общения. И, конечно же, у народов, равно имеющих классово дифференцированное общество, будет больше сходных пословиц (хотя бы за счёт изречений богатых и бедных), чем у какого-нибудь отсталого племени, не знающего имущественного неравенства [Ермакова 2012, с. 34].

Однако и у народов, не состоящих в родстве, не имеющих и не имевших общения друг с другом и находящихся на разных ступенях обществен-

ного развития, тоже встречаются одинаковые по смыслу пословицы [Пермяков 2001, с. 11]. Это во многом объясняется тем, что «пословицы и поговорки представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, содержат эмоционально-экспрессивную оценку поступков человека, событий, явлений. Поэтому они не сочиняются, а появление их как бы вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометие» [Зимин 1994, с. 6].

Выводы

Во вступительном параграфе второй главы мы указали, что особенностью фразеологизмов, содержащих зооморфизмы, является то, что их символическое значение построено на основе переносного значения структурных компонентов, прежде всего – метафоры с «живой» образностью, что придаёт пословицам и поговоркам максимальную красочность в плане выражения и ёмкость в плане содержания.

Изучение фразеологических единиц, содержащих в себе культурный код, способствует осознанному восприятию чужой культуры и черт менталитета другой нации. Очень ярко это проявляется на материале паремий с зооморфными образами. Как замечает В.М. Мокиенко, «самые обидные характеристики люди выбирают из числа названий домашних животных, покорно и преданно служащих человеку тысячелетия. Наверное, самые существенные недостатки лучше всего познаются тогда, когда с живым существом – безразлично, животным или человеком, – живёшь и трудишься бок о бок» [Мокиенко 2005, с. 108].

Зооморфизмы образуются с помощью метафорического переноса, в основе которого лежат названия животных – зоонимы. Мы пришли к пониманию, что зооморфизмы относятся к оценочно-экспрессивному типу метафор. При переносе признака с животного на человека формируется зооморф-

ный код этноса. При этом данный признак или характеристика должны лежать на поверхности и связывать метафорическое значение и исходное. Изучение зооморфного кода помогает понять национальное восприятие действительности, или языковую картину мира.

Исследователями были отмечены различия в восприятии животных у разных народов. Однако для носителей языков с древних времен понятно: животные похожи на людей, а люди – на животных. Эти ассоциации легли в основу кратких и образных характеристик человека через зоонимы. Зооморфизмы в русском языке (как и в турецком) служат в качестве оценочного определения человека.

Основная часть второй главы настоящего исследования посвящена рассмотрению образов восьми животных – *верблюда, волка, ворона, коня, лисы, осла, свиньи и собаки* – в пословицах и поговорках турецкого и русского языков. Основываясь на вышеописанном материале, можно утверждать, что у турецких и русских пословиц о животных, помимо понятных различий, есть много общего. Образы таких животных, как *ворона, собака, лиса, волк* и, даже, *осёл* несут одинаковую смысловую нагрузку в пословицах и поговорках обоих языков.

Следует отметить, что в процессе исследования нами зафиксированы пословицы и поговорки, идентичные в турецком и русском языках, например: *Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит.* Также встречаются пословицы, которые имеют один и тот же смысл, но этот смысл передаётся через образы разных животных. Например: *At almadan ahır dikme* [*Не дели шкуру неубитого медведя*].

Образы животных имеют и расхождения, которые неизбежны, поскольку фразеологические единицы с компонентами-зоонимами отражают менталитет нации, её фантазию, самобытность, мировосприятие. При этом в целом проанализированные нами образы животных во многом перекликаются, несмотря на то, что русский и турецкий народы не являются родственны-

ми. Допустимо, конечно, взаимопроникновение некоторых пластов культуры, но самым главным фактором, определяющим схожесть образов животных в пословицах и поговорках столь разных языков, на наш взгляд, является схожесть (если не сказать идентичность) морально-нравственных проблем народов и человечества в целом.

Анализ пословиц с одинаковым ключевым словом позволяет сделать вывод, что пословицы с одноимённым компонентом-зоонимом, несмотря на общность компонента, имеют индивидуальное значение и на этом основании могут входить в состав разных смысловых групп. При этом большинство пословиц, имеющих общий компонент-зооним, образуют и своего рода смысловые объединения на основе коннотативных элементов значения зоонима.

ГЛАВА 3. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ С ЗООНИМАМИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

3.1. Лексикография в системе средств обеспечения межкультурной коммуникации

Задачи обеспечения потребностей межкультурной коммуникации предполагают появление обширного пласта специализированной литературы, в том числе словарей, облегчающих понимание иностранной лексики и культуры. По мнению ученых, в настоящее время «триада ‘язык-культура-словарь’» требует пристального и внимательного изучения [Петрушева 2009, с. 13]. Необходимость разработки словарей культурно маркированной лексики, отвечающих современным потребностям, отмечается многими исследователями на протяжении нескольких десятилетий (В.В. Виноградов (1977), А.М. Бабкин (1977, 1981), Л.П. Крысин (2008), М.А. Бобунова (2009), Л.А. Введенская (2011), Н.А. Максимчук (2011а, 2012), Л.С. Головина (2013) и др.). В последнее время все большую актуальность в решении этой проблемы приобретает антропоцентрическая ориентация лексикографических построений.

Межкультурная коммуникация – это сложный механизм общения носителей многочисленных культур на разных уровнях. Для его полноценной реализации лингвистам необходимо иметь представление об обращении культурно маркированных лексических единиц, о ситуациях и моделях коммуникации, семантических составляющих культуры. Сегодняшнее стремление учёных сделать словарь доступнее и представить в нём всю эту информацию ставит лексикографию на более высокий уровень среди других направлений лингвокультурологии.

В российской науке XX столетия лексические единицы с культурным компонентом изучались в рамках лингвострановедения. В этот период словарь постепенно становится помощником в изучении иностранной культуры. В последнее десятилетие словарь является предметом изучения современной культурологической лексикографии. Данная дисциплина разрабатывает четыре группы проблем, связанных с изучением безэквивалентной и фоновой лексики других языков и её описанием в словарях:

– проблему выявления культурных компонентов, подлежащих включению в словарь;

– проблему определения параметров интерпретации культурно маркированных лексических единиц;

– проблему подбора наиболее адекватных лексических эквивалентов;

– проблему описания имён собственных и другой уникальной лексики.

Эти проблемы выделяют словарь на фоне другой учебной литературы. По мнению Ю.Д. Апресяна, именно словарь отражает все уровни языковой культуры. Разрабатывая эту проблему, учёный пришёл к выводу о потребности в «интегральном описании языка при представлении в словаре ‘микромира лексемы’» [Апресян 1995а, с. 349]. Он ввёл термин «лексикографический портрет», который содержит в себе все исчерпывающие характеристики лексемы. Учёный относит словарь к источникам, которые демонстрируют жизнь лексемы в языке, связи с другими словами и поведение в рамках высказывания. После исследований Ю.Д. Апресяна интерес науки к оптимальным лексикографическим параметрам не ослабевает.

На сегодняшний день учебная лексикография – активно развивающееся и актуальное направление в межкультурной коммуникации. Авторы словарей стремятся включить в них широкий спектр лексикографических запросов. Это отражается в изменении структуры словарей и словарной статьи. Для того чтобы учесть все оптимальные параметры словаря и сделать его максимально удобным для пользователя, по мнению Ю.Д. Апресяна, необходимо

«найти удовлетворительное решение ряда типичных для словарного дела антиномий, порождаемых всем ходом современного лексикографического процесса:

статичность словаря VS динамичность языка;

словарь как справочник VS словарь как учебное пособие;

словарь VS грамматика;

лексикографический портрет VS лексикографический тип» [Апресян 1995а, с. 350 – 351].

Понятия лексикографического портрета и лексикографического типа, предложенные Ю.Д. Апресяном, помогают при анализе существующих учебных словарей.

О.Л. Петрушева в работе «Учебные словари в межкультурной коммуникации» [Петрушева 2009] систематизировала требования, выдвигаемые исследователями к современной словарной статье:

1. Учет адресной направленности лексикографического произведения (словари для иностранцев, словари для носителей языка).

2. Ориентация на пользователя (его возраст, языковую подготовку, профессиональные интересы, родной язык обучаемого и т.д.) [Морковкин 1988].

3. Необходимость представления всей существенной информации о слове как ядре лексической системы языка [Денисов 1974] (грамматические формы, стилистические свойства, прагматические и коннотативные особенности, синонимы, контекст, фонетическая транскрипция, произношение слова).

5. Использование иллюстративного материала [Тульнова 1996].

6. Включение в словник единиц, употребляемых в современной разговорной речи и литературе [Карташков 1986].

7. Представление лексем для словника «на основе текстов учебной и художественной литературы, письменной диалогической речи, фонограмм звучащей разговорно-литературной речи, записанной в ситуациях естественного общения, и анкет, заполненных информантами-носителями языка» [Карташков 1986].

8. Определение заголовочной единицы по очевидным признакам при помощи лексического минимума [Морковкин 1990].

9. Наличие приложений (сведения по грамматике, список имён собственных, другая информация учебного характера) [Карпова 2004].

3.2. Пословицы и поговорки в современных фразеологических словарях

Первые объёмные словари турецких пословиц и поговорок появились в последние десятилетия XX века. Сбором фактического материала долгое время занимались турецкие учёные Aksoy Omer Asım, Akdağ Fikret Açıklamalı, Özdemir Emin и другие. Под их авторством вышли крупные словари турецких пословиц и поговорок [Aksoy 1984, Akdağ 1989, Özdemir 1981].

Одна из последних работ О.А. Аксоя, в которой содержится наиболее полное и тщательное описание турецких пословиц и поговорок, – «Atasozleri ve Deyimler Sözlüğü » («Словарь пословиц и идиом»), изданная в 1984 году. Словарь состоит из трёх томов. Первый том содержит описание свойств пословиц и поговорок, критический обзор предыдущих точек зрения по данной тематике, а также сами пословицы с пояснениями. Во втором томе приводятся поговорки и их описания. В третий том вошёл перечень слов, входящих в состав пословиц и поговорок, и библиография. По мнению О.А. Аксоя, все изданные работы, связанные с пословицами и поговорками в турецком языке, недостаточно полно раскрывают их свойства, не разграничивают как таковые эти два вида фразеологических единиц, причисляют к ним многие словосоче-

тания, которые не являются фразеологизмами, что приводит к смешению понятий и путанице в терминологии. О.А. Аксой, чтобы избежать указанных противоречий, в своём словаре приводит конкретные черты пословиц: это должны быть исторически сложившиеся изречения, используемые в переносном значении.

В последнее время появляется немало работ, посвящённых лексикографическому описанию фразеологических единиц разного типа с позиций межкультурной коммуникации, в которых можно проследить основные тенденции развития этого направления: А.Н. Карташков (1992), М.Г. Тульнова (1996), Н.А. Шамраев (1997), З.М. Сафина (2004), Р.А. Аюпова (2008, 2008а, 2008б), Го Ниннин (2013) и др.

Так, А.А. Гимадеева в работе «Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в татарском и английском языках и их лексикографирование» приходит к выводу, что даже неродственные языки имеют много общего в функционировании такого рода фразеологических единиц, в связи с чем «во фразеографии татарского и английского языков наблюдаются общие тенденции лексикографического описания ФЕ с компонентом-зоонимом. В частности, наблюдается схожая дефиниционная презентация их значения» [Гимадеева 2011, с. 33].

О.Г. Дубровская, используя сопоставительный и фреймовый анализ для описания пословиц, предлагает модель словарной статьи для описания русских и английских пословиц, которая включает: «1) фрейм, выделенный на материале пословиц русского языка, с указанием группы и её нумерации; 3) название фрейма, иллюстрирующее пословичное значение в русском языке. Заголовочный фрейм начинается с наиболее употребительного словного компонента пословицы; в круглые скобки включены менее частотные слова-компоненты; 4) название фрейма, иллюстрирующее пословичное значение в английском языке. Заголовочный фрейм начинается с частотного словного компонента пословицы; в круглых скобках подается

оригинал слов-компонентов. В квадратные скобки включен перевод на русский язык менее частотных слов-компонентов и их оригинал; 5) количественная характеристика пословичных единиц; 6) лингвокультурологическое описание иллюстративного материала на концептуальном и языковом уровнях» [Дубровская 2000, с. 24].

З.М. Сафина в работе «Когнитивно-лексикографическое описание фразеологических единиц со структурно-семантическим компонентом цвета: на материале английского, русского и башкирского языков» кладёт в основу построения фразеологического словаря «отражение концептуальной структуры фразеологических единиц» [Сафина 2004, с. 6].

В работе Го Нинина «Лексикографическая разработка русской фразеологии (для толково-переводного русско-китайского фразеологического словаря)» предлагаются критерии описания фразеологизмов в одно- и двуязычных фразеологических словарях, которые автор реализует в «Толково-переводном русско-китайского фразеологическом словаре». По мнению исследователя, в фразеологическом словаре «должны найти отражение основные макрокомпоненты семантической структуры фразеологизма: мотивационный, денотативный, оценочный, эмотивный, стилистический и грамматический» [Го Нинин 2013, с. 6].

Р.А. Аюпова представляет детальный обзор и анализ словарных статей на материале трёх языков, обращая внимание на форму дефиниции, эмотивный компонент фразеологических единиц, наличие иллюстративного материала и т.д. Автор выделяет следующие способы описания значения фразеологических единиц: «1) описание при помощи свободного словосочетания или простого предложения; 2) комбинированный тип дефиниции; 3) описание при помощи развёрнутой структуры; 4) дефиниция при помощи одной лексемы; 5) дефиниция при помощи межъязыкового соответствия (в двуязычных словарях) или фразеологического синонима (в

одноязычном словаре)». Проведённый анализ приводит автора к выводу, что до сих пор не создано законченной теории описания фразеологических единиц в двуязычных словарях, как общих, так и учебных, чем объясняется абсолютно недопустимая «огромная разница в уровнях фразеографического описания разных языков народов, приобщённых к европейской культуре» [Аюпова 2008а, с. 33].

В числе русско-турецких и турецко-русских словарей, содержащих частности, пословицы и поговорки, можно отметить следующие.

«Большой турецко-русский и русско-турецкий словарь (450 000 слов и словосочетаний)» Н.Н. Богочанской и А.С. Торгашова [Богочанская, Торгашова 2009] предназначен для широкого круга учащихся и специалистов, заинтересованных в изучении турецкого языка, а также для переводчиков и носителей турецкого языка, изучающих русский язык. В издании содержится около двух тысяч устойчивых оборотов речи, пословиц и поговорок.

«Турецко-русский словарь пословиц и поговорок» Н.П. Сидориной [Сидорина 2006] адресован русскоязычным читателям, изучающим турецкий язык и интересующимся культурой Турции, а также широкому кругу читателей. Словарь состоит из двух частей: алфавитной (по ключевому слову) и тематической (выделяются важные и концептуально значимые понятия «Жизнь», «Добро», «Любовь», «Семья» и так далее).

«Турецко-русский словарь пословиц» О.Ю. Мансуровой [Мансурова 2007] содержит 1111 актуальных турецких пословиц. Словарная статья состоит из пословицы, её перевода. К большинству пословиц даётся русскоязычный аналог. Там, где аналога нет, приводится развёрнутый комментарий.

Сборник А.А. Епифанова «Русские пословицы и поговорки и их турецкие аналоги (Türk Atasözleri ve Rus karşılıkları)» [Епифанов 2006] содержит 900 турецких пословиц и их русские эквиваленты или аналоги, расположенные в алфавитном порядке (близкие по смыслу русские

пословицы, в отдельных случаях – поговорки и крылатые выражения). В словарной статье также приводятся варианты компонентов турецких пословиц или их факультативные компоненты. Курсивом даются пояснения автора. Это издание предназначено для русскоговорящих читателей, изучающих турецкий язык и интересующихся турецкой культурой.

Одноязычный «Турецкий словарь идиоматических выражений» Шихина Чевика содержит 800 устойчивых выражений турецкого языка, представленных в алфавитном порядке. Чёрным цветом дается идиома, а красным цветом рядом приводится комментарий к ней. Например, Pabucuna kum dolmak: *Engelle karşılaşmak* (*Носить обувь с песком: встретить препятствие на пути*).

3.3. Современная учебная лексикография и проблемы межкультурной коммуникации

Наличие значительного количества современных словарных проектов не обеспечивает полной решённости проблемы, но создаёт серьёзные предпосылки для дальнейшей разработки способов лексикографирования фразеологических единиц с позиций межкультурной коммуникации.

Нам представляется, что перспективы лексикографии обусловливаются количеством неразрешённых проблем в этой исследовательской области, а также её прикладным характером. По замечанию В.В. Морковкина, «отсутствие у нас словарей определённых типов болезненно ощущается как при теоретической разработке некоторых языковедческих вопросов, так и в области прикладного языкознания (например, в учебном процессе, при написании учебных пособий по русскому языку, в переводческой деятельности и т. п.)» [Морковкин 1986, с. 106].

Лексикография конца XX века, по замечанию Ю.Н. Караулова, характеризуется наличием двух разнонаправленных тенденций – «к созданию сис-

темно-ориентированных словарей и антропо-ориентированных словарей» [Караулов 1988, с. 16].

Особенностью системно-ориентированных словарей является то, что «человек, для которого создаётся словарь, отступает в густую тень, а то и вовсе забывается лексикографом. Создаётся даже впечатление, что лексикограф, выступающий на предыдущем этапе в качестве доверенного лица языкового коллектива, т.е. в качестве лица, представляющего интересы этого коллектива перед лицом Его Величества Языка, становится теперь как бы доверенным лицом Языка, не желающим слышать о каких-то там интересах пользователей» [Морковкин, Морковкина 1997, с. 142].

Â òî æå âðåìÿ ðàñïðîñòðàíåíà â ñîâðåìåííûõ ëèíãâèñòè÷åñêèõ èññëåäîâàíèÿõ àíòðîïîöåíòðè÷åñêîãî ïîäõîäà îêàçûâàåò âëÿíèå íà ïðèêëàäíûå îáëàñòè ÿçûêîçíàíèÿ, öåíòðàëüíîé ñðåäè êîòîðûõ ÿâëÿåòñÿ ëåêñèêîãðàôèÿ. Îðèåíòèðîâàííûé íà ïðîáëåìû îòíîøåíèé *ÿçûê – ÷åëîâåê*, àíòðîïîöåíòðè÷åñêèé ïîäõîä îêàçûâàåòñÿ îñîáåííî âîñòðåáîâàííûì â òåõ íàïðàâëåíèÿõ, êîòîðûå íåïîñðåäñòâåííî îáðàùåíû ê ÷åëîâåêó – íîñèòåëþ ÿçûêà.

Различные идеи антропоцентрической направленности словаря обозначены в работах многих современных лингвистов: Ю.Д. Апресяна, Л.А. Новикова, Ю.Н. Караулова, В.Г. Гака, В.П. Беркова, П.Н. Денисова, В.И. Зимина, Л.П. Крысина, Г.Н. Скляревской и др., при этом концептуальное оформление антропоцентрический подход к лексикографированию получил в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина и связан, прежде всего, с именем В.В. Морковкина [Морковкин 1986, Морковкин 1988]. По образному выражению исследователя, при составлении антропо-ориентированных словарей, «пользователь как бы заказывает лексикографу изготовление словаря с определёнными свойствами точно так же, как, например, клиент заказывает портному костюм определённого качества и фасона» [Морковкин, Морковкина 1997, с. 144]. Этот «заказ» принято обозначать термином *пользовательский запрос* [Морковкин, Кочнева 1992].

Важнейший пользовательский запрос, который предъявляется сегодня к учебным словарям участниками межкультурной коммуникации, мы, вслед за Н.А. Максимчук, видим в том, чтобы единицы и явления русского языка были представлены в зеркале лингвокультуры адресата словаря. Именно в таком случае может быть достигнута равноправность позиций коммуникантов, что в итоге и является определяющим условием успешности межкультурного общения [Максимчук 2011а, 2014 и др.].

Выдвижение на центральные позиции в современных лингвистических теориях антропоцентрического толка понятия языковой личности формирует потребность в осмыслении традиционной лексикографии с учётом результатов этих исследований. На этом основании важная цель учебной лексикографии видится в оказании помощи языковой личности для адекватного существования в определённом социокультурном пространстве. Эта цель выходит за рамки однородного в языковом и культурном отношении социума и определяется сегодня в таком случае в терминах *межъязыковой* и / или *межкультурной коммуникации*.

Отношения между этими понятиями (которые нередко и вполне справедливо используются как тождественные) имеют, однако, более сложный и разветвлённый характер, чем отношения прямого тождества, что в рамках рассматриваемого подхода заслуживает дополнительного описания. Различия между понятиями *межъязыковая коммуникация* и *межкультурная коммуникация* можно провести, по меньшей мере, по двум основаниям, в зависимости от которых и определяются основные содержательные и структурные параметры учебного словаря.

В координатах *цель – средство* под *межкультурной коммуникацией* понимается речевое взаимодействие представителей разных культур, базирующееся на взаимном знании культурной специфики страны собеседника. При этом вопрос о средствах общения отходит на второй план: это могут быть как родные языки коммуникантов, так и язык-посредник, являющийся

иностранным для обеих сторон. Средства обучения межкультурной коммуникации в таком случае сосредоточиваются на культурно-содержательном аспекте и могут быть представлены на родном языке обучающегося (разного рода страноведческая литература, энциклопедические словари, справочники, информационно значимые в этом смысле тексты художественной литературы и под.).

Использование термина *межъязыковая коммуникация* подчёркивает, что процесс общения происходит между носителями разных языков, а средством общения служит родной язык одного из коммуникантов. При этом построение системы средств обучения, опирающееся на положении о единстве языка и культуры, исходит из того, что культурная информация, носителем которой являются участники речевого взаимодействия, закреплена в средствах их родного языка и адекватность межъязыкового общения достигается изучением языковых средств и форм выражения культуры народа-носителя языка.

С другой стороны, восприятие языка как кода культуры определяет отношения между понятиями *межъязыковая коммуникация* и *межкультурная коммуникация* как отношения *общего* к *частному*: изучение языка означает одновременное изучение культуры его носителей. Изучение же культуры народа, как уже отмечалось, может проводиться на любом доступном обучающимся языке. Однако излишне говорить, что во втором случае обучение лишается самого мощного, эффективного и в то же время тонкого инструмента. Таким образом, кажется целесообразным рассматривать *межъязыковую* и *межкультурную коммуникацию* как единый процесс, для обеспечения эффективности которого необходимы соответствующие учебные (в том числе – лексикографические) средства, построенные с учётом современных теоретических представлений и накопленного практического материала.

3.3.1. Лингвокультурологическое описание русских пословиц

и поговорок как задача учебной лексикографии

Актуальной проблемой современных лингвокультурологических исследований является выявление и описание национально-культурной специфики разноуровневых языковых единиц, в ряду которых фразеологизмы занимают одно из центральных мест (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.П. Телия, В.И. Зимин, В.А. Маслова, В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров, Н.Г. Брагина и мн. др.).

Пословицы, по мнению фразеологов, представляют собой один из основных «кодов» культуры, «язык веками сформировавшейся обыденной культуры», передающейся из поколения в поколение и отражающей все категории и установки жизненной философии народа – носителя языка [Телия 1996, с. 219], что придаёт им особую лингвокультурную ценность даже на общем фоне фразеологической системы.

Как уже отмечалось, главная цель обучения межкультурной коммуникации – создание предпосылок для лучшего взаимопонимания и взаимодействия носителей разных языков и культур. Полноценной, как считает Н.А. Максимчук, межкультурная коммуникация может считаться лишь в том случае, если она строится на основании симметрии, то есть на взаимном знании общающихся сторон культуры коммуникативного партнёра, важнейшим носителем которой является национальный язык. В этой связи у научного сообщества усиливается интерес к описанию сопоставимых единиц разных языков, установлению их сходства и различия с целью выявления универсального и специфичного в национальных картинах мира, отражающих системы мировидения и мировосприятия разных народов. Актуальность и практическая значимость такого типа описаний подчёркивается закреплением для их обозначения нового терминологического оборота: единицы и категории русского языка рассматриваются «*на фоне*» других языков. Так, последние годы характеризуются появлением многочисленных описаний разноуровневых

единиц русского языка на фоне английского, немецкого, польского, испанского, китайского, корейского, вьетнамского, татарского, башкирского и других языков [см., например, Сунь И, Тянь Цзюнь, У Вэй и мн. др.].

Проблема лексикографического описания фразеологических единиц разного типа также находится в поле внимания современных исследователей, многие из которых рассматривают фразеологический материал с лингвокультурологических позиций, выявляя общее, универсальное и специфическое в фразеологических картинах мира разных языков. Количество и качество работ такого характера позволяет говорить о формировании нового направления прикладной лингвистики – сопоставительной фразеографии, в основе которой лежит лингвокультурологический способ описания.

Краткий обзор работ такого рода даёт представление об основных проблемах и значимых тенденциях в развитии этого направления. Так, можно отметить понятное внимание исследователей к способам семантизации, типам дефиниций, которыми сопровождается фразеологизм в двуязычных словарях [Богочанская, Торгашова 2009]. Новым для практики фразеографии является привлечение в качестве исследовательского инструмента фреймового анализа, «лингвокультурологическое описание иллюстративного материала, производимое на концептуальном и языковом уровнях» [Го Синь И 2004, с. 24]. Осознание фразеологической единицы как концепта приводит отдельных авторов к формулированию понятия «когнитивно-лексикографического описания фразеологических единиц», а основу построения словаря видеть в отражении концептуальной структуры фразеологических единиц [Мансурова 2007]. По мнению других, в фразеологическом словаре должны быть представлены «основные макрокомпоненты семантической структуры фразеологизма: мотивационный, денотативный, оценочный, эмотивный, стилистический и грамматический» [Гимадеева 2011, с. 6]. Обобщая, можно отметить, что

исследовательская мысль в данном проблемном поле движется в направлении комплексного лексикографического представления фразеологизма, что соответствует как сложной природе фразеологической единицы, так и задачам её лингвокультурологического описания.

Актуальность проблемы, помимо собственно лингвистического её наполнения, базируется на чрезвычайной востребованности практикой преподавания русского языка как иностранного учебных пособий и словарей, отражающих культурно-языковую специфику единиц русского языка на фоне родного языка иностранных учащихся, в том числе – турецкого.

Что касается существующих турецко-русских и русско-турецких словарей, то они обычно имеют широкую ориентацию, что характерно для традиционной лексикоцентрической лексикографии. Стандартная структура таких словарей – это алфавитный список заголовочных единиц с их семантизацией. Основным способом семантизации, как правило, является перевод. Достоинством части такого рода словарей является то, что к большинству пословиц даётся русскоязычный аналог, а там, где аналога нет, приводится развёрнутый комментарий. В отдельных случаях алфавитная часть может дополняться тематической (с выделением типичных тематических групп «Жизнь», «Добро», «Любовь», «Семья» и так далее).

Разрабатываемый русско-турецкий словарь пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом является шагом к достижению цели лексикографического обеспечения запросов представителей данных лингвокультур, заинтересованных в адекватной межкультурной коммуникации.

3.3.2. Проект учебного лингвокультурологического словаря пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом

Несмотря на широкий спектр работ и мнений, вносящих несомненный вклад в решение означенной проблемы, говорить о существовании стройной, последовательной, законченной теории описания фразеологических единиц в лингвокультурологическом аспекте пока не приходится. Тем более этого

нельзя сказать о собственно учебной фразеографии, разработки теории которой сохраняют актуальность и практическую значимость. Предлагаемый словарь русских пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом (на фоне турецкого языка) – попытка сделать шаг к построению искомой теории. В основе подхода, реализуемого в предполагаемом словаре, лежит концепция учебных лингвокультурологических словарей, разрабатываемая Н.А. Максимчук [Максимчук 2011, 2014 и др.; Максимчук, Бичер 2015].

Центральным понятием этой концепции является уже упоминавшееся понятие *симметрии,* предполагающее описание единиц изучаемого языка сквозь призму языка адресата словаря. Для этого должна быть выделена система структурированных определённым образом лингвокультурных сведений, знание которых оценивается двумя языковыми сообществами в качестве необходимого условия адекватной межкультурной / межъязыковой коммуникации, обеспечивающего понимание национально-культурной специфики общающихся сторон.

Определяющими постулатами, на которых основывается предлагаемая концепция, служат два положения: антропоцентрическая ориентация словаря, его учебная направленность, с одной стороны, и симметричный характер лингвокультурологической информации, сопровождающей заголовочную единицу, – с другой. Именно с этих позиций сегодня и формулируется задача лексикографического обеспечения потребностей межкультурной коммуникации.

В характеристике первого положения мы исходим из того, что понятия *антропоцентрическая лексикография* и *учебная лексикография* находятся в отношениях включения, то есть словарь может называться учебным, если он ориентирован на запросы и потребности конкретного адресата и, следовательно, может быть активно полезен при изучении языка.

Симметричность лингвокультурологической информации, составляющей содержание словаря, означает, что описываемая языковая

единица представлена всесторонне, комплексно: и как единица данного языка, и как элемент данной лингвокультуры на фоне лингвокультуры адресата словаря.

Задача состоит в том, чтобы определить уровень представления необходимой и достаточной информации в зависимости от целей словаря, запросов его адресата, а также характера заголовочных единиц словарного описания.

Выбор объекта описания в учебном словаре связан с высокой лингвокультурологической ценностью фразеологизмов с образами животных как в русской, так и в турецкой картинах мира.

На уровне макроструктуры Словарь состоит из Вводной части, Русской и Турецкой частей, Тематической части.

Русская Словарная часть строится по алфавитно-гнездовому (блочному) принципу. Заголовочной единицей гнезда (блока) является русский зооним, объединяющий группу пословиц и поговорок: *Волк, Ворона, Лиса, Лошадь, Осёл* и т.д.

В свою очередь, гнездо (блок) имеет сложную структуру, степень полноты которой зависит от особенностей единиц конкретного гнезда.

Покажем схему исходной структуры фразеографического блока на примере тематической группы «Конь», сопровождая необходим ыми комментариями отдельные словарные зоны (комментарии выделены курсивом).

Схема исходной структуры фразеографического блока в учебном словаре

1. **Вводная зона**

Заголовочная единица-зооним (название фразеографического блока – название тематической группы).

Конь (ло́шадь, жеребёнок)

Данное животное имеет несколько наименований: «конь», «лошадь», «жеребёнок». «Лошадь» и «конь» различаются по половым признакам, «Жерёбенок» во всех толковых словарях определяется как «детёныш лошади»». Это позволяет включать в один словарный блок пословицы и поговорки со всеми тремя наименованиями этого животного.

2. **Зона собственно языковых сведений**

- русский зооним (его синонимы, если имеются), его акцентологическая, фонетическая, грамматическая характеристика;

Конь, -я, *м*. (ло́шадь, -и, *ж*., жеребёнок, жеребёнка, *м*.)

- турецкий эквивалент, его транскрипция, акцентологическая, фонетическая, грамматическая характеристики.

Языковые сведения оформляются в соответствии с общепринятой лексикографической практикой. Симметричность этой зоны (то есть наличие и русских, и турецких вариантов) повышает обучающие возможности словаря, отвечая запросам как турецких, так и русских пользователей. Кроме того, такая форма подачи языкового материала отвечает требованиям к комплексному словарю активно-пассивного типа.

3. **Зона семантизации**

- семантизация (русский вариант):
- прямое значение
- переносное (-ые) значение (-я): в русском языке
- семантизация (турецкий вариант):
- прямое значение

- переносное (-ые) значение (-я): в турецком языке

В оформлении этой зоны словарной статьи важно параллельное представление прямых и переносных значений сопоставляемых единиц. В случае многозначности прямые значения единиц разных языков, как правило, совпадают, но в целом семантическая структура многозначных слов сопоставляемых языков может значительно различаться. В связи с этим перед лексикографом стоит задача выявить общие, сходные или сопоставимые переносные значения и расположить их наглядным образом. Сопоставление переносных значений позволяет выявить те символические смыслы, зоометафоры, которые формируют общекультурную семантику паремии в том или ином языке.

- переносное (-ые) значение (-я): в русском языке

1) о неповоротливом, неуклюжем человеке или неумном человеке (*прост*.)

2) о том, «кто трудится много и напряжённо, часто выполняя работу за других [СУ];

- в турецком языке лексему *лошадь* в значении «кобыла» используют при характеристике крупной женщины [Akdağ 1989]

4. **Фразеологическая зона**

В рамках Фразеологической зоны располагаются русские пословицы и поговорки с зоонимом, выступающим в качестве заголовочной единицы блока. Они группируются в зависимости от степени семантического сходства / различия с турецкими паремиями с тем же ключевым словом. Анализ фразеологического материала, выявленного методом сплошной выборки из русских и турецких фразеологических словарей, позволил выделить четыре

варианта семантических отношений между русскими и турецкими паремиями:

1) полная эквивалентность (обозначается знаком =), в пословицах такого типа зоонимы присутствуют паремиях обоих языков;

2) семантическое (смысловое) сходство (обозначается знаком ≈), в квадратных скобках приводится буквальный перевод (поскольку словарь на уровне макроструктуры имеет симметричное строение, то в приводимых примерах в некоторых случаях как в русской, так и в турецкой частях в левой части могут отсутствовать наименования животных, однако такие паремии включаются в словарную статью, поскольку зоонимы содержатся в иноязычном соответствии);

3) отсутствие турецких эквивалентов у русских паремий;

4) отсутствие русских эквивалентов у турецких паремий.

Пословицы и поговорки третьего и четвёртого типов могут сопровождаться переводом на турецкий (русский) язык, кратким толкованием, а также семантизирующим комментарием в зоне культурологических сведений или в специальном разделе Словаря.

Внутри частей фразеологической зоны паремии могут размещаться: 1) в общей алфавитной последовательности, 2) по морфологическим формам ключевого слова, 3) по близости семантики. Выбор способа зависит от конкретного материала и учебных задач, но предпочтительным считается последний, поскольку именно он наиболее наглядно демонстрирует точки возможного напряжения при межкультурной коммуникации.

- русские пословицы – эквивалентные турецкие пословицы:

Дарёному коню в зубы не смотрят = Hediye edilen atın ağzına bakılmaz

Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери = Papazdan at, duldan kız alma

Не бойся дороги, были б кони здоровы = Atın sağlıklı ise yoldan korkma

К собаке подходи сзади, а к лошади – спереди = Köpeğe arkadan ata önden yanaş

Коня куют, а жаба лапы подставляет = *Atlar nallanırken kurbağalar ayak uzatmaz*

И комар лошадь одолеет, коли большой волк ему поможет = Eğer koca bir kurt yardım ederse,sivrisinekte ata hükmeder.

- русские пословицы – турецкие пословицы, сопоставимые по смыслу:

Коли конь, да не мой – так волк его ешь ≈ *At elin, it elin, bize ne* [*Лошадь чужая, собака чужая, нам-то что*]

На чужом несчастье счастья не построишь ≈ *El atıyla uzağa gidemezsin* [*На чужом коне далеко не уедешь*].

В тихом омуте черти водятся ≈ *Yavaş atın tekmesi pek olur* [*Смирная лошадь больно лягается*]

За одного битого двух небитых дают ≈ *Yorgun eşek attan hızlı koşar* [*Битый ишак бежит быстрее лошади*]

Не говори гоп, пока не перепрыгнешь ≈ *At almadan ahır dikme* (*yapıyor*) [*Не купив коня, не строй конюшню*]

Свято место пусто не бывает ≈ *At ölürse yerine tay geçer* [*Конь умрёт, на его место придёт жеребёнок*]

- русские пословицы, не имеющие эквивалентов в турецком языке:

Добр конь, да копыта отряхивает

Конь копытом сдачи даёт

Конь не выдаст, и враг не съест

Деньгами коня не купишь

Лошадь человеку крылья

…

- турецкие пословицы, не имеющие эквивалентов в русском языке:

Ata binersen Allahı, attan inersen atı unutma [Сев на коня, не забудь про Бога, а когда слезешь, не забудь про коня] …

5. **Культурологическая зона**

Зона культурологической информации является зоной лингвокультурологического расширения и предназначена, прежде всего, для пользователей продвинутого уровня владения русским языком. Она включает лингвокультурологический комментарий зооморфных образов и их пословичных репрезентаций. Эти комментарии могут использоваться и как тексты для чтения при обучении русому языку.

Конь – одно из самых почитаемых у славян животных. В пословицах и поговорках русского народа нашли отражение терпение, выносливость лошадей, их способность поглощать много пищи. Кони сравниваются с быстрокрылыми птицами. …

Образ *лошади* в турецкой фразеологии является символом силы и власти. Есть и такие фразеологизмы, где проследить символичность образа

представляется сложным, например: *At elin, it elin, bize ne* [*Лошадь чужая, собака чужая, нам-то что?* ≈ [*Моя хата с краю*].

6. Зона синонимии и антонимии

В этой зоне могут быть представлены фразеологические синонимы двух видов: внутригрупповые (син.: Добр конь, да копыта отряхивает – Конь копытом сдачи даёт и т.д.) и межгрупповые, включающие близкие по смыслу пословицы и поговорки с различными ключевыми зоонимами. То же касается и представления пословиц с антонимичными смыслами.

7. Учебно-методическая зона

Эта зона словарной статьи поддерживает антропоцентрическую направленность словаря и предназначена для всестороннего раскрытия его обучающего потенциала. Она может включать учебные задания, рекомендации, контрольные материалы и т.д. В зависимости от потребностей конкретного адресата методические рекомендации могут быть выделены в самостоятельный раздел.

Турецкая Словарная часть является зеркальным отражением русской.

Предлагаемое построение описания пословиц и поговорок способно, как представляется, обеспечивать полноценный доступ к ключевым образам фразеологической картины мира изучаемого языка и, следовательно, создавать дополнительные условия для осуществления адекватной межкультурной коммуникации, что можно считать одной из основных задач современной учебной фразеографии.

Выводы

В третьей главе мы рассмотрели основные требования к современной учебной лексикографии как средству обеспечения потребностей межкультурной коммуникации. Основная цель учебных словарей – освоение языко-

вого пространства с целью установления коммуникации между представителями разных культур. Лексикография XXI века – активно развивающееся и актуальное направление теории и практики межкультурной коммуникации. Авторы словарей стремятся реализовать в них широкий спектр лексикографических запросов. Это отражается в изменении структуры словарей и словарной статьи.

Важным понятием учебной межкультурной коммуникации является *языковая картина мира*, которая включает в себя как универсальные языковые компоненты, так и специфичные для каждого языка. Фразеологические единицы сочетают в себе языковые универсалии и черты национального сознания.

Основным требованием к произведениям учебной лексикографии, обеспечивающим потребности межкультурной коммуникации, можно считать требование симметрии в отборе языкового материала, в построении словарной статьи и в представлении содержания языковых единиц.

Мы проанализировали современные работы по лексикографии (А.А. Гимадеева, О.Г. Дубровской, З.М. Сафиной, Го Нинина, Р.А. Аюповой и др.), в которых авторы рассматривают разные аспекты описания фразеологических единиц русского и турецкого языков. Большинство исследователей предлагают свои частные критерии для сопоставления лексики двух неродственных языков, но приходят к общему выводу об их семантической и культурной схожести.

Также нами были проанализированы русско-турецкие и турецко-русские словари, содержащие фразеологизмы, в частности, пословицы и поговорки: «Большой турецко-русский и русско-турецкий словарь (450 000 слов и словосочетаний)» Н.Н. Богочанской и А.С. Торгашова, «Турецко-русский словарь пословиц и поговорок» Н.П. Сидориной, «Турецко-русский словарь пословиц» О.Ю. Мансуровой, сборник А.А. Епифанова «Русские пословицы и поговорки и их турецкие аналоги (Turk atasozleri ve rus

karsiliklari)», одноязычный «Турецкий словарь идиоматических выражений» Шихина Чевика.

На основе анализа мы пришли к выводу, что, несмотря на значительное количество фразеологических словарей, у лексикографов ещё достаточно нерешённых проблем и, следовательно, дальнейшей работы по представлению паремий с позиций потребностей межкультурной коммуникации.

Решению этих проблем, на наш взгляд, будет способствовать создание учебного лингвокультурологического русско-турецкого словаря пословиц и поговорок с зооморфными образами. Опираясь на концепцию учебных лингвокультурологических словарей Н.А. Максимчук, мы представляем проект такого словаря и схему словарной статьи, в которых реализуются основные положения, сформулированные в ходе исследования. В основе концепции словаря лежит его антропоцентрическая ориентация и симметричный характер представляемой в нём лингвокультурологической информации.

Словарная статья учитывает представление фразеологических единиц на всех словарных уровнях «на фоне» турецкого языка. Предлагаемая нами модель помогает выявить универсальное и специфичное во фразеологическом фонде двух языков, позволяет пользователям проникнуть в суть анималистических образов, находящихся в центре того фрагмента национальных картин мира, который связан с «зоологическим» кодом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По замечанию исследователей, лингвокультурология уже давно заняла нишу самой востребованной из прикладных научных областей лингвистики. Её актуальность обусловлена тем, что «даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур» [Верещагин, Костомаров 1983, с. 16]. Понятно, что при общении носителей разных языков эти проблемы многократно усиливаются. Существенно уменьшить это расхождение способно изучение одного языка (одной лингвокультуры) на фоне другого.

Главной задачей, решение которой определило содержание данного исследования, стало рассмотрение специфики анималистических образов русских пословиц и поговорок на фоне неродственного турецкого языка.

Благодаря детальному анализу теоретической базы нами были выявлены основные критерии для сопоставления зооморфных образов в пословицах и поговорках двух языков: их содержательность, переносное значение, культурная символика.

В нашем исследовании были рассмотрены современные труды по лексикографии и выявлены разные аспекты сопоставления фразеологических единиц на материале русского и турецкого языков. Большинство исследователей предлагают свои частные критерии для сопоставления фразеологических единиц двух неродственных языков, но приходят к общему выводу об их семантической и культурной схожести.

Мы проанализировали основные словари русских пословиц и поговорок (В.И. Даль «Пословицы русского народа» [СПб, 1879], А.М. Жигулёв «Русские народные пословицы и поговорки» [М., 1958], Г.Л. Пермяков «От поговорки до сказки» [М., 1970], А.М. Жигулёв, Н.П. Кузнецов «Сборник по-

словиц и поговорок» [М., 1974]), а также русско-турецкие и турецко-русские словари, содержащие фразеологизмы, в частности, пословицы и поговорки («Большой турецко-русский и русско-турецкий словарь (450 000 слов и словосочетаний)» Н.Н. Богочанской и А.С. Торгашова, «Турецко-русский словарь пословиц и поговорок» Н.П. Сидориной, «Турецко-русский словарь пословиц» О.Ю. Мансуровой, сборник А.А. Епифанова «Русские пословицы и поговорки и их турецкие аналоги (Türk atasozleri ve rus karşılıkları)», одноязычный «Турецкий словарь идиоматических выражений» Шихина Чевика).

В результате на основе «степени представленности» во фразеологии и русского и турецкого языков нами были отобраны восемь наиболее значимых в лингвокультурах России и Турции животных: верблюд, волк, ворон(а), конь (лошадь), лиса, осёл, свинья и собака (пес).

Анализ выделенных зоонимов в русских пословицах и поговорках на фоне турецкого языка позволил нам сделать следующие *выводы*:

1. Анималистические образы для обоих языков являются одними из самых ярких культурных компонентов, содержащих в себе черты образного мышления обоих этносов. Изучение данных языковых единиц в лингвокультурологическом аспекте имеет существенное значение для обеспечения предпосылок адекватной межкультурной коммуникации.

2. Особой иносказательной нагрузкой в русском языке (судя по количеству образованных с их участием паремий) обладают зоонимы: *лошадь* (*конь*), *лиса*, *волк*, *собака*, *свинья*. При этом переносное значение данных лексем, представленное в словарях, совпадает с фразеологическим значением в 60 % случаев. В остальных пословицах и поговорках у зоонима обнаруживается дополнительное значение. Например, мы обнаружили расхождения у значения слова *волк* (*перен*. «нелюдимый» и «опытный») с распространённым в пословицах и поговорках значением «хищное, нелюдимое животное» с обострённым стадным инстинктом.

3. В турецкой фразеологии в наибольшем количестве пословиц и поговорок представлены зоонимы *собака, лошадь* (*конь*)*, осёл, волк, верблюд*. Фразеологическая активность лексем *осёл* и *верблюд* обусловлена важным культурным и социальным значением данных животных для турецкого народа. В отличие от русской культуры, образ верблюда нередко можно встретить в турецких пословицах и поговорках, где он вовсе не обладает характеристиками, отмеченными словарями в переносном значении. Выявленные примеры показывают, что *верблюду* в турецких пословицах присуща наивность и глупость. По мнению турок, по интеллекту *верблюд* ничем не отличается от осла; более того, он даже глупее, несмотря на свои крупные размеры. При этом, в отличие от осла, верблюду не присуще упрямство, скорее, ему свойственна податливость и простота, которая, как гласит народная мудрость, «хуже воровства». Однако в некоторых пословицах отчётливо прослеживается, что верблюд полезен в хозяйстве и по достоинству оценён турецким народом. Шесть из семи пословиц имеют смысловые аналогии в русском языке, но лишь три из них имеют прямые смысловые аналоги в русском языке, хотя и с другой символикой.

1) русские паремии, имеющие полные эквиваленты в турецком языке, например: *Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит = Kurdu ne kadar beslersen besle, o hep dağa*;

2) паремии, сходные по смыслу, но этот смысл передаётся через образы разных животных, например: *At almadan ahır dikme* [*Не купив коня, не строй конюшню*] = [Не дели шкуру не убитого медведя];

3) русские паремии, не имеющие турецких соответствий: *Лиса и во сне кур считает*;

4) турецкие паремии, не имеющие русских соответствий: *Kurt kuzuyu haber vererek yemez* [*Волк не ест ягнёнка, оповестив того заранее*].

Проведённый анализ фразеологического материала с компонентом-зоонимом и сформулированные в ходе исследования требования к

современным учебным словарям с позиций потребностей обучения межкультурной коммуникации позволили разработать проект учебного лингвокультурологического русско-турецкого словаря пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом

В основе концепции словаря лежит его антропоцентрическая ориентация и симметричный характер представляемой лингвокультурологической информации.

Антропоцентричность словаря означает, что при решении всех вопросов лексикографического описания языкового материала определяющим фактором является степень соответствия этого решения запросам адресата словаря.

Основным пользовательским запросом, предъявляемым сегодня к учебным словарям как средству обучения межкультурной коммуникации является максимально наглядное и доступное для адресата раскрытие лингвокультурной специфики языковых единиц, что может быть достигнуто при опоре на принцип симметричности в представлении и описании в необходимом объёме содержания заголовочных единиц словаря.

Предлагаемая модель словарной статьи предполагает многоуровневое представление лексических единиц «на фоне» турецкого языка. Это позволяет сделать явным для адресата универсальное и специфическое во фразеологических системах двух языков.

Проделанная работа, как представляется, не только вносит вклад в описание культурно маркированных единиц фразеологической системы русского языка на фоне турецкого, но и открывает возможности дальнейшего учебного лексикографирования на основе описанных принципов культурно значимого языкового материала разной тематической направленности в целях обеспечения потребностей межкультурной коммуникации.

Литература

1. Абдулкаримова, П.А. Фразеологические и паремиологические единицы эмотивной семантики с компонентом-зоонимом в аварском и английском языках: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Абдулкаримова Патимат Алисултановна. – Махачкала. – 2012. – 185 с.
2. Абдюшева, С.А. Зооморфные фразеологизмы как средство выражения качественной оценки человека. [Электронный ресурс] / С.А. Абдюшева // Международная научно-практическая Интернет-конференция «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании» 18-27 декабря 2012 года. – Режим доступа: http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/december-2012. (дата обращения: 12.08.2015).
3. Аванесова, Н. В. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики / Н.В. Аванесова // Вестник Югорского гос. ун-та.– 2010. – Ханты-Мансийск. – Вып. 2 (17). – С. 5 – 9.
4. Алефиренко, Н.Ф. «Живое слово»: проблемы функциональной лексикологии / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла: (В аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц) / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – Астрахань, 2000. – 219 с.
6. Аль-Бдер Аднан Хабиб Лафта. Русские пословицы с названиями животных в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Аль-Бдер Аднан Хабиб Лафта. – Воронеж, 2012. – с. 19.

7. Альдингер, О.П. Фразеономастическая картина мира в «Пословицах русского народа» В.И. Даля: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Альдингер Ольга Павловна. – Смоленск, 2006. – 460 с.

8. Аникин, В.П. Предисловие // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Наука, 1966. – С. 3 – 5.

9. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикогра-фия / Ю.Д. Апресян // Избранные труды в 2-х тт.– Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

10. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – № 1. – М.: 1995. – С. 37 – 67.

11. Арутюнова, Н.Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия. // Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Дрофа,1997. – С. 233 – 236.

12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

13. Архипов, Г.А. Зоонимы одного колхоза / Г.А. Архипов // Ономастика Поволжья: Сб. статей / Под ред. В.А. Никонова, Н.Ф. Мокшина. – Вып. 4. – Саранск, 1976. – С. 313-315.

аспекты / В.В. Богданов. – СПб.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1990. – 87 с.

14. Афанасьев, А.Н. Происхождение мифа / А.Н. Афанасьев. – М.: Высшая школа, 1996. – 150 с.

15. Аюпова, Р.А. Лексикографическое описание функционально-стилисти-ческого аспекта фразеологической коннотации / Р.А. Аюпова // Вестник университета Российской академии образования. – М., 2008. – № 5 (43). – С. 78 – 82.

16. Аюпова, Р.А. Фразеологическое значение в лексикографическом описании и контексте (на материале английского, русского и татарского языков) / Р.А. Аюпова. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008а. – 245 с.

17. Аюпова, Р.А. Экспрессивный компонент фразеологического значения в словарной статье (на материале английского, русского и татарского языков) / Р.А. Аюпова // Вестник университета Российской академии образования. – М., 2008б. – № 1 (39). – С. 105 – 110.

18. Бабкин, А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и в словаре / А.М. Бабкин // Современная русская лексикография. – Л.: Наука, 1977. – С. 4 – 19.

19. Бабкин, А.М. Идиоматика и грамматика в словаре / А.М. Бабкин // Современная русская лексикография. – Л.: Наука, 1981. – С. 5 – 43.

20. Бабкин, А.М. Лексикография / А.М. Бабкин // Теоретические проблемы советского языкознания. – М.: 1968. – С. 278. – 286.

21. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 263 с.

22. Бабкин, А.М. Фразеология и лексикография / А.М. Бабкин // Проблемы фразеологии. – М. –Л.: Наука, 1964. – С. 7 – 36.

23. Базарова, Л.В. Концепт “Бог” во фразеологических единицах английского, русского, татарского и турецкого языков: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Базарова Лилия Вязировна. – Казань, 2011. – 22 с.

24. Белинский, В.Г. Литературная хроника, 1838 // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 2. – С. 399 – 437.

25. Биктагирова, З.А. Концепт «семья» в паремиологии английского, турецкого и татарского языков: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Биктагирова Зубайда Альбертовна. – Казань, 2007. – 228 с.

26. Бирих А.Х. Метонимия в современном русском языке (семантические и грамматические аспекты): Дисс. … канд. филол. наук. – Л., 1987. – 270 с.

27. Бичер, О. Пословицы и поговорки с компонентом-зоонимом в системе языка и лингвострановедческого знания // Universum: Филология и

искусствоведение: электрон. научн. журн. – М.: Изд-во «МЦНО», 2014. – № 6 (8). – С. 1 – 11.

28. Бобунова, М.А. Русская лексикография XXI века. Учебное пособие / М.А. Бобунова. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 200 с.

29. Богданов, В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические

30. Брагина, Н. Г. Межкультурное общение: путь к пониманию «другого» // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. – Варшава, 2008. – С. 100 – 109.

31. Букулова, М.Г. Соматическая фразеология тюркских языков: на материале турецкого языка: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.02 / Букулова Мария Георгиевна. – Москва, 2006. – 335 с.

32. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.

33. Введенская, Л.А. Русская лексикография / Л.А. Введенская. – М.: Феникс, 2011. – 379 с.

34. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах / А. Вежбицкая // Thesis: Теория и история экономических и социальных систем: альманах. – 1993. – Т. I, вып. 3: Мир человека. – С. 111 – 121.

35. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

36. Верещагин, Е.М. О предмете, объёме и функциях лингвострановедения / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Воронеж: ВГУ, 1980. – 54 с.

37. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.

38. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 425 с.

39. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 140 – 161.

40. Войцехович, И.В. Практическая фразеология современного китайского языка / И.В. Войцехович. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 509 с.

41. Вольф, Е. М. Метафора и оценка / Е.М. Вольф // Метафора в языке и тексте. – М.: Инс-т языкознания (Академия наук СССР), 1988. – С. 52 – 65.

42. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001 – № 1. – С. 64 – 72.

43. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: Издательство РУДН, 1997. – 332 с.

44. Гак, В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста //Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – № 3. – С. 87 – 96.

45. Гарифуллина, А.М. Фразеологические единицы, выражающие эмоции и чувства человека, в турецком и английском языках: дисс. … канд. филол. наук. 10.02.20 / Гарифуллина Альбина Маратовна. – Казань. – 2005. – 325 с.

46. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразообразования / Ю.А. Гвоздарев. Ростов: Ростовский университет, 1974. – 184 с.

47. Гвоздарев, Ю.А. Процессы образования фразеологических единиц в русском языке / Ю.А. Гвоздарев // Проблемы русского фразообразования. – Тула, 1973. – С. 44 – 63.

48. Гимадеева, А.А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в татарском и английском языках и их лексикографирование: дисс.

… канд. филол. наук. 10.02.01, 10.02.20 / Гимадеева Альфия Альбертовна. – Казань. – 2011. – 243 с.

49. Го Синь-И. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: дисс ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Го Синь-И. – Москва, 2004. – 187 с.

50. Го, Ниннин. Лексикографическая разработка русской фразеологии: автореф. дисс … канд. филол. наук: 10.02.01 / Го Ниннин. – Москва. – 2013. – 20 с.

51. Головина, Л.С. Этнокультурная семантика имени собственного и ее лексикографическая репрезентация иноязычному адресату: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Головина, Любовь Сергеевна. – Волгоград. – 2013. – 211 с.

52. Григас, К.И. Методологические вопросы сравнительного изучения балтийских и славянских пословиц / К.И. Григас. – Вильнюс: Vaga, 1987. – 278 с.

53. Григорьева, Г.Д. Фразеологические единицы с зоонимами в аспекте номинации (на материале современного английского языка): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.02 / Григорьева Галина Сергеевна. – Одесса, 1985. – 24 с.

54. Гудавичюс А.Й. Принципы построения и содержание сопоставительной семансиологии: автореф. дис… д-ра. филол. наук:10.02.19 / Гудавичюс Алоизас Йонович. – М., 1989. – 39 с.

55. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 2000. – 400 с.

56. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

57. Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на Материале русского, английского и

французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 147 – 165

58. Гутман, Е.А., Черемисина, М.И. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским / Е.А. Гутман, М.И. Черемисина // В помощь преподавателям иностранных языков: Сб. статей / Под ред. В.Н. Купреяновой. – Новосибирск, 1972. – Вып. 3. – С. 42-60.

59. Демешева, Е.Н.. Фразеологизмы нравственно-этической оценки в практике преподавания русского языка в арабоговорящей аудитории: лингвокультурологический и лингводидактический аспекты: дисс. ... канд. пед. наук. 13.00.02 / Демешева Елена Николаевна. – Москва, 2007. – 236 с.

60. Денисов, П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии / П.Н. Денисов. – М. : Изд-во МГУ, 1974. – 255 с.

61. Диасамидзе, Г. Эмоциональность фразеологии неродственных языков (русского и турецкого) / Гульнара Диасамидзе // Межкультурные коммуникации. – 2009. – № 10. – С. 17 – 21.

62. Дронов, В.В. Прикладная лингвокультурология: лекция и модель практических занятий по теме «зооморфные образы русской речи». [Электронный ресурс] / В.В. Дронов // Русский язык как второй родной: сборник статей. – Режим доступа: http://bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=article&id=102%3Adronov-v-zoomorfizmy-v-russkoj-rechi&catid=30%3Astarshie-klassy&Itemid=15&lang=ru. (дата обращения: 25.08.2015). – С.126 – 137.

63. Дубровская, О.Г. Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Дубровская Ольга Георгиевна. – Екатеринбург. – 2000. – 259 с.

64. Егоров, А.В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской) / под. ред. Л.Л. Карпова. – Екатеринбург-Ижевск: УрО РАН, 2011. – 200 с.

65. Епифанов, А.А. Русские пословицы и поговорки и их турецкие аналоги (Türk atasözleri ve rus karşılıkları)/ А.А. Епифанов. – СПб.: Каро, 2006. – 351 с.

66. Ермакова, Н.В. Параллелизм концепта «деньги» в русской и французской паремиологии / Н.В. Ермакова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) [Электронный ресурс]. – 2012. – № 10. – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru. (дата обращения: 27.07.2015).

67. Жуков, В.П. Поговорка / В.П. Жуков // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 379.

68. Жуков, В.П. Пословица / В.П. Жуков // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 389.

69. Жуков, В.П. Русская фразеология: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.

70. Завалишина, Ю.Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремиологии в аспекте этнического менталитета: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Завалишина Юлия Геннадьевна. – Курск. – 1998. – 220 с.

71. Зайченко, Н.Ф. Лексико-семантическая группа «названия животных» и её фразеобразующие возможности в современном русском языке. автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.02 / Зайченко Наталья Федоровна. – Киев, 1983. – 25 с.

72. Зимин, В.И. Внутренняя форма как предвосхищение актуального значения идиом / В.И.Зимин // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. (г. Кострома, 22-24 марта 2012 г.) / под науч. ред. А.М. Мелерович. – Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – С. 29 – 30.

73. Зимин, В.И. Русские пословицы и поговорки / В.И. Зимин – М.: Школа-пресс, 1994. – 320 с.

74. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб., 2009. – 291 с.

75. Иванова, Е.В. Пословичная концептуализация мира: на материале английских и русских пословиц: дисс. … д-ра филол. наук. 10.02.04, 10.02.20 / Иванова Елизавета Васильевна. – СПб.: 2003. – 415 с.

76. Ивашко, Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии / Л.А. Ивашко. – Л., 1981. – 101 с.

77. Идрисов, Э.И. Лексико-семантические особенности турецкого языка и тюркских языков Дагестана: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Идрисов Эдик Идрисович.– Махачкала, 2007. – 136 с.

78. Илюхина, И.А. Когнитивные основы формирования культурной коннотации отрицательной фразеологической семантики (на материале русского языка): автореф. дисс. … канд. фил. наук. 10.02.01 / Илюхина Ирина Александровна. – Астрахань, 2010. – с. 19.

79. Кадырбекова, П. Лингвокультурологические вербальные аспекты межкультурной коммуникации: на материале немецкого и кыргызского языков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Кадырбекова Памира. – Бишкек, 2014. – 45 с.

80. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 87 с.

81. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность // Ю.Н. Караулов. – М.:Издательство ЛКИ, 2002. – 264 с.

82. Караулов, Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии / Ю.Н. Караулов // Советская лексикография / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Русский язык, 1988. – С. 5 – 18.

83. Карпова, О.М. О лексикографической терминологии // Лексика и лексикография / Отв. ред. Ю.Г. Коротких и А.М. Шахнарович. – Вып. 9. – М., 1998. – С. 90 – 94.

84. Карташков, А.Н. Принципы построения учебно-толковых словарей английского языка для иностранцев (проблема словника и лексикографической разработки слова в словарях серии Хорнби): учеб. пособие. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1992. – 68 с.

85. Ковшова, М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: когнитивные аспекты: дисс. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ковшова Мария Львовна. – Москва, 1996. – 244 с.

86. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

87. Костина, Н.Ю. Сравнительный анализ английских и русских пословиц и поговорок / Н.Ю. Костина // Иностранные языки в школе. – 2006. – № 1. – С. 83 – 85.

88. Кохтев, Н.Н. Русская фразеология. Учебное пособие // Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь. – М.: Русский язык, 1986. – 306 с.

89. Кочнова, С.О. Лингвокультурологическая интерпретация русских анималистических фразеологизмов без зоонима в практике преподавания русского языка как иностранного: дисс. … канд. пед. наук. 13.00.02 / Кочнова Светлана Олеговна. – Москва. – 2005. – 216 с.

90. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология // В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

91. Креймер, Л.А. Лингвокультурологический аспект пословиц и поговорок на иврите и русском / Л.А. Креймер // Лингвокультурология. – 2009. – № 3. – С. 106 – 146.

92. Крысин, Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии / Л.П. Крысин. – М.: Знак, 2008. – 320 с.

93. Кунин, А. В. Пути образования фразеологических единиц / А.В. Кунин // Иностранные языки в школе. – 1971. – № 1. – С. 15 – 18.

94. Лаврова, О.В. Страноведческий компонент названий животных в аспекте межкультурной коммуникации: дисс. … канд. пед. наук. 13.00.02 / Лаврова Ольга Владимировна. – Санкт-Петербург, 2009. – 265 с.

95. Лаптева, М.Л. «Своё» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: дисс. … канд. филол. наук 10.02.01 / Лаптева Мария Леонидовна. – Астрахань, 2013. – 383 с.

96. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии / Б.А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – С.123 – 148.

97. Литвин, Ф. А. Экспрессивность как свойство лексико-семантической группы // Экспрессивность лексики и фразеологии. Сборник научных работ / Под. ред. К.А. Тимофеева. – Новосибирск., 1983. – С. 84 – 93.

98. Литвин, Ф.А. Об изучении разновидностей зооморфных характеристик (на материале английского языка) / Ф.А Литвин // В помощь преподавателям иностранных языков: Сб. статей. – Вып. 5. – Новосибирск, 1974. – С. 81-93.

99. Литневская, Е.И. Русский язык: краткий теоретический курс для школьников. Часть 3. Лексикология и лексикография / Е.И. Литневская. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 240 с.

100. Майтиева, Р.А. Структурно-семантическая характеристика пословиц и поговорок даргинского языка в сопоставлении с английским: дисс. … канд. филол. наук. 10.02.20 / Майтиева Раисат Алиевна. – Махачкала, 2011. – 167 с.

101. Маклакова, Е.М. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом и их лексикографизация (на материале английского, французского и русского языков): автореферат дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Маклакова Евгения Михайловна. – Казань, 2012. – 22 с.

102. Максимчук, Н.А. Региональный ономастический компонент в структуре обучения РКИ и в учебной лексикографии // XII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве» / Под ред. Л.А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е.Е. Юркова. В 5-ти томах. – Шанхай: Изд-во ШУИЯ, 2011а. Том 1. – С. 757 – 762.

103. Максимчук, Н.А. Комплексный учебный словарь собственных имён как форма представления нормативно-научной картины мира / Н.А. Максимчук // Проблемы истории, филологии, культуры / РАН. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск. 2011б. – № 3 (33). – С. 665 – 669.

104. Максимчук, Н.А. Фразеономастический словарь как новый тип комплексных словарей / Н.А. Максимчук // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. (г. Кострома, 22 – 24 марта 2012 г.) / под науч. ред. А.М. Мелерович. – Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – С. 287 – 289.

105. Максимчук, Н.А. Межъязыковая vs межкультурная коммуникация: проблемы симметрии / Н.А. Максимчук // Перевод как средство взаимодействия культур. – М.: Изд-во МГУ. 2014. – С. 397 – 404.

106. Максимчук Н.А., Бичер О. Проблемы описания в учебном словаре русских пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом (на фоне турецкого языка) // Известия Смоленского государственного университета. 2015. – С. 98 – 105.

107. Малафеева, Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом зоонимом в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Малафеева Екатерина Радиогеловна. – Челябинск, 1989. – 23 с.

108. Мамонтов, А.С. Номинативные единицы – афоризмы (пословицы, поговорки) в аспекте сопоставительного лингвострановедения /

А.С. Мамонтов // Вестник МГУ. Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2002. – № 2. – С. 88 – 97.

109. Мамонтов, А.С. Язык и культура: основы сопоставительного лингвострановедения: дисс. ... докт. филол. наук. 10.02.19 / Мамонтов Александр Степанович. – Москва, 2000. – 326 с.

110. Марданова, Д.М. Сопоставительный анализ фразеологизмов-зоонимов в английском и турецком языках: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.20 / Марданова Дина Марсовна. – Казань, 1997. – 283 с.

111. Маркова, Е.М. Зоонимические представления о человеке в аспекте межславянского диалога языков и культур / Е.М. Маркова // Русский язык и культура в пространстве Русского мира. Материалы II Конгресса РОПРЯЛ 26 – 28 окт. 2010 г. Том 1. – С.-Петербург, 2010. – С. 213 – 219.

112. Маркова, Е.М. Лингвокультурные различия в использовании зоонимического и фитонимического кодов при номинации человека в славянских языках (на материале русского и чешского языков) / Е.М. Маркова // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания. – М.: Флинта-Наука, 2011. – С. 280 – 286.

113. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

114. Медведева, А.В. Символическое значение как тип значения слова: На материале русских и английских обозначений обиходно-бытовых ситуаций, предметов и явлений материальной культуры: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / Медведева Анастасия Викторовна. – Воронеж, 2000. – с. 187.

115. Мелерович, А.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 456 с.

116. Мокиенко, В.М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В.М. Мокиенко. – М., Изд-ва: Азбука-классика, Авалонъ, 2005. – 256 с.

117. Мокиенко, В.М. Из истории фразеологизмов / В.М.Мокиенко // Русский язык в национальной школе. – 1973. – № 5. – С. 70 – 74.

118. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1980. – 208 с.

119. Мокиенко, В.М., Фонякова, О.И. Способы называния в зоонимии / В.М. Мокиенко, И.О. Фонякова // Ономастика Поволжья: Сб. статей / Под ред. В.А. Никонова, Н.Ф. Мокшина. – Вып. 4. – Саранск, 1976. – С. 317-322.

120. Мордвина-Щодро, О.А. Антонимо-синонимические блоки прилагаельных, называющих черты характера человека: лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.02 / Мордвина-Щодро Ольга Арвидовна. – СПб., 2007. – 272 с.

121. Морковкин, В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию / В.В. Морковкин // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Наука, 1988. – С. 131 – 136.

122. Морковкин, В.В. О базовом лексикографическом знании / В.В. Морковкин // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: сборник статей / Под ред. В.В. Морковкина, Л.Б. Трушиной. – М.: Русский язык, 1986. – С. 102 – 117.

123. Морковкин, В.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина. – М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина, ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 1997. – 414 с.

124. Морковкин, В.В., Кочнева, Е.М. Ориентация на пользователя как доминанта учебной // EURALEX’s Proceedings I – II / Eds.: H. Tommola, K. Varantova, T. Salmi-Tolonen, J. Schoop. – Tampere, 1992. – P. 81 – 87.

125. Мусаева, П.Г. Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом-зоонимом лакского и английского языков: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.02, 10.02.20 / Мусаева Патимат Габибуллаховна. – Махачкала. – 2008. – 230 с.

126. Мусап, А. Репрезентация концепта вода во фразеологической картине мира: на материале русского, турецкого и английского языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / – Уфа, 2012. – 172 с.

127. Нгуен, Хуи Кыонг. Отражение национальной картины мира в русской паремиологии (в контрастивных данных паремиологии вьетнамского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Нгуен Хуи Кыонг. – Воронеж, 2011. – 23 с.

128. Недосугова, А.Б. Лингвокультурологическое описание национальной личности в русском и японском языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Недосугова Анастасия Борисовна. – Москва, 2003. – 224 с.

129. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Наука, 1974. – 352 с.

130. Ольшанский, И.Г. Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы / И.Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX века. – М., 2000. – С. 13 – 21.

131. Останкова, В.Ф. Этнокультурная специфика фразеологических единиц: на материале фразеологизмов территориальных вариантов французского языка Африки: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / Останкова Валентина Федоровна. – Белгород, 2006. – 176 с.

132. Павлов, В.В. Сравнительно-сопоставительный анализ структуры и семантики турецких и чувашских пословиц: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.20 / Павлов Владимир Васильевич. – Чебоксары, 2004. – 167 с.

133. Пак, Сон Гу. Национально-культурная специфика названий животных в русской и корейской фразеологии / Пак Сон Гу // Язык, сознание,

коммуникация: сборник статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – 2000. – Выпуск 14. – С. 115 – 120.

134. Пейбонен, Р. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русской и эстонской разговорной речи (по материалам анкетирования русско- и эстоноязычных жителей Эстонии). [Электронный ресурс] / Рина Пейбонен. – 2013. – Режим доступа: http: // dspace.utlib.ee/dspace/bitstream /handle /10062/36211/rina_peibonen_2013.pdf?sequence=1. (дата обращения: 01.08.2015).

135. Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – М.: Лабиринт, 2001. – 624 с.

136. Петрушова, О.Л. Учебные словари в межкультурной коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / Петрушова Ольга Леонидовна. – Ярославль, 2009. – 226 с.

137. Пименова, Н.Д. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-орнитонимом в английском и турецком языках: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.20 / Пименова Надежда Дмитриевна. – Казань, 2002. – 294 с.

138. Пирменова, Н.И. Культурные коннотации фразеологизмов с компонентами свет – небо – земля: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Пирменова Назира Исмековна. – Екатеринбург, 2008. – 219 с.

139. Попов, Р.Н. Взаимодействие в языке лексической и фразеологической систем / Р.Н.Попов // Русский язык в школе. – 1973. – № 4. – С. 66 – 72.

140. Попов, Р.Н. О ядре и периферии фразеологического состава языка / Р.Н. Попов // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии. – Новгород: НГПИ, 1991. – Ч. 2. – С. 108 – 110.

141. Порхомский, М.В. Язык турецких пословиц (грамматический и лексический аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.22 / Порхомский Михаил Викторович. – Москва, 2009. – 29 с.

142. Рахмат, А. Концепт *семья* в русской паремике (лингвокультурологический аспект): дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.21 / Ани Рахмат. – Санкт-Петербург, 2013. – 231 с.

143. Ройзензон, Л.И. Русская фразеология / Л.И. Ройзензон. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1977. – 223 с.

144. Росинене, С.-Г.И. Характеристика человека зоонимами в литовском языке: автореф. дис… канд. филол. наук / Росинене Стефания-Гражина Игно.– Вильнюс, 1978. – 21 с.

145. Рыжкина, О.А. Лексико-семантическая группа зооморфизмов с общим семантическим компонентом «неловкий» / О.А. Рыжкина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. научн. тр. – Вып. VII / Под ред. К.А. Тимофеева. – Новосибирск, 1978. – С. 25-33.

146. Салпагарова, К.Л. Карачаево-балкарские пословицы и поговорки о животных / К.Л. Салпагарова // Фольклор народов Карачаево-Черкессии: сборник научных трудов. – Черкесск: Изд-во ЧГУ, 1991. – С. 131 – 137.

147. Самаркина, Н.О. Метафора в формировании фразеологических единиц с компонентом, относящимся к фразеосемантическому полю “Музыка”, в английском и турецком языках: дисс. … канд. филол. наук. 10.02.20 / Самаркина Надежда Олеговна. – Казань, 2006. – 212 с.

148. Санлыер, Д.Ф. Культурно-национальное мировидение через единицы фразеологического уровня (на материале татарской, турецкой и английской лингвокультур): автореф. дисс. … докт. филол. наук. 10.02.20 / Санлыер Диана Фердинандовна. – Чебоксары, 2008. – 49 с.

149. Сафина, З.М. Когнитивно-лексикографическое описание фразеологических единиц со структурно-семантическим компонентом цвета : На материале английского, русского и башкирского языков: дисс. … канд. филол. наук. 10.02.20 / Сафина Зарема Миниаминовна. – Уфа. – 2004. – 213 с.

150. Селиверстова, Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность: лингвистический аспект: дисс. …

докт. филол. наук. 10.02.01 / Селиверстова Елена Ивановна. – Санкт-Петербург, 2010. – 421 с.

151. Сидоркова, Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: дисс. … докт. филол. наук. 10.02.19 / Сидоркова Галина Даниловна. – Краснодар, 1999. – 322 с.

152. Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. – СПб.: Наука, 2004. – 152 с.

153. Славянский мир [сайт]. URL: slavs.org.ua (дата обращения: 01.05. 2015).

154. Созинова, Э.М. Общее и специфическое в паремиях-эквивалентах: на материале башкирского, русского и английского языков: дисс. … канд. филол. наук. 10.02.20 / Созинова Элла Михайловна. – Уфа, 2006. – 213 с.

155. Соколова, М. В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Соколова Марина Валерьевна. – Чебоксары, 2015.– 326 с.

156. Солнцева, Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, француз-ского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: дисс… канд. филол. наук. 10.02.20 / Солнцева Наталья Владимировна. – Омск., 2004. – 194 с.

157. Солодуб, Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки. – М., 1990. – № 6. – С. 55 – 65.

158. Сукаленко, Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Н.И. Сукаленко. – Киев: Наукова думка, 1992. – 164 с.

159. Сулаева, Ж.А. Пословичная концептуализация мира в кумыкском языке. автореф. дисс. … д-ра филол. наук. 10.02.02 / Сулаева Жанна Абдулгамидовна. – Махачкала, 2011. – 33 с.

160. Сунь, И. Синонимия русских фразеологизмов в сопоставлении с семантическими аналогами китайского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.20 / Сунь И. – Москва, 1998. – 22 с.

161. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М., 1973. – 336 с.

162. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173 – 204.

163. Телия, В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В.Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – 1991. – С. 33 – 66.

164. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988а.

165. Телия, В.Н. О типах и способах фразообразования / В.Н. Телия // Проблемы русского фразообразования. – Тула, 1973. – С. 25 – 43.

166. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурные аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

167. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

168. Тимошенко, И.Е. Литературные первоисточники и прототипы трёхсот русских пословиц и поговорок / И.Е. Тимошенко. – Киев: Типография П. Барского, 1897. – 200 с.

169. Толымбекқызы, К.К. Особенности перевода фразеологизмов с турецкого языка на русский, с русского на турецкий // Материалы VII меж-

дународной научной конференции молодых ученых «Наука и образование – 2011» [Электронный ресурс]. – 2013. – Ч. 7. – Режим доступа: https://repository.enu.kz/handle/123456789/6202. (дата обращения: 29.07.2015).

170. Тон Куан Кыонг. Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка: на материале произведений Чехова и Зощенко: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Тон Куан Кыонг. – Воронеж, 1997. – 150 с.

171. Топоров, В.Н. О ритуале. Введение в проблематику / Топоров В.Н. // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – 298 с.

172. Тотышева, С.С. Фразеология в традиционной культуре хакасов (Лингвокультурологический анализ): дисс. ... канд. культурол. наук. 24.00.01 / Тотышева Светлана Сергеевна. – Улан-Удэ, 2004. – 156 с.

173. Троянова, Т. Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках. дисс… док. филос. наук / Троянова Татьяна. – Тарту, 2003. – 166 с.

174. Тульнова, М.Г. Структура социкультурной коннотации слова в учебном словаре: на материале британских учебных одноязычных словарей: дисс… канд. филол. наук. 10.02.04 / Тульнова Маргарита Афанасьевна. – Москва, 1996. – 158 с.

175. Тянь, Цзюнь. Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.20 / Тянь Цзюнь. – Волгоград, 2001. – 214 с.

176. У, Вэй. Времена года в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): автореф. дис… канд. филол. наук. 10.02.20 / У Вэй. – Санкт-Петербург, 2013. – 24 с.

177. Урасин, З.Г. Клички лошадей у башкир / З.Г. Урасин // Ономастика Поволжья: Сб. статей / Под ред. В.А. Никонова, Н.Ф. Мокшина. – Вып. 4. – Саранск. – С. 309-312.

178. Устуньер, Ильяс. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: дисс… канд. филол. наук. 10.02.20 / Устуньер Ильяс. – Екатеринбург. – 2004. – 172 с.

179. Фёдорова, Т.В. Особенности функционирования и интонационного оформления английских зооморфных пословиц и поговорок: На материале интонационного анализа диалогической речи: дисс. … канд. филол. наук. 10.02.04 / Фёдорова, Татьяна Владиславовна. – Иваново. – 2001. – 165 с.

180. Фрейденберг, О.М. Въезд в Иерусалим на осле // О.М. Фрейденберг. – Миф и литература древности. – М., 1998. – С. 623 – 665.

181. Фролова, О.Е. Пословица: ситуативность, синтаксис, референция / О.Е. Фролова // Вестник МГУ. Серия 9 «Филология». – 2007. – № 3. – С. 31 – 35.

182. Хуайминь, Хао. Фразеообразующий потенциал зоонимической лексики в русском и китайском языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Хао Хуэйминь. – Уфа, 2009. – 372 с.

183. Цуй, Чжэнлин. Сравнительный анализ образов животных в китайском и русском языках / Цуй Чжэнлин // Актуальные вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАК, 2012. – С. 55 – 60.

184. Черпакова, Т.П. Русский язык как иностранный. Сохраняя культуру в языке: учебное пособие / Т.П. Черпакова, Ю.Б. Мартыненко – М.: Изд-во МПГУ, 2012. – 112 с.

185. Чжэн, Гуанцзе. Фразеология тела в русском языке глазами носителя китайской лингвокультуры: дисс. … канд. филол. наук. 10.02.01 / Чжэн Гуанцзе. – Москва, 2013. – 257 с.

186. Чжэн, Инкуй. Названия животных в русском языке: опыт системного анализа / Чжэн Инкуй. – М.: Лазурь, 2002. – 504 с.

187. Чинь Тхи Ким Нгок. Лингвокультурологические основы диалога культур: На материале обучения русскому языку вьетнамцев: дисс. … докт. филол. наук.10.02.01 / Чинь Тхи Ким Нгок. – Москва, 2000. – 361 с.

188. Чой Кён Нам. Языковое выражение культурных символов в русской народной сказке (на фоне корейского фольклора): автореф. дисс. … канд. филол. наук.10.02.20 / Чой Кён Нам. – Москва, 2008. – 24 с.

189. Чумакова, Т.В. Представление о свинье в христианской традиции / Т.В. Чумакова // Образы животных в религиях мира: материалы Международной конференции. – СПб: Изд-во СпбГУ, 2012. – С. 33 – 39.

190. Шамраев, Н.А. Лингвострановедческие основы классификации и лексикографического описания реалий арабского языка: В сопоставлении с рус. яз: дисс. … канд. филол. наук. 10.02.20 / Шамраев Николай Александрович. – Москва. – 1997. – 189 с.

191. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

192. Ширшова, Н.С. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом: лингвокультурный и семантические аспекты / Н.С. Ширшова. – Тобольск: Тобольская соц.-пед. акад. Д.И. Менделеева, 2014. – 51 с.

193. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 427 с.

194. Щербак, А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках / А.М. Щербак // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Издательство АН СССР, Институт языкознания, 1961. – С. 82 – 172.

195. Юрков, Е.Е. Образные средства русского языка в аспекте лингвокультурологии / Е.Е. Юрков // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. – СПб., 2003. – С. 147 – 153.

196. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – № 1 – 3. – М., 1996. – С. 34 – 48.

197. Ясюкевич, Е.Н. Паремия как феномен языка: образно-смысловой и модально-синтаксический уровни организации: (на материале русских и английских пословиц и поговорок): автореф. дисс. … канд. филол. наук. 10.02.19 / Ясюкевич Елена Николаевна. – Минск, 2003. – 21 с.

198. Яшина, М. Приемы и методы исследования культурно-маркированной лексики // Rivista Telematica del Dipartimento di Linguistica dell'Università di Pisa (Интеллектуальная Система Тематического Исследования Научно-технической информации) [Электронный ресурс]. – 2009. – № 7. – Режим доступа: http://www.humnet.unipi.it/slifo/vol7.1/Yashina7.1.pdf. (дата обращения: 21.08.2015).

199. Abdulbaki, Gölpınarli. Yunus Emrenin Hayati ve Buttin Şiirleri / Gölpınarli Abdulbaki. – 1st ., 1979. – 440 p.

200. Borotov Petrev, Naili. 100 soruda Turk Folkloru / Naili Borotov Petrev . – 1st., 1973. – 312 p.

201. Elçin, Є. Halk edebiyatına giriş. – Ankara: Sevinç Matbaası, 1986. – 772 p.

202. Eyüboğlu, K. Dedemin Türkiye'si (Turkish). – Sokak Kitaplari, 2014. – 356 p.

203. Hagerlioglu, Orhan inan. Sözlüğü, Dinler-Mezhepler-Tarikatlar-Efsaneler / Orhan inan Hagerlioglu. – İstanbul: 1975. – 254 p.

204. Özdemir, E. Açıklamalı Atasözleri Sözlüğü. – İstanbul: Remzi Kitabevi, 1981. – 346 p.

205. Sami, Akalin. Türk folklorunda kurallar. Esra Matbaasi / Akalin Sami. – Ankara, 1993. – 320 p.

206. Tahir, Nejat Gencan. Dilbilgisi. – TDK Yayinlari.,1979:– 604 p.

Список словарей

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

2. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: АСТ, 2000. – 624 с.

3. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

4. Большой толковый словарь русского языка / Под. ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.

5. Большой турецко-русский и русско-турецкий словарь: 450000 слов и словосочетаний / сост. Богочанская Н.Н., Торгашова А.С. – М.: Дом Славянской книги, 2009. – 607 с.

6. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / отв. ред. В.Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

7. Глаза, Х. Аннотированный турецкий словарь пословиц. – Стамбул: Революция. Книжный магазин, 1982. – 345 с.

8. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. –М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 699 с.

9. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 3. – 555 с.

10. Жуков, А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. – М., 2003. – 704 с.

11. Колесов, В.В., Колесова, Д.В., Харитонов, А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А – О. – С.Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с.

12. Колесов, В.В., Колесова, Д.В., Харитонов, А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П – Я. – С.Петербург: Златоуст, 2014а. – 592 с. (СРМ).

13. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

14. Мадлевская, Е.Л., Эриашвили Н.Д., Павловский В.П. Русская мифология. Энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. – 421 с.

15. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х томах. Том 1. (А – И). – М.: Советская Энциклопедия, 1988.

16. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х томах. Том 2. (К – Я). – М.: Советская Энциклопедия, 1988.

17. Сидорина, Н.П. Турецко-русский словарь пословиц и поговорок. – М.: Толмач, 2006. – 352 с.

18. Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.

19. Толковый словарь русского языка / Под. ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1997. – 940 с.

20. Фелицына, В.П., Прохоров, Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановед. Словарь / В.П., Фелицына, Ю.Е. Прохоров / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.

21. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова и др. / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 543 с.

22. Benekç, Шериф. Словарь Притчей (аннотированная инстанции). Стамбул: Груша, 1995.

23. Kavas, Yakup. Словарь идиом и пословиц: Аннотированный-экземпляра. – Стамбул: Самореализация Публикации, 1991. – 560 с.

24. Оздемир, Эмин. Аннотированный словарь пословиц. – Стамбул: Ремзи Книжный магазин, 1981. – 650 с.

25. Saraç, Adil. Şanlıurfa Пословицы и идиомы словарь. – Шанлыурфа: Филиал издательство, 1987. – 348 с.

Источники языкового материала

1. Даль, В.И. Пословицы русского народа. В 2 т. – СПб. – М.: Тип. М.О. Вольфа, 1879. – 1364 с.

2. Епифанов, А.А.. Русские пословицы и поговорки и их турецкие аналоги (Türk atasözleri ve rus karşiliklari) / А.А. Епифанов. – СПб.: Каро, 2006. – 351 с.

3. Жигулёв, А.М. Русские народные пословицы и поговорки. – М.: Московский рабочий, 1958. – 360 с.

4. Жигулёв, А.М., Кузнецов, Н.П. Сборник пословиц и поговорок. – М.: Воениздат, 1974. – 108 с.

5. Мансурова, О.Ю. Турецко-русский словарь пословиц: 1111 изречений, используемых в повседневном общении. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 94 с.

6. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). – М.: Наука, 1970. – 260 с.

7. Aksoy, O.A. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü (3 Cilt). – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1984. – 2064 s.

8. Akdağ, F.A. Açıklamalı Atasözleri Sözlüğü. – İstanbul: Nurdan Yayınları, 1989. – 453 s.

9. Тьrkзe Sцzlьk. Turk Dil Kurumu. – Ankara, 2005. – 2225 s.

Приложение 1

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК С ЗООМОРФИЗМАМИ

Верблюд

1.И верблюда на обороти водят.

2.Лёг верблюд, так приехали.

3.Мал сокол, да на руке носить; велик верблюд, да воду возить.

Волк

1.Волк и с больной овцой управится.

2.Волк режет скотину, медведь дерёт.

3.Волка ноги кормят.

4.Волку зима за обычай, сказана волку зима.

5.И то бывает, что овца волка съедает.

6.Как волка ни корми – всё в лес смотрит.

7.Крадёт волк и считанную овцу.

8.Люди дорогою, а волк стороной.

9.Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел.

10.Не первая волку зима.

11.Не суйся в волки с собачьим хвостом.

12.С волками жить – по-волчьи выть.

13.Стань ты овцой, а волки готовы.

14.Таскал волк – потащили и волка.

15.Худо овцам, где волк воевода.

16.Что у волка в зубах, то Егорий дал.

Ворон(а)

1.Пуганая ворона куста боится.

2.Эта ворона нам не оборона.

3.Вороне соколом не бывать.

4.Как ни бодрись ворона, а ей до сокола далеко.

5.Всякому б ворону на свою голову каркать.

6.Старый ворон мимо не каркнет.

Конь (лошадь)

1.Большая лошадь хозяину не ко двору: травы недостает.

2.Будь гладка, как яичко (приговаривают на Пасху, поглаживая лошадь яйцом).

3.Бурого коня за рекой примечают.

4.Возит воду, возит и воеводу.

5.Волчья снедь, воронье мясо, травяной мешок (брань на лошадь).

6.Вороной да серый мужику не ко двору.

7.Деньгами коня не купишь.

8.Добр конь, да копыта отряхивает.

9.Добрую лошадь одной рукой бей, другой слёзы утирай.

10.Друга чуешь аль недруга (когда лошадь храпит).

11.Жила лошадь у семи попов по семи годов – стало ей семь годов.

12.И слепая лошадь везёт, коли зрячий на возу сидит.

13.Игренюю лошадь за рекою купи.

14.Казак голоден, а конь его сыт.

15.Казак сам не ест, а лошадь кормит.

16.Кобыла за делом, а жеребёнок так и бежит.

17.Конь копытом сдачи даёт.

18.Конь мой, вся надежда моя.

19.Конь не выдаст, и враг не съест.

20.Конь тощой – хозяин скупой.

21.Конь, мой конь, ты мой верный друг.

22.Конь, нога бела – десять рублёв, две ноги белы – двадцать рублёв, три ноги белы – тридцать рублёв, а четыре ноги белы – четыре рубля.

23.Коню не верь: кобылью голову найдёшь, ту и зануздай.

24.Кто донских лошадей объезжает, тот отца и мать не почитает.

25.Лошадь – человек (безответный работник либо глупый).

26.Лошадь молодая: первая голова на плечах, и шкура не ворочена.

27.Лошадь молодую покупай, а за старую денег не теряй.

28.Лошадь от кошки сохнет, от собаки добреет.

29.Лошадь холь, корми, как сына, а берегись как ворога.

30.Лошадь человеку крылья.

31.Лошадь, что жернов, всё мало корму.

32.Мышиный жеребчик.

33.На лошадь не плеть покупают, а овёс.

34.На потную лошадь овод валится.

35.Насколько убил клячу, настолько и уехал.

36.Не корми лошади тестом, да не нудь ездом.

37.Не потчуй лошади ездом, а корми тестом: не гладь рукой, посыпай мукой.

38.Он мышиным жеребчиком глядит.

39.Погоняй коня не кнутом, а овсецом.

40.Помилуй (вынеси), Господь, коня и меня.

41.С чем лошадь покупается, то с неё не смывается.

42.Сена по колено, овса по щётки, а воды лотки.

43.Сенным конем не ездить, соломенным волом не орать.

44.Сеном лошадь, что копну набьёшь? А от овса на теле рубашка закладывается.

45.Стой, конь, не шатайся, никому в руки не давайся.

46.Сытая лошадь меньше ест.

47.Ты боишься лошади, а она тебя боится.

48.У всякого жеребёнка своя попрыжка.

49.У хорошего хозяина нет плохой лошади.

50.Удастся голубец (голубая лошадь), не надобен и дубец.

51.Узда наборная, лошадь задорная. Только и есть, что кнут, да хомут.

52.Ушми прядёт, землю роет, пар из ноздрей пускает.

53.Чалый с ленцой, да с тягою.

Лиса

1.Близ норы лиса на промыслы не ходит.

2.Всякая лиса свой хвост хвалит.

3.Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела.

4.Когда ищешь лису впереди, то она назади.

5.Кто в чин вошёл лисой, тот в чине будет волком.

6.Лиса всё хвостом прикроет.

7.Лиса и во сне кур считает.

8.Лиса придёт, и куры раскудахчутся.

9.Лиса семерых волков проведёт.

10.Лиса хвостом замывает.

11.Назначили лису воеводой в лесу: пера много, а птицы нет.

12.Нанималась лиса на птичий двор, беречь от коршуна, от ястреба.

13.У лисицы хвост долг, а на свой не сядет.

14.У лисы Патрикеевны ушки на макушке.

Осёл

1.Здесь прежде жили царские послы, а ныне мы, ослы.

Свинья

1.Была бы свинка, будут и поросята.

2.Была у свинки золотая щетинка, да в грязи завалялась, отняли.

3.Если загонять свиней в хлев есть, то свинья поест поросят.

4.Знает толк, как свинья в апельсинах.

5.Наряди свинью в серьги, а она в навоз.

6.Не забыть свинье полена: помнит, где поела.

7.Не мечите бисера перед свиньями, да не попрут его ногами.

8.Не пинай свиньи: свороб выступит (прикинется).

9.Посади свинью за стол – она и ноги на стол.

10.Свиней скликать, глядя в окно – в огород не полезут.

11.Свинье только рыло просунуть, и вся пролезет.

12.Свинья – это крестьянская копилка.

13.Свинья грязь (везде, всегда) найдёт.

14.Сыта свинья, а все жрёт; богат мужик, а всё копит.

Собака (пёс)

1.Битому псу только плеть покажи.

2.Вольно псу и на владыку брехать.

3.Вольно собаке и на владыку брехать.

4.Жил собакой, околел псом.

5.И собака помнит, кто её кормит.

6.Кто от собаки (после собаки) ест, у того горло распухнет.

7.Любишь меня, так люби и собачку мою.

8.Молодая собака от старых лаять учится.

9.Не бей собаки, и она была человеком.

10.Не дразни собаку, так не укусит.

11.Не пинай собаку: судороги потянут.

12.Не поваляв куска, собака не съест.

13.Пёс косматый – ему тепло; мужик богат – ему добро.

14.Сколько собаке не хватать, а сытой не бывать.

15.Собака есть, да камня нет.

16.Собака есть, так палки нет; палка есть – собаки нет.

17.Собака и на владыку лает.

18.Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждёт.

19.Собака лает, ветер носит.

20.Собака обжора, а кошка сластёна.

21.Собака человеку неизменный друг.

22.Собаке – собачья и честь.

23.Собаку грешно кликать человеческим именем.

24.Собаку можно целовать в морду, а не в шерсть, кошку – наоборот.

25.Хватлива собака была, да волки съели.

26.Чёрная собака, белая собака – а всё один пёс.

27.Чтоб собака не сбежала, вырвать из шеи клок шерсти.

Приложение 2

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТУРЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК С ЗООМОРФИЗМАМИ

Собака (пёс)

1.Köpeğin duası kabul olsaydı gökten kemik yağardı.

Если бы молитвы собаки были услышаны, то с неба сыпались бы кости.

2.Köpeğin iyisi leş başında, insanın iyisi iş başında.

Хорошая собака подле падали, хороший человек возле работы.

3 . Köpek havlamakla hava bulanmaz.

От собачьего лая погода не испортится.

3.İt iti ısırmaz.

Собака собаку не кусает.

4.«İt ısırmaz, at tepmez», deme.

Не говори, что лошадь не лягнёт, а собака не укусит.

5.İt izi at izine karıştı.

Собачьи следы смешались со следами коней.

6.İti an, çomağı hazırla (taşı eline al)

Упомяни собаку и готовь дубину.

7.İtten çok pabuç aşıran olmaz, yine yalınarak gezer

Сколько собака ни крадёт обувь, а всё босой ходит.

8.İti yol kocatır

Собаку старит дорога.

9.Köpeksiz köye kurt iner

Туда, где нет собаки, приходит волк.

10. Köpek kadından akıllıdır: sahibine havlamaz

Собака умней бабы: на хозяина не лает.

11. Köpeğe arkadan ata önden yanaş

К собаке подходи сзади, а к лошади – спереди.

12. Kızgın köpek sopadan korkmaz

Сердитая собака не боится палки

13. Kendi bahçelerinde bütün köpekler güçlüdür

Все собаки сильны у себя во дворе.

14. Cebimde köpekler havlıyor.

Собаки лают в кармане.

15. Kudurmuş köpek sahibinide ısırır.

Бешеная собака и хозяина кусает.

16.İt ürür, kervan yürür.

Собака лает, караван идёт

17. Evin küçüğü olacağına el kapısında it ol.

Чем быть младшим в семье – лучше у чужих людей собакой быть.

18. Kim çobanı seviyorsa köpeğini de sevmek zorunda

Кто любит чабана, должен любить и его собаку.

19. Köpeksiz tavşan yakalıyamassın.

Без собаки зайца не поймаешь.

20. Fakari deve üstünde bile köpek ısırır

Бедняка даже на верблюде собака кусает

21. Bir Köpeğin Dostluğu , Bir Dostun Köpekliğinden iyidir.

Дружба собаки, дороже друга-собаки.

21. Erkek köpek değilki kemik sevsin.

Мужчина не собака, костей не любит.

22. Köpek dahi tatlı dilden anlar

И собака ласковое слово знает.

23. İti tepesine çıkarmak

Взвыла собака на свою голову.

24. Kedi köpek gibi yaşıyor.

Живут как кошка с собакой.

25. Kurttan korkan köpeğini hazırlar.

Кто опасается волков, тот готовит собак.

26. Ölü iti kimse deynekle dövmez.

Мёртвую собаку никто палкой не бьёт.

27. İtin tüyü nasılsa namıusuda öyledır.

Какая на собаке шерсть, такая ей и честь.

28. İtin önünden yiyenin boğazı şişer

Кто от собаки поест, у того горло распухнет.

29. İt gibi sinirlenmek

Злой как собака.

30. Bütün köpekler birinin üstüne gelmezler

Всех собак вешать на кого-то.

31. Köpeğin kemiği sevdiği gibi

Любит как собака палку.

32. Çocuklar Köpeğin evde olmasını yavrulayana kadar severler .

Дети любят, когда в доме есть собака – до тех пор, пока у собаки не появятся дети.

33. Al it, kara it, hepsi bir it.

Белая собака, чёрная собака – всё равно собака.

34. Kuduz kцpek sahibinide ısırır

Бешеная собака и хозяина кусает.

35.Köpek sahibini ısırmaz: İnsan ne denli kötü olursa olsun, kendini koruyana kötülük etmez.

Собака хозяина не кусает.

36.Kuduz köpek kırk gün yaşar.

Бешеной собаке сорок дней жить.

37. Aç kurt tok köpekten güçlüdür.

Голодный волк сильнее сытой собаки.

38.Eğer köpek gibi yasayip insan gibi ölmek istiyorsan –evlen, eger insan gibi yaşayıp köpek gibi ölmek istiyorsan-evlenme

Если хочешь жить как собака, а умереть как человек – женись, если хочешь жить как человек, а умереть как собака – не женись.

39. Köpek, ekmek yediği kapıyı tanır.

И собака помнит, кто её кормит.

40. Köpek bile yal yediği kaba pislemez

И собака старое добро помнит.

41. Köpek gibi herşeyi anlıyorum ama konuşmuyorum.

Как собака – все понимаю, а сказать не могу.

42. çok havlayan köpek ısırmaz

Брехливая собака не кусается (= собака, которая много лает, – не кусается).

43. Ak köpeğe koyun diye sarılma.

Не обнимай белую собаку, называя его овцой.

44.Bir kemiği iki köpek aralarında paylaşmaz .

Две собаки не поделят одной кости.

45.Köpek kuyruğunun şeklini değiştirmez

Собачий хвост своей формы не меняет

46. Köpek fakirlikten korkar, fakirlik köpekten

Собака боится нищего, а нищий – собаки.

Волк

1. Kurt sisi sever

Волк туман любит.

2. Kurdun oğlu akıbet kurt olur

Сын волка в конце концов становится волком.

3. Kurdun oğlu kuzu olmaz.

Сын волка ягнёнком не станет.

4. Kurt kapana girmeyince faka bastığını bilemez.

Пока волк не попадет в капкан, не поймет, что попал в ловушку.

5.Kurt köyünü değiştirir, huyunu değiştirmez.

Волк каждый год линяет, а всё сер бывает.

6.Kurt kuzuyu haber vererek yemez.

Волк не ест ягнёнка, оповестив того заранее.

7.Kurdu ne kadar beslersen besle, o hep dağa (ormana bakar).

Сколько волка ни корми, а он всё в лес смотрит.

8. Üzüm üzüme baka baka kararır.

С волками жить – по-волчьи выть.

9. Kurt köpekten korkmaz ama havlamasını da sevmez.

Волк собаки не боится, но не любит, когда она лает.

10. Kurt tüyünü değiştirir ama dişlerini asla.

Волк шерсть меняет, а зубы никогда.

11. Kurtların arasında sonuncu olmak, zakalların arasında birinci olmaktan iyidir.

Лучше быть последним среди волков, чем первым среди шакалов.

12. Kurt kurtu yemez.

Волк волка не ест.

13. Kurttan korkan köpeğini hazırla.r

Кто опасается волков, тот готовит собак.

14. Yanlız buzağı kurt çabuk yer

Одинокого телёнка волк быстро съедает.

15.Kurt kocayınca kцpeklerin maskarası olur

Когда волк состарится, он становится посмешищем для собак

16.Sьrüden ayrılan koyunu kurt kapar.

Ягненка, отбившегося от стада, хватает волк.

17.Kurt Çoban’dan iyilik beklemez

Волк в пастухи не годится.

18.Kurt ile koyun, kılıç ile şaka birlikte olmaz

Волк и баран, сабля и шутка вместе не бывают.

19.Kurt doğan tilki olmaz

Кто волком родился, тому лисой не бывать.

20. Aç kurt aslana saldırır.

Голодный волк нападает на льва.

21. Aç kurt yavrusunu yer.

Голодный волк ест своего детёныша.

22. «Kurt gibi acıktım».

Я голодный как волк.

Конь (лошадь)

1.Atlar nallanırken kurbağalar ayak uzatmaz.

Когда куют коня, лягушки лапы не протягивают.

2.At almadan ahır dikme (yapıyor)

Не купив коня, не строй конюшню.

3.At ölürse yerine tay geçer.

Конь умрёт, на его место придёт жеребёнок.

4.Ata binersen Allahı, attan inersen atı unutma.

Сев на коня, не забудь про Бога, а когда слезешь, не забудь про коня.

5.At elin, it elin, bize ne.

Лошадь чужая, собака чужая, нам-то что.

6. Hediye edilen atın ağzına bakılmaz

Дарёному коню в зубы не смотрят.

7. Papazdan at, duldan kız alma

Не купи у попа лошади, не бери у вдовы дочери.

8. Atın sağlıklı ise yoldan korkma

Не бойся дороги, были бы кони здоровы

9. Köpeğe arkadan ata önden yanaş

К собаке подходи сзади, а к лошади – спереди.

10. Eğer koca bir kurt yardım ederse, sivrisinekte ata hükmeder

И комар лошадь одолеет, коли большой волк ему поможет.

11. El atıyla uzağa gidemezsin

На чужом коне далеко не уедешь.

12. At almadan ahır dirme.

Не купив коня, не строй конюшню.

13. Yavaş atın tekmesi pek olur.

Смирная лошадь больно лягается.

14. Yorgun eşek attan hızlı koşar.

Битый ишак бежит быстрее лошади.

15. Irmaktan geçerken at değiştirilmez .

На переправе коней не меняют.

16.Bir (Kere) Sьrзen Atın Başı Kesilmez.

Лошади голову не отрубят за то, что один раз споткнулась.

17.At цlьr, itlere bayram olur.

Смерть коня – праздник для собаки.

18. Onmadık (talihsiz) hacıyı at üstünde (Arafat'ta) yılan sokar.

В несчастье, будь ты и на коне, змея укусит.

19.At çalındıktan sonra ahırı kitlesen ne olur.

Незачем запирать конюшню, когда лошадь украдена.

20.Eğreti ata binen tez iner.

Кто в спешке садится на лошадь, долго на ней не усидит.

21. Dokuz at bir köke bağlanmaz.

Девять лошадей не привязывают к одному колу.

22. Mollaya sormuşlar baban kim molla anam attır demiş.

У мула спросили: «Кто твой отец?» Он ответил: «Моя мать – лошадь».

23.At binicisini tanır.

Лошадь признаёт своего всадника.

24.Atta, avratta uğur vardır.

В лошади и в женщине есть удача.

Верблюд

1. Deveyi yardan uçuran bir tutam ottur.

И пучок травы может ввергнуть верблюда в пропасть.

2. Deve büyüktür, amma başını bir eşek çeker.

Верблюд большой, да ведёт его ишак.

3. Deve ölürse derisi eşeğe yük kalır.

Если верблюд умрёт, его шкура ослу будет грузом.

4.Deve var bir akzeye deve var bin akzeye.

Есть верблюд за одну монету, есть верблюд за тысячу монет.

5.Deveye hörgücü ağır gelmez.

Верблюду горб не в тягость.

6.Deve Kabe'ye gitmekle hacı olmaz.

Сходив в Киблу, верблюд хаджи не станет.

7. Deveyi halının altına saklayamazsın.

Верблюда под ковром не спрячешь.

8.Köpek ne kadar havlasada deve onu duymaz.

Сколько бы собака ни лаяла на верблюда, тот не услышит

9.Deveden bьyьk fil va.r

И больше верблюда зверь есть.

10. Köpek deveye havlasada deve onu tanımaz.

Собака на верблюда лаяла, а верблюд и не знал.

11. Silah sesine alışık deve davul sesinden korkmaz.

Верблюд, привыкший к пушкам, не испугается барабана.

12.Deve sinek avlamaz.

Верблюд не ловит мух.

13. Çok karınca deveyide öldürür.

Много муравьёв убивают и верблюда.

14. Deve var bir akzeye, deve var bin akzeye.

Верблюд есть за одну копейку, верблюд есть за тысячу копеек.

15. Talihsiz hacıyı deve üstünde bile yılan sokar.

В несчастье, будь ты и на верблюде, змея укусит.

16. Deve yerine deve зцker:

На место верблюда придёт верблюд.

Осёл

1. Eşek hoşaftan ne anlar (suyunu içer, tanesini bırakır).

Что осёл понимает в компоте?

2.Eşeği düğüne çağırmışlar, «ya su lazımdır ya odun» demiş.

Пригласили осла на свадьбу, а он говорит: «Либо вода нужна, либо дрова».

3.Eєeğin hatırı yoksa, sahibin hatırı var.

Если осёл не пользуется уважением, то владелец пользуется им.

4.Eşek at olmaz, ciğer et olmaz.

Осёл не станет конём, а печёнка мясом.

5. Eşek eşeği ödünç kaşır.

Осёл чешет осла в долг.

6.Eşeğe altın semer vurulsa eşek yine eşektir.

Даже если на осла накинуть золотое седло, он всё равно останется ослом.

7. Alçak eşek binmeye kolay Öksüz çocuk dövmeye kolay.

Легко сесть на низенького осла, легко обидеть сироту.

8.Eşek sudan gelinceye kadar .

Пока осёл не придет из воды.

9.Eseğini sağlam kaziğa bağla sonra Allaha emanet et.

Сначала привяжи своего осла, потом поручай его Богу.

10.Attan inip Eşeğe binmek.

Слез с лошади и сел на осла.

11.Geɜti Bor’un pazarı (sür eşeğini Niğde’ye)

Закончился рынок в Боре, езжай на осле в Нигду.

12.Yük altında eşek kalır.

Груз носить ослу.

13.Attan düşen ölmez eşekten düşen ölür.

Не умрёт упавший с лошади, погибает упавший с осла.

14. Alçak eşeğe herkes biner

На маленького осла каждый может сесть.

15.Eseğin kulaklarını kessen bile eşek ceylan olmaz

Ослу хоть уши подрежь – всё равно газелью не станет.

16. Eşeği dama çıkaran yine kendi indirir.

Тот, кто затаскивает ишака на крышу, сам же его и спускает.

Ворон(а)

1.Karga karganın gözünü oymaz.

Ворон ворону глаз не выклюет.

2.Karga gül dalına konmakla bülbül olmaz.

Ворона, севшая на ветку розового куста, не становится соловьём.

3Kargalar ötmeye başlayınca bülbüller susar.

Когда начинают петь вороны, соловьи замолкают.

4.Karga yavrusuna bakmış, «benim ak pak evladım» demiş.

Ворона посмотрела на своего птенца и сказала: «Мой беленький и чистенький детёныш».

5. Yaban ellerde kartal bile karga gibidir.

На чужой сторонке и орёл – ворона.

6. Kuzguna yavrusu Şahin görünür.

Свой птенец и ворону кажется соколом.

Лиса

1.Tilki tilkinliği anlatıncaya kadar post elden gider.

Пока лиса рассказывает о своей хитрости, шкура исчезает.

2.Tilkin yüz masalı varmış doksan dokuzu tavuk üstüne.

Было у лисы сто сказок, девяносто девять из них о курице.

3.Yaşli tilki tuzağa düşmez.

Старая лисица не попадёт в капкан.

4.Tilki aynı tuzağa iki sefer düşmez.

Лиса в капкан дважды не попадает.

5.Yürük tazıyı tilki sevmez.

Лисе не нравится бег гончих.

6.Tilki uykusuna yatmak. uyuyormuє gibi yaparak fırsat kollamak.

Залечь в лисий сон.

Свинья

1.Domuz ne bilir cevherin kıymetini.

Разбираться как свинья в апельсинах.

2.Domuzun burnunu kulağını kesmişler yine domuz yine domuz.

Свинье нос и уши отрезали, а она всё свинья.

3.Eski düşmandan dost domuzdan post olmaz.

Из свиной кожи не сделаешь шкуры, а из старого врага – друга.

4. Domuzdan toklu çıkmaz (doğmaz) кцть huylu kimsenin зocuğu melek huylu olmaz.

Из свиньи ягнёнок не выйдет (не родится).